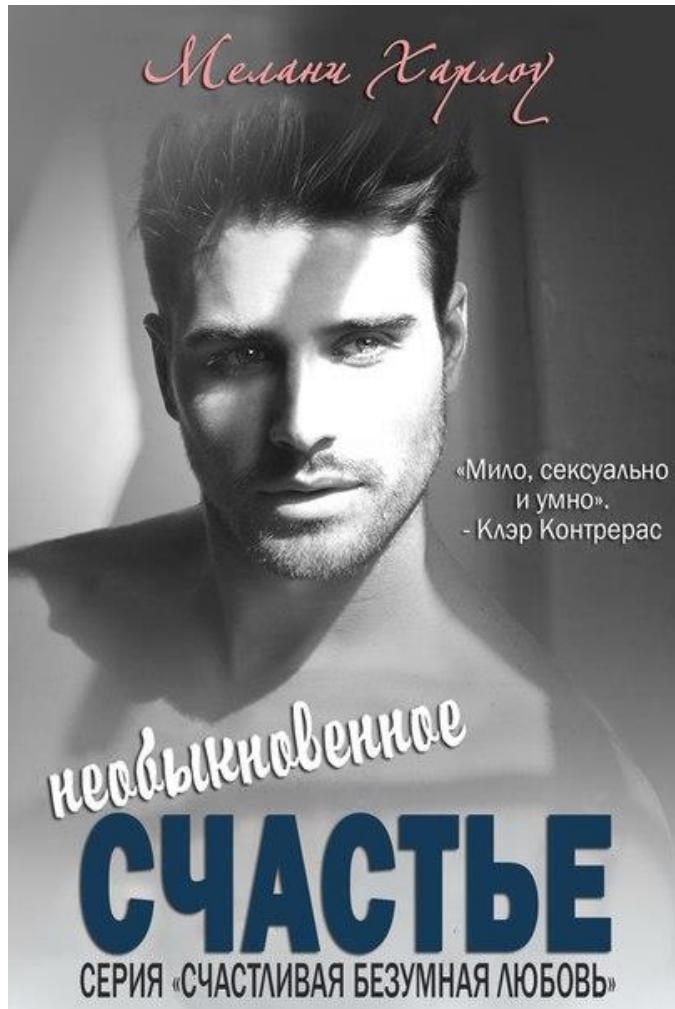


Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

«Необыкновенное счастье»
серия «Счастливая безумная любовь»
Мелани Харлоу



Название: Мелани Харлоу, «Необыкновенное счастье»

Серия: Счастливая безумная любовь #1 (про разных героев)

Переводчик: Matreshka (1-13 главы), Наталья К. (с 14 главы)

Редактор и обложка: Mistress

Вычитка: Pandora

Оформление: Юлия и Ника

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>

18+

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

*Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

Скайлар Никсон — двадцатисемилетняя несостоявшаяся актриса без «Плана Б». После того как унизительный опыт на реалити-шоу уничтожил то, что осталось от мечты ее детства, она возвращается в свой родной город без денег, без диплома и с уверенностью, что она просто посмешище — восходящая звезда из маленького городка, которая не смогла покорить большой город.

Когда она сталкивается с бывшим одноклассником, Себастьяном Прайсом, она не может поверить, что это сексуальное тело и точеный подбородок принадлежат застенчивому, нервному отшельнику, которого она знала десять лет назад. Поначалу он совсем недружелюбен, и она слышала слухи о его трагическом прошлом, но что-то в его печальных глазах интригует ее. Она просто хочет узнать его прошлое.

Пока не наступает ночь, когда она хочет больше — и получает это.

(Жестко и страстно. Дважды.)

Они просто два человека, которые ищут утешение? Или опальная королева красоты и разочарованный молодой парень с изъяном все-таки смогли найти свое необыкновенное счастье?

Содержание:

1 глава.....	4
2 глава.....	10
3 глава.....	15
4 глава.....	18
5 глава.....	21
6 глава.....	26
7 глава.....	34
8 глава.....	36
9 глава.....	41
10 глава.....	47
11 глава.....	50
12 глава.....	54
13 глава.....	59
14 глава.....	62
15 глава.....	67
16 глава.....	73
17 глава.....	77
18 глава.....	80
19 глава.....	85
20 глава.....	88
21 глава.....	91
22 глава.....	96
23 глава.....	102
24 глава.....	105
25 глава.....	109
26 глава.....	114
27 глава.....	118
28 глава.....	121
29 глава.....	127
30 глава.....	135
31 глава.....	137
32 глава.....	141
33 глава.....	144
34 глава.....	151
35 глава.....	154
36 глава.....	156
Эпилог	162

1 глава

Скайлар

Я не ужасный человек, клянусь, но вы бы так не подумали, если бы увидели меня на «Оседлай лошадь» (Объезди Ковбоя).

Ох, вы никогда не слышали об этом?

Хорошо.

Это нелепое реалити-шоу, где тридцать красивых девушек соревнуются за любовь хозяина ранчо крупного рогатого скота. Для того чтобы показать свою заинтересованность в нем, они делают суперзначимые для него вещи, например, носят красные ковбойские сапоги с крошечными джинсовыми шортами, визжат болея за него на местном rodeo, и конечно же, занимают очередь на механического быка. Последнее, будет смонтировано в веселые #ПАДЕНИЯ, так как ни одна из девушек не сможет продержаться больше десяти секунд, а кто-то даже больше двух.

(Если вам интересно знать, я продержалась семь. И это было не очень здорово).

— Двинься! — моя младшая сестра Натали пронеслась из ванной к дивану, отталкивая мою руку, и плюхнулась рядом со мной.

Я нахмурилась.

— Нат, заставить меня смотреть на себя в «Оседлай лошадь». Думаешь простительно (в зависимости от того, как они смонтировали последнюю серию) выпить всю «Маргариту», пока я смотрю? — нет. — Я надеялась, что помутнение от текилы смягчит стыд от отвратительной идиотки, которой я была по телевизору, но этого до сих не произошло.

В свою защиту скажу, что продюсеры сказали мне быть отвратительной идиоткой. Как только я приехала в Монтану, они отвели меня в сторону и сказали:

— Ты нам нравишься, но мы хотим, чтобы ты была сумасшедшей, которую люди любят ненавидеть, и мы убедимся, что ты останешься на шоу надолго, пока будешь хороша в этом.

Подумав об этом минуту, я согласилась. В конце концов, я пришла на шоу, чтобы меня заметили. Если я буду еще одной хорошей девочкой, которую выгнали после первого эпизода, к чему это приведет меня?

Если бы я знала, что пройдохи редакторы сделают так, что я буду выглядеть еще хуже, чем веду себя — мастерство, которое я клянусь не было возможным, — я бы принимала решение дольше, чем за шестьдесят секунд.

— Ох, да ладно тебе. — Натали, которая была оптимисткой по жизни, толкнула мою руку. — В каждом шоу должен быть кто-то, кого ненавидят, и этот человек всегда запоминается лучше всего.

Я громко отхлебнула «Маргариту».

— Предполагается, что от этого я должна чувствовать себя лучше?

— Да! Ты можешь назвать хоть одного человека с реалити-шоу? Нет, — продолжила она, прежде чем я смогла ответить. — Потому что на хороших людей скучно смотреть по телевизору. Никакого веселья.

Глубже погрузившись в диван, я наблюдала как я критикую чей-то наряд на экране.

— Я даже не выгляжу забавно. Я выгляжу как ужасная сука. — Я подняла свой телефон и проверила Твиттер, хоть и знала, что это будет болезненно. — Да. Как я и думала. Хэштег #скайларотстой в тренде. О, вот хороший: Скайлар Никсон даже не симпатичная. Ее рот как мой анус.

Натали забрала мой телефон и бросила его между нами на диване.

— Пошло это всё, люди глупые и им просто нравится слышать свою болтовню. Послушай, ты отправилась на шоу, чтобы сделать себе имя. И это сработало! Месяц назад

ты была просто королева красоты из Мичигана. На прошлой ты была в US Magazine!! Это успех!

— Нет. Они сделали фото, как я заливаю бензин в машину, и я выглядела жирной. — Я закрыла один глаз и поморщилась, наблюдая, как на экране я подлизывалась к бедному ковбою Дексу и бесстыдно флиртовала. — Боже, ужаснее я никогда не была. Не думаю, что могу продолжать смотреть эту катастрофу. — Допивая остаток своего напитка, я встала с дивана.

— Ты пропустишь церемонию с Лассо!

— Хорошо. — Я прошла к кухонному столу, который, к сожалению, был еще в пределах слышимости телевизора. Последний месяц я жила в маленьком, перестроенном амбаре на ферме своих родителей, и все было в одной длинной комнате: кухня в одном конце, а спальня в другом. На самом деле, это даже не была спальня, просто кровать, отделенная от главного пространства плотными шторами цвета слоновой кости, что свисали до пола. Я добавила эту деталь сама. В действительности мои родители позволили мне переехать в их новый гостевой домик бесплатно, потому что я помогала маме декорировать его. Не то чтобы у меня была степень в декорировании интерьера — или вообще в чем-нибудь. Но я была рада взяться за эту сложную задачу — украсить и сделать красивым неопрятное помещение. Я должна пойти в колледж и получить степень по дизайну.

Или таксидермии.

Или подводному корзиноплетению.

Или, черт побери, чему угодно, что даст мне шанс получить реальную карьеру, когда все мои мечты «Я Стану Звездой» потерпели крах.

Тяжело вздохнув, я провела время на кухне, добавив еще несколько кубиков льда в свой бокал и заполнив его щедро «Маргаритой». Но я вернулась к дивану как раз, когда ковбой Декс выдавал лассо тем девушкам, кто поймал его сердце в аркан на этой неделе. Закатив глаза так сильно, что было больно, я удивилась, что смогла сохранить невозмутимое выражение лица на время этого абсурда. Нет, даже лучше, чем невозмутимое, мое выражение было приятным и благодарным, когда Декс протянул мне веревку. Бедный парень. Он был милым, но невыносимо скучным. На самом деле между нами не было никакой химии, но я уверена, что продюсеры сказали ему оставить меня на какое-то время.

Ох, вы не знали, что продюсеры манипулируют всем на телевидении, чтобы вызвать конфликты и напряжение ради увеличения рейтингов? Так и есть. Постоянно.

Есть несколько секретов, которые я расскажу вам, хотя вы не должны слышать их от меня:

Все эти шоу чертовски гадкие. Все участники безвозмездно тратят свое время, единственное, что оплачивается — перелеты, проживание, питание и напитки. За месяцы съемок, у меня остались лишь задолженности на кредитке, потому что все деньги я тратила на одежду, обувь, прически и макияж.

Говоря о напитках, участники могут пить спиртное, и их воодушевляют это делать. Столько алкоголя, сколько они хотят на ранчо, потому что наблюдать за группкой пьяных девушек всегда веселее, чем за группкой трезвых. Во время кастинга исполнительные продюсеры спрашивали у нас о предпочтениях в алкоголе, и всегда держали бары заполненными.

Что приводит меня к последнему пункту. Продюсеры — кукловоды шоу, а участники больше похожи на марионетки. На шоу может не быть сценария, но если ты не говоришь то, что они хотят услышать, если ты не болтаешь о том, о чем они хотят, то они останавливают камеру и говорят: «Поговорите об этом». И затем они очень ловко монтируют, вырезая ненужное им или соединяя слова, сказанные в совершенно разных случаях, чтобы создать предложения никогда и никем не произнесенные — для этого даже есть название: *frankenbiting*. (прим. Техника, используемая в реалити-шоу для создания полностью новых предложений, которые строятся путем смешивания вместе фрагментов

других предложений, которые сказал человек. Это позволяет редакторам шоу плести их собственные повествования, которые могут быть более захватывающими, чем подлинные события, которые произошли)

Вот так.

— Я никогда не говорила этого, — сказала я, вжимаясь в диван и морщась, когда услышала ехидное замечание: «Люди из маленьких городов ограниченные и глупые».

Натали втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

— Ничего себе, это довольно резко. Ты не говорила этого?

— Нет! Это точно монтаж — посмотри, это вырезано с моего интервью и добавлено к голосу за кадром! Мой голос даже не звучит одинаково! Эти гребаные продюсеры скользкие типы.

Затем камера снова была направлена на меня, когда я давала интервью, и боже, я ненавидела свое лицо. И мой глупый девичий голос. И кто сказал мне, что желтый цвет хорошо сочетается с моим тоном кожи?

— На самом деле я из маленького городка, — сказала я. — Я выросла на ферме в Северном Мичигане, но не могла дождаться, когда смогу уехать оттуда.

Подождите минутку? Я сказала это? Я прикусила губу. По правде говоря, я не могла вспомнить. И так как я недавно вернулась в маленький городок в Северном Мичигане, это было особенно неловко.

И затем стало хуже.

— Там нет ничего, кроме кучки пьяниц, деревенщин и помешанных на оружие фанатиков, — я слушала свой голос, в то время как кадры какой-то незнакомой, в ретро стиле, главной улицы, мелькали на экране, в комплекте с фермером, который ехал на тракторе через город.

— Что? — от злости я подскочила на ноги. — Я знаю, что никогда не говорила этого! Эти кадры даже не отсюда!

— Они могли сделать это? — спросила Натали, наконец, возмущаясь и заступаясь за меня. — Я имею в виду, просто взять несколько слов, которые ты говорила и смешать их вот так? Это неправильно.

— Конечно, неправильно, но да. они могли, — сказала я горько. Они могли сделать все, что угодно, потому что это их шоу. Когда я отхлебнула «Маргариту», мой телефон издал сигнал. Я схватила его с дивана и посмотрела на экран.

Сообщение от нашей старшей сестры Джиллиан. Она доктор и обычно слишком занята, чтобы смотреть телевизор, но на мою удачу, очевидно, она нашла время сегодня.

Какого хрена это было?

Но прежде чем я смогла ответить, пришло еще одно сообщение — от моей матери.

Я думала ты говорила, прошлая неделя была худшей. То, что случилось с механическим быком.

Мое сердце застучало сильнее. Я открыла сообщение от мамы и написала ответ:

Я так думала! Я говорила тебе не смотреть это шоу, мам. Они манипулируют. Я никогда такого не говорила.

Но я знала, что она не поймет. Не важно, как часто или хорошо я объясняла работу монтажа, она все равно не понимала. Мой телефон завибрировал в руке.

— Ох, Иисус. Она звонит мне, — пожаловалась я.

— Кто?

— Мама. Она смотрела шоу, хотя я сказала ей не делать этого. Мне нужно ответить? Моя сестра пожала плечами.

— Нет. Но ты живешь на ее собственности. Она возможно видит в окно.

Я пригнулась, затем снова опустилась на диван. Обычно я не игнорировала свою маму, но прямо сейчас я была не готова защищать себя или снова читать ей лекции о том, как или почему делается монтаж ради рейтинга. Я нажала игнорировать и бросила телефон

на стол. — мы можем уже, пожалуйста, перестать это смотреть? — подняв пульт, я выключила телевизор, не дожидаясь ее ответа.

— Все не так плохо, Скай. — Натали встала с дивана и отправилась на кухню, чтобы наполнить свой бокал.

— Да, все плохо, и ты знаешь это. Я только что оскорбила всех, кого мы знаем здесь.

— Может. никто не видел, — сказала она, едва оптимистично.

— Я правда надеюсь, что это так. — Я прижала ноги к своему телу, уперев подбородок в колени. Посмотрев в большое панорамное окно, я увидела, что темнота опускается на фруктовый сад, в котором я выросла. Воспоминания наполнили мой разум... как я бегала через ряды ароматно цветущих вишневых деревьев весной, собирая фрукты летом, пробиралась через коричневые хрустящие листья осенью, бросала снежинки в сестер зимой. Может, я не ценила это достаточно, когда была моложе, но я все здесь любила. При всем его лоске, я никогда не чувствовала себя в Нью-Йорке как дома. Мне даже больше нравилась Монтана, чем Манхэттен.

Натали вернулась на диван и прислонилась к противоположному концу, вытягивая свои ноги в мою сторону.

— Ладно, найдем хорошее в плохом. Ты получила именно то, чего добивалась — привлекла внимание к себе. Ты всегда была хороша в этом.

Она собиралась глумиться? Натали никогда не юлила, если хотела что-то сказать, как и я. Если мы хотели что-то сказать, то просто говорили это.

Я взглянула на нее округлившимися глазами.

— Что ты имеешь в виду под «именно»?

— Не заводись. — Он подтолкнула меня босой ногой. — Я просто говорю, что ты знаешь, как работает телевидение. Ты, очевидно, очаровала продюсеров, раз они захотели, чтобы ты осталась.

— Но не настолько, чтобы быть уверенными, что я могу завоевать сердце ковбоя самостоятельно, — обратила внимание я.

Она пожала плечами.

— Ты сказала, что у вас не было никакой химии.

— У нас не было. Но почему я? — захныкала я. — Почему они не могли попросить кого-то другого играть злодейку?

— Потому что они думали, что только ты сможешь хорошо сыграть. Им нужен был кто-то, кто действовал бы хитро и манипулировал, а еще был красивым и достаточно интересным, чтобы вести себя естественно и задержаться там надолго. Я думаю, это был комплимент!

Я подняла руку.

— Ой, да ладно. Там все красивые. И разве ты не слышала? Мой рот выглядит как чай-то анус.

Она пнула меня.

— Перестань, ты всегда была особенной — ты освещала комнату своим присутствием.

— Она сгорбилась и состроила рожицу, исказив свои прекрасные черты лица. — Все остальные просто держались в тени, ожидая обедки после тебя.

Я закатила глаза. Натали была прекрасной, и она знала это. У нее просто не было никакого желания выпячивать себя. В то время как я обожала косметику, она предпочитала естественность.

Я закупалась средствами для волос и сушила волосы феном, в то время как она позволяла им высыхать самостоятельно. Я могла легко — и с радостью — спустить зарплату на пару лабутенов, она копила каждый цент.

И вот поэтому у нее был свой бизнес в двадцать пять лет, а ты все еще карабкалась на вершину в двадцать семь. Ты можешь быть старшей сестрой, но у нее есть магазин, парень и квартира. Что есть у тебя?

Я уперлась локтями в спинку дивана и закатила глаза.

— Боже, Нат. Я правда облажалась. Это не привело к тому, что Скорсезе постучался в мою дверь, и я, вероятно, вызываю отвращение у всех, кого мы знаем.

— Перестань быть такой королевой драмы. Они простят тебя, когда ты сверкнешь перед ними этой привлекательной улыбкой Вишневой королевы.

— Ха. Может мне стоит найти свою корону и начать носить ее по городу? Напомнить им, что когда-то они любили меня.

— Это значит, что ты остаешься здесь насовсем?

Подняв свой напиток, я сделала небольшой глоток.

— Полагаю да, хотя я обещала маме, выехать из их гостевого домика в конце месяца.

— Значит у меня есть три недели разобраться, где я буду жить, или же переехать к ним. — Я сморщилась над бокалом. — Я такая неудачница. Переезжаю к родителям в двадцать семь.

— Ты не неудачница. Но если ты все еще хочешь быть актрисой, почему бы тебе не вернуться в Нью-Йорк и снова попытаться. Многие люди не пробиваются сразу.

Как много раз я слышала это за последние несколько лет?

Я болтала лед в бокале. Смогу ли я снова попасть на прослушивание в Нью-Йорке? Все отказы так удручили. Потом еще одинокая жизнь в городе. У Нью-Йорка нескончаемая энергия в любое время суток, в любой день недели. Когда-то я не могла дождаться, чтобы оказаться частью этого. Конечно, я все романтизировала — жизнь, которую я себе воображала включала в себя работу, которую я получала после прослушивания, что я смогла бы платить за квартиру и у меня оставалось бы много денег, чтобы потратить на обувь, кутежи и модныеочные клубы, где я бы чокалась с элитой театрального мира, каждый из которых называл друг друга «дорогой» или «дорогая», и приглашали бы меня с ними на лето в Хэмптон.

Само собой разумеется, все пошло не так.

Я провела целых четыре года в Нью-Йорке, и в прошлом году я заплатила за квартиру, исключительно подрабатывая барменом, пока врала своим родителям, сестрам и всем, кто спрашивал о прослушиваниях.

Насколько это жалко? Я имею в виду, множество людей лгут в своих резюме о своем успехе, но я лгала о своих неудачах, выдумывая работу, которую не получила.

Реклама пива? Они искали кого-то моложе.

Драма про юристов? Оказывается, они хотели брюнетку.

Веб-сериал про нянь вампиров? Так и не перезвонили.

Я провела все детство, мечтая стать актрисой и попасть в объективы фотокамер, а сейчас я получаюсь отказываюсь от этого. Или может, я просто недостаточно хороша.

В любом случае это было депрессивно.

Я обдумывала отказаться от всего, когда появилась возможность попасть на «Оседлай лошадь», и так как я ненавидела возвращаться с полным провалом, я подумала, что могу воспользоваться последней отчаянной попыткой, чтобы получить успех.

Взглянув на прошлое, мне все-таки стоит вылезти из канавы и поднять белый флаг. Или еще лучше, попросить кого-то застрелить меня.

— Я не знаю, Нат. Я... на самом деле не очень любила жить в Нью-Йорке. — Признание, как я тосковала по дому ощущалось, как очередной провал.

— Ну, что насчет возвращения на круизные судна?

Я скривила рожицу.

— Нет. Двух лет было достаточно — все это было ради опыта. И из-за денег.

— Тогда останься здесь, — сказала она уверенно. — Твои корни здесь. Твоя семья здесь. Ты найдешь новую работу себе по душе, и тогда легко найдешь квартиру.

— Мне нравилась моя работа. — Я посмотрела в окно поверх ее головы. — И я скучаю по ней здесь, — признала я. — Но все будут думать, что я большая жирная неудачница!

— К черту всех! — сказала Натали в резком порыве. — Почему тебя заботит, что другие думают о тебе?

Я пожала плечами, желая, чтобы это было не так. Но это было так. Так сильно, что было больно. Через три недели будет десятилетний юбилей окончания школы, и я приду туда с довольно скучной историей — несостоявшаяся актриса без «Плана Б».

Я бы хотела, чтобы я могла похвастаться своими успехами за последние десять лет. Но проблема была в том, что это не так. У меня не было карьеры, мужа или детей, или собственного дома. Все вокруг будут показывать фотографии своих прекрасных семей, чтобы продемонстрировать и рассказать о своих успехах. А что буду делать я?

Семь секунд на механическом быке.

И парочка хороших туфель.

2 глава

Скайлар

На следующий день я показалась на работе в шато «Ривард», молясь, чтобы никто на винодельне не видел шоу предыдущим вечером.

— Доброе утро, Джон, — сказала я менеджеру дегустационного зала.

— Доброе утро, Скайлар. — Он осматривал бокалы за длинным, изогнутым столом для дегустаций. В свои пятьдесят он был подтянутым сверху и располневшим снизу, слишком серьезно относился к вину, но он нравился мне. Он научил меня многому за последний месяц.

— Дай мне секунду, и я помогу тебе. — Я пошла в комнату для персонала и положила свою сумку и ключи в шкафчик, прежде чем снова присоединилась к нему. — Эй, я хотела посоветоваться, может, снимем видео в этом месяце. У меня есть идея — серия клипов про дегустацию для нашего веб-сайта и канала Ютуб, они обучат людей дегустации различных сортов вин, но не будут высокомерные или слишком поучительные. Просто что-то веселое и доступное, и мы могли бы показать на первом плане наш рислинг (при. перев. технический (винный) сорт винограда, используемый для производства белых вин) на лето.

— Ютуб? — Джон покосился на меня. — У нас есть Ютуб-канал?

— Будет. Я обещаю. — Я улыбнулась ему, когда раскатала рукава своей белой блузки.

Был теплый день для мая, поэтому утром я закатала их, но в подобной пещере дегустационной комнате всегда было холодно из-за каменных стен и пола. Для меня место было немного темноватым и похожим на подземелье, а модная французская мебель определенно была старой и неудобной, но в семье Ривард чтили традиции и не приветствовали изменения. И хотя технически я была всего лишь помощником менеджера по дегустации, я думала, что могу помочь немного модернизировать место — не только помещение для дегустации, но и многое другое. Поэтому, если я хотела набраться наглости и попросить повышение, чтобы я могла позволить себе свою квартиру, мне лучше доказать свою состоятельность.

— У меня также есть несколько идей насчет дополнительных летних мероприятий, и я хочу поговорить об этом с миссис Ривард чем раньше, тем лучше.

— На самом деле она хочет видеть тебя. — Джон поставил один стакан и поднял другой, держа его в тусклом свете от старой люстры. — Она сказала отправить тебя к ней в кабинет, когда ты придешь.

— Ох. — Это было немного странно. Обычно я не встречалась с ней по утрам, потому что в это время были туры по винограднику. — У меня есть время? Уже без четверти десять! Две группы записаны на сегодняшнее утро.

— Я прикрою тебя здесь. Иди.

Неприятное ощущение пробралось мне под кожу.

— Она не сказала, по какому поводу зовёт меня?

Он покачал головой.

— Нет, просто сказала отправить тебя.

Я попыталась пошутить.

— Должна ли я волноваться?

— Понятия не имею. Но, вероятно, тебе нужно идти. Она не любит ждать.

Нет, она не любит. Миранда Ривард была приверженцем: пунктуальности, манер и традиций. Она родилась в семье виноделов в третьем поколении, хотя Риварды работали на этой земле задолго до этого, она желала сохранить историю полностью. Эта преданность была хороша, когда нужно было сохранить маяк или обеспечить статус исторического памятника старому поместью, но с этим было сложно работать, когда дело доходило до обновления дегустационной комнаты или технологий.

Когда я шагала по большому, роскошно обставленному лобби винодельни, а также устаревшему, я задалась вопросом, зачем меня вызвали? Меня ждет что-то хорошее? Почему я не могу избавиться от предчувствия, что это что-то плохое?

В конце лобби, я открыла тяжелую деревянную дверь с табличкой «Служебные помещения». Кабинет миссис Ривардс — я не смела звать ее Миранда — находился в конце длинного коридора, но этим утром я бы хотела, чтобы он располагался еще дальше. Я шла как можно неторопливее, мой взгляд был сосредоточен на потертой ковровой дорожке. Когда я дошла до двери, я встала, не решаясь постучать, и подбородила себя.

Расслабься. Нет ни единого шанса, что Миранда Ривард смотрит «Оседлай лошадь». Вероятно, это что-то насчет социальных аккаунтов, которые ты предложила создать.

Верно. Должно быть, из-за них. Разгладив юбку и выпрямив плечи, постучала дважды и ждала.

— Да?

Я открыла дверь и просунула голову внутрь.

— Джон сказал, вы хотели видеть меня?

— Да, Скайлар, я хотела. Проходи. — Она указала на кресла перед своим столом, и мой желудок сжался.

Перестань. Здесь проходило твоё собеседование, вероятно в этом месте она проводит все встречи с сотрудниками.

— Закрой дверь. Сядь.

Черт. Я уволена.

Я подошла к креслам и уставилась на них, как будто если я выберу правильное место, это поможет мне.

— Садись, садись, — сказала миссис Ривард немногим нетерпеливо. Она выглядела именно так, как можно себе представить ведьму в обычной жизни — резкие черты лица, проницательные глаза, длинные худые пальцы — но без зализанных волос. Ее седые волосы были идеально подстрижены и свивали до подбородка в такой же идеальной укладке. На лицо был нанесен легкий макияж, но кожа была достаточно хороша для женщины ее возраста, и я на мгновение задумалась начать с комплимента. Но пересмотрела свое решение, когда увидела критический взгляд в ее глазах, и сурово сжатый рот. Медленно я опустилась на край коричневого кожаного кресла, несмотря на сильное желание придумать способ изменить тон этой встречи. Заговори вперед нее! Начни с чего-то позитивного!

— Я очень рада, что вы захотели встретиться со мной этим утром, миссис Ривард, потому что у меня появилась идея предложить вам серию видео. — Я попыталась повлиять на нее улыбкой королевы красоты.

Привал.

— Скайлар, — сказала она решительно, сцепив пальцы вместе под подбородком. — Боюсь, мне предстоит принять сложное решение.

На моем лице застыла мерзкая улыбка.

— Ох?

— Да. Это насчет твоей должности в шато «Ривард». Понимаешь, у нашего бренда есть определенный имидж...

— Миссис Ривард, — перебила я. — Если бы я могла просто...

— ...не перебивай, — сказала она резко.

Привал.

— Как я уже сказала, шато «Ривард» очень серьезно относится к своей репутации. Мы старейшая винодельческая компания здесь и всегда были преданы качеству, профессионализму и традициям. Мы остаемся на рынке, потому что у нас высшее качество, и мы угождаем умеющим разбираться в вине клиентам, кто ожидает, что наши вина — как и наш персонал — будут безукоризненны. Понимаешь?

Я вздохнула.

— Я здесь, потому что не подхожу под эти стандарты?

— Когда ты проходила собеседование, я была довольна твоей внешностью, историей твоей семьи в этой местности, твоей ролью бывшей «Вишневой королевы», и твоему энтузиазму в том, что касалось вина.

— А сейчас?

— Сейчас я сожалением говорю, что боюсь, эти первоначальные впечатления теперь затмило твое недавнее поведение на телевидении и последующее внимание СМИ к нему. Особенно утренняя статья в «Пенинсула Пресс».

— Какая статья? — спросила я, вцепившись в ручки кресла. Мои хлопья Froot Loops вспенились в моем желудке.

— Ты не видела ее? — она подняла одну бровь и многозначительно посмотрела на газету на своем столе.

— Нет. — Паникуя, я подпрыгнула и схватила газету. Мои глаза сканировали заголовок — и вот оно.

БЫВШАЯ «ВИШНЕВАЯ КОРОЛЕВА» СКОРЕЕ КИСЛАЯ, ЧЕМ СЛАДКАЯ.

О боже.

Я быстро прочитала статью, мое сердце сжалось от каждого колкого комментария и позорного перефразирования моих поступков на шоу. Автор упомянул как горды они были увидеть «любимицу родного города» на телевидении, но как эта гордость увядала с каждой неделей. «Кто бы мог подумать, что мы когда-нибудь увидим, как наша милая «Вишневая королева» заливает в себя водку и скачет на механическом быке?» — спрашивал он.

— Что? Это даже неправда! Это была текила, не водка! — выплюнула я.

— Едва ли детали имеют значение, — тон миссис Ривард был едким.

Может и нет, но я надеялась на более ложные утверждения в статье, на что я могла сказать: Это не я! Я никогда не делала этого! Никогда не говорила этого! Но, к сожалению, все, о чем он написал, показывали на экране. Он закончил статью, осуждая меня за ужасные вещи, которые я говорила, о месте откуда я родом, где все еще живет и работает моя семья, и презирал меня за оскорблении хороших людей злобными и низкими словами. Тех же самых людей, что короновали меня в «Вишневую королеву» и радостно позволили мне представлять их по всей стране.

Стране! Самое дальнее куда я доехала как «Вишневая королева» — это Элкс Лодж в городе Флинт в Мичигане!

Но это не будет служить мне оправданием. Если я хотела сохранить эту работу, мне нужно извиниться и согласиться, что мое поведение было неподобающим.

— Миссис Ривард, я сожалею из-за шоу. Соглашусь, они показали меня не очень... привлекательно.

— Они показали тебя? Не думаешь, что твои собственные действия были... непривлекательными? — она насмехалась над моим выбором слов.

— Ну, и да, и нет. Я хочу сказать, я делала и говорила некоторые вещи, которые не должна была, но после монтажа все стало гораздо хуже. Люди должны понимать это.

Она наклонила голову.

— Восприятие реальности, Скайлар. Я удивлена, что ты еще не выучила это.

Привал.

Я не знала, что сказать. Она была права. Казалось, что все мое тело сжалось.

— И боюсь, что то, как тебя воспринимают сейчас, это не тот образ, который я хочу видеть среди сотрудников зоны обслуживания гостей.

Я ничего не сказала, когда тяжелый стыд увольнения окутал меня, как густой туман.

— Я отправлю тебе чек за прошлую неделю. Удачи. — она встала, и я расценила это как то, что она закончила.

— Спасибо, — сказала я угрюмо.

— Уверена, ты найдешь другую работу, — добавила она, когда я была у двери. — Ты была хорошим продавцом, и тебя часто упоминали в благодарственных записях нашего дегустационного зала. Но я предлагаю тебе переехать. У людей в маленьких городах хорошая память.

Я кивнула и вышла, не встречаясь с ней взглядом, отчаянно пытаясь остановить приливную волну слез, которая нарастала внутри меня. Она не заслуживает видеть моих слез.

Протолкнувшись через толпу в дегустационном зале, я быстро нырнула в помещение для персонала и взяла свою сумочку и ключи, затем стремительно вышла оттуда, даже не попрощавшись с Джоном. Я была уверена, что он знал о моем увольнении. Как унизительно было думать о нашей ранней беседе — он знал, что я иду наверх, чтобы меня уволили, но позволил мне разглагольствовать о видео на Ютуб!

Сдерживая рыдания, я залезла в разбитый старый джип, и отъехала, позволяя любому, кто смотрит, увидеть мой средней пальца с бокового водительского окна.

Поначалу я хотела вернуться в гостевой домик и свернуться под одеялом, но осознала, что проехала дорогу, которая вела к ферме родителей, пока что не желая объяснять ситуацию своей матери. Особо не задумываясь об этом, я продолжала ехать на север, прямо в Лайтхаус-Парк на конце полуострова. Я вернулась несколько недель назад, но еще не посетила свое любимое место в детстве. Мой папа брал нас с сестрами на прогулки по тропинкам, указывая на «Индийские деревья» изогнутые под большим углом коренными американцами сотни лет назад, чтобы отметить тропы. Мы приезжали на пляж рассматривая ископаемые и посещали маяк, и он рассказывал нам о призраке Мейбл Дэй — влюбленной шестнадцатилетней девушки, чьи родители не дали ей разрешения выйти за моряка, которого она встретила здесь летом. Когда он снова уплыл, не женившись на ней, а его корабль потерялся в море, она утонула в заливе. Я все еще могла слышать приглушенный, жуткий тон отца, когда он рассказывал финал: «И, если вы внимательно прислушаетесь ночью, вы сможете услышать ее плач на ветру.»

Такими историями я делилась с гостями в дегустационном зале, думая, что местный колорит всегда поможет продажам — это давало им что-то эмоциональное, кроме самого продукта, они могли рассказывать историю дома, когда откупоривали бутылку вина.

Я припарковалась на почти пустой парковке, прошла мимо маяка, и спустилась по деревянным ступенькам к пляжу, где сняла свои туфли на каблуках. Ветер от воды был холодным, когда я ощущала песок под голыми ступнями.

Радуясь одиночеству на пляже, я прошла немного ближе к воде и плюхнулась на песок, подоткнув свою расклешенную полосатую юбку под себя. Я оперлась на руки, закрыла глаза и подставила лицо солнцу.

Давай, подумай. Сосредоточься. Благодаря «Осадлай лошадь» ты не получила никаких предложений по работе, но разве ты когда-нибудь на это рассчитывала? Нет. Вместо того чтобы обдумать последствия поведения злой язвы на национальном телевидении, ты включилась во все это и делала все, чтобы угодить продюсерам и остаться на всеобщем обозрении. Твоя проблема в том, что ты никогда не думаешь наперед — ты просто хватаешься за возможность, не думая, что случится, если все пройдет не так уж идеально.

Я нахмурилась. Это было не очень жизнерадостно.

Но мне пришлось столкнуться с тем, что многое в моей жизни можно было подытожить фразой: «На тот момент это казалось хорошей идеей».

Катание на роликовых коньках с горки в пятом классе (Потеряла равновесие).

Катание на водных лыжах в бикини в десятом классе. (Потеряла верх).

Напиться виски с Томми Паркером, а затем забраться в кузов его пикапа в выпускном классе. (Потеряла девственность).

На самом деле, из того, что я помнила, это был не такой уж ужасный первый раз, но я немного неясно помнила тот день. Но Томми был милым со мной после этого, и мы

тусовались вместе все лето, прежде чем он уехал в колледж осенью. Три года спустя, когда я была утверждена на «Вишневую королеву», я немного нервничала, что он появится и расскажет всем о «показном плохом поведении» в кузове его пикапа, что выставит меня в нежелательном свете. Но он не сделал этого — он был хорошим парнем так же, как и большинство людей здесь. Я чувствовала себя ужасно, что наговорила гадости о них.

И поток неприятностей становился все больше. Когда я думала о статье обо мне в газете, я хотела поступить как Мейбл Дэй и исчезнуть под водой. Моя репутация была уничтожена. Разваливаясь на части, я легла на песок и прикрыла лицо руками. Боже, я создала такой беспорядок. Когда-то здесь восхищались мной и уважали меня. Я играла главную роль в каждой постановке. Махала с платформ и пьедесталов. Люди просили мой автограф, фотографировались со мной.

Сейчас меня оскорбляли.

Но как мне показать всем, что я не такая сука, какой была на шоу? Что я всё ещё та же девушка, которую они всегда знали, просто немного старше и мудрее — ладно, может, не мудрее, но по крайней мере пытаюсь учиться на своих ошибках! Я подписала контракт, который запрещает мне рассказывать о времени, проведенном на «Оседлай лошадь», поэтому я не смогу полностью очистить свое имя. Должен быть другой способ напомнить им, что я все ещё та девушка, которую они с гордостью называли своей.

Подождите секунду... вот оно! Я могла бы вернуться к своим корням, дотянувшись до народа «Вишневого Карнавала»! Фестиваль начинается в июле, и может, там будет роль для меня, как для бывшей королевы.

Я села, обновленная энергией. Да, идеально. Я восстановлю свою репутацию делая хорошие дела, вовлекшись в жизнь общества. Я пожертвую своим временем и энергией нуждающимся организациям. Я буду работать на любом событии фестиваля, на которой меня позовут. Я буду посещать школы, разрезать ленты, целовать младенцев, срывать вишню. Они вероятно не заплатят мне, но ничего страшного. Родители разрешат мне переехать к ним на лето и после фестиваля моя репутация будет восстановлена, как и моя уверенность в себе, и я найду работу где-нибудь, и начнукопить на собственное жилье.

Я сделала глубокий вдох, и холодный влажный воздух оживил меня. Пахло землей и свежестью, как лес и вода, как каждую весну в моем детстве. Перерождение. Поднявшись на ноги, я отряхнула песок с юбки и повернулась, гордясь собой, что нашла решение как настоящий взрослый.

К моему удивлению я больше не была в одиночестве на пляже.

Мужчина сидел примерно в шести метрах от меня, опираясь предплечьями на колени, а руки сцеплены между ними. Он знал, что я здесь, должно быть, видел меня, когда приехал, но не сказал ничего, когда я прошла к ступенькам и не отводил взгляда от воды. Хотя у него был красивый профиль. Короткие темные волосы, сильная челюсть, покрытая аккуратной щетиной, милые уши. Звучит странно, я знаю, но у меня уши Никсонов — а они торчат.

Поэтому я редко убираю волосы назад, и всегда замечаю уши других людей.

На нем были очки авиаторы, джинсы, светло-коричневый пиджак, и когда я подошла ближе я заметила, что рядом с ним на песке лежал толстый старомодный, спиралевидный блокнот с ярко-красной обложкой. Заинтересованная, я почти поздоровалась, но что-то в полной неподвижности его позы сказали мне, что он не хочет, чтобы его беспокоили, и приветствие застряло в моем горле.

Может, он смотрит шоу, подумала я хмуро. Может, он точно знает, кто я, и не хочет разговаривать со мной.

Мой дух немного упал, когда я дошла до деревянных ступенек, и в этот момент я поняла, что забыла свои туфли там, где сидела. Я резко развернулась, но подвернула лодыжку и упала на песок на ноги и руки, тихо пискнув.

О боже. Пожалуйста, не позволяй ему увидеть меня.

Несколько секунд спустя я услышала его голос.

3 глава

Себастьян

Я увидел ее. Конечно я увидел ее.

Поначалу я думал, что она плачет, потому что она лежала на спине, накрыв руками лицо. Хотя я и был разочарован, что пляж предоставлен не только мне, я сочувствовал ей и хотел спросить в порядке ли она. Но когда я подошел ближе и понял, что это Скайлар Никсон, то начал колебаться.

Скайлар Никсон.

Я не видел ее десять лет, но тут же узнал ее. Ее волосы — такие светлые, что почти серебристые на песке. Ее пальцы закрывали глаза, но я знал, что они голубые. Не яркие или пронзительно голубые, как драгоценный камень, а светлее, мягче, как выцветшая джинсовая ткань.

Я знаю это не потому, что провел много времени, смотря прямо в эти глаза, а потому, что каждую ночь в течение года смотрел на ее фото в ежегоднике, пока отчаянно дрошил, фантазируя, как она оседала бы мой член.

Но бьюсь об заклад, что у каждого парня в нашем выпускном классе была такая фантазия. Просто она была такой красивой.

Тогда мы не общались в одной компании — в основном потому, что у нее была компания, а у меня нет, но это не беспокоило меня. В те времена я предпочитал одиночество. Я искал его. С моей тревожностью проще быть одному, чем что-то кому-то объяснять.

Просто так было проще.

Но я больше не был тем подростком, и сейчас был шанс доказать это. Может, мне представился счастливый случай.

Я начал идти к ней и внезапно раздался голос в моей голове. «Не делай этого. Она слишком милая, слишком хрупкая. Ты причинишь ей боль».

Внезапно волнующий образ того, как Скайлар хватает ртом воздух, в то время как мои руки сжимаются вокруг ее горла, поселился в моей голове наряду с вопросом: «Что, если я задушу ее?»

Я замер на месте, отчаянно пытаясь оттолкнуть эту мысль из своей головы, и затем вспомнил, что не должен делать этого. Я должен был отвечать.

«Прекрати это. Эти страхи иррациональны. Я никогда никого не задушу».

«Не задушу, да?» Мой разум внезапно заполнился картинками воспоминаний. Я пытался припомнить то, где я душил кого-то. Поэтому я думал об этом сейчас, не так ли?

Рационализм снова поднял голову. «Нет! Это, черт побери, смехотворно. Я никогда, бл*ть, не душил человека!»

Но мой желудок уже сжался от неуверенности, и я пересмотрел свое намерение поговорить с ней. Даже если я и не душил никого в прошлом, я, должно быть, хочу этого.

Другой голос отказывался затихать.

«Ты знаешь, что произойдет, если ты подойдешь и заговоришь с ней? Ты, может и не задушишь ее, но ты все испортишь! Иди, начни разговор. На твою удачу она вспомнит, что ты чудак из класса и убежит как напуганный кролик. Если ты понравишься ей, у тебя будет еще больше проблем, потому что так все и начинается. И закончится тем, что ты разрушишь ее жизнь, так же как разрушил жизнь Дианы. Ты — это я».

К этому времени мое сердце бешено колотилось, а волоски встали дыбом. Голос был прав, абсолютно прав.

Подавленный, я двинулся от нее, убедившись, что сделал четное количество шагов, и тихо опустился на песок, желая, чтобы моё сердце успокоилось.

Но этого не произошло, потому что она встала, направилась уходить и увидела меня.

Она узнала меня? Я надеялся, что нет. Знаю, я выглядел по-другому, но до сих пор не хотел рисковать.

«Не смотри на неё».

Я произнес это восемь раз в своей голове.

Уголком глаз, я видел, что она пошла к лесенке и затем засомневалась, как будто хотела поздороваться. Я задержал дыхание. Досчитал до восьми.

Внезапно она развернулась и жестко плюхнулась на песок, издавая удивленный взглас. Прежде чем я мог остановить себя, я был на ногах, помчавшись к ней.

— Ты в порядке? — спросил я, взяв её под локоть, чтобы помочь подняться.

— Да, — сказала она быстро, ее щеки очаровательно покраснели. — Просто немного в песке и сильно смущена.

Как только она встала на ноги, я отпустил её руку и сделал шаг назад, ужасный страх причинить ей боль вернулся в мою голову и застрял там. Она с любопытством смотрела на меня, как будто пыталась понять, кто я. Если это вообще было возможно, она стала ещё красивее, чем я её помнил.

— Я Скайлар.

— Я знаю, кто ты, — это вышло громче, чем я намеревался. Я не подразумевал это в плохом смысле, но я так упорно старался не думать о том, чтобы причинить ей вред, что мой голос был напряженным, а тон мрачным.

Должно быть, она оскорбилась, потому что её лицо вытянулось и потемнело еще сильнее.

— Верно. Ну, тогда ладно. — Не попрощавшись, она прошла мимо меня, сгребая в охапку пару обуви с песка, и помчалась к лестнице. Она быстро надела обувь, и зло стучала по каждой ступеньке каблуками.

Часть меня хотела, чтобы я мог хотя бы сказать ей свое имя, напомнить ей, что мы знали друг друга, но другая часть испытала облегчение, что она ушла, и я не причинил ей вред. Картинки того, как я ее душу, упорно отказывались покидать мою голову, и я вернулся туда, где сидел, и опустился на песок, ненавидя себя.

Черт побери. За последний год я так хорошо продвинулсь вперед, и я позволил признаку неразделенной влюбленности десятилетней давности пустить все кату под хвост. Я был гребаным несчастьем, и всегда им буду. Схватив блокнот рядом с собой, я бросил его в воду.

Услышав всплеск через секунду, я пожалел об этом. Я подскочил на ноги и бросился в воду, чтобы достать гребаный блокнот, который не уплыл так уж далеко. Вода была холодной, но было мелко, и я спас дневник, прежде чем он погрузился на дно, хотя промочил свои кроссовки и нижнюю часть джинсов в процессе.

Снова вернувшись на песок, я сел и открыл блокнот, с которого капала вода, страницы были покрыты аккуратными, небольшими, идентичными буквами. В начале все страницы выглядели одинаково.

Восемь слов в строке.

В каждой строке.

Кен, мой терапевт, на самом деле никогда не читал мой дневник, он был только для меня, поэтому сначала я вернулся к старой привычке, хотя вся суть вести дневник заключалась в том, чтобы помочь мне избавиться от навязчивого поведения. Но в конечном итоге я перестал так писать. Я перестал делать многое, что привык делать. В действительности я не мог вспомнить, когда в последний раз я потерпел такую неудачу, как сегодня. Опять же, это был первый раз, когда я подошел к женщине, которой был увлечен, с тех пор как мы с Дианой расстались. Добавьте к этому то, что это та самая девушка, в которую я был так сильно влюблен в старшей школе, и, возможно, это будет неудивительно.

Раздраженный я опустил блокнот на песок. Может, это было слишком быстро. Может, это была неправильная женщина. Или может, я просто обречен провести остаток жизни в

одиночестве. Моего собственного страдания было достаточно, почему кто-то должен быть несчастлив тоже?

Кен всегда просил меня быть более социально открытым, но я вернулся сюда не для того, чтобы завести друзей или воссоединиться с кем-то. Я приехал сюда за покоем и спокойствием, чтобы начать сначала, чтобы забыть о Нью-Йорке и обо всем, что произошло там.

Забыть, что я потерял свой разум.

Забыть, что я потерял свою работу.

Забыть, что я потерял единственную женщину, которая любила меня.

Нет, не так — я не потерял ее. Я отверг ее.

Я заслуживал одиночества.

4 глава

Скайлар

Я закрыла дверцу машины своей матери и уперлась лбом в руль.

Забудь его. Он ничего не значит.

Но то, как красивый незнакомец смотрел на меня на пляже с таким волниющим презрением, пренебрежительно сказав: «Я знаю, кто ты», действительно беспокоило меня.

Как долго я буду стыдиться саму себя?

Не думай об этом. Думай о своем плане, который все исправит. Сделав глубокий вдох, я расправила плечи и повернула ключ в зажигании.

Когда я вернулась в гостевой домик, я сделала сэндвич с арахисовым маслом и желе и налила стакан холодного чая. С сэндвичем в одной руке, я открыла свой ноутбук другой. Я достаточно легко нашла контактную информацию директора по маркетингу фестиваля Джоан Клейн, и как только закончила свой ланч, набрала ее номер.

Она не ответила, но я оставила ей сообщение, объясняя кто я, и что я добросовестно жертвую свое время для фестиваля и связанный с ним деятельностью.

После этого, я переоделась из рабочей одежды в джинсы и майку, и схватила ведро с моющими средствами из кладовой. Я бы хорошо вытерла пыль и вычистила помещение, а затем позже пригласила бы свою маму на бокал вина и обсудила бы с ней кое-какие детали декора. Я покажу ей доску на сайте Пинтерест, которую я подобрала, выбрав кое-какую краску для ванной и предложу ей покрасить ее самостоятельно — если я не буду слишком занята на своей новой работе.

Я улыбнулась, когда набирала воду в ведро. Через открытое окно я могла слышать старую мелодию Хэнка Уильямса, что означало, что мой отец вероятно работал в соседнем сарае со своим радио. Это подняло мое настроение, и я напевала You Win Again, пока вытирала пыль — мелодия унесла меня в лето после начальной школы, когда Джилли, Нат и я — все сидели на переднем сиденье его грузовика и ехали поесть мороженого после ужина, пока мама стояла на подъездной дорожке и вспомнила пристегнуть ремни безопасности. То лето и следующие проходили так быстро — ты моргнул и уже снова сентябрь. Я моргнула и уже прошло десять лет! Я не могла поверить, что прошло уже десять лет с тех пор, как я закончила старшую школу. Куда они ушли? И что насчет следующих десяти лет... пролетят ли они также быстро?

На мгновение я пыталась представить себя через десять лет — тридцатисемилетней. Где я буду? Что буду делать? Будет ли у меня своя карьера? Муж и семья? Я понятия не имела, что своего рода огорчало, так что я выбросила эти мысли из своей головы и сосредоточилась на уборке.

И пятнадцать минут спустя мой телефон зазвонил. Я положила свою пыльную тряпку и посмотрела на экран.

Да! Это Джон Клейн.

— Алло?

— Алло, это Скайлар Никсон?

— Да, — пропела я.

— Здравствуйте, это Джоан Клейн из организации фестиваля.

— Здравствуйте, — я чуть не захлебнулась от избытка чувств, как будто она была моей давно потерянной подругой. — Как вы?

— Я в порядке, спасибо. Я рада, что вы позвонили, Скайлар. Мы бы хотели встретиться с вами.

— Превосходно! — я немного подскочила. — Я могу встретиться в любое время.

— Вы можете подъехать в офис во второй половине дня?

— Конечно, нет проблем.

— Около трех?

— Я приеду.

— Спасибо. У нас есть кое-какие бумаги, которые вам нужно подписать. Ох, и если сможете привезите свою корону с собой, мы правда оценим это.

— Конечно, смогу. Я знаю, где она. — Ничего себе, они уже хотят фото! Я снова вытащила свою рабочую одежду — надеюсь, моя новая юбка не слишком в песке.

— Увидимся.

— Увидимся!

Я нажала отбой и прижала телефон к груди, благодаря вселенную, что хоть что-то хорошее случилось сегодня. Решив отказаться от мытья пола на данный момент, я покинула гостевой дом и отправилась в дом своих родителей забрать корону.

Никого не было там, но дверь как всегда была открыта, поэтому я вошла и поспешила к полке над камином. Там стояла моя корона, прямо рядом с моим фото с коронации. Я подняла рамку и рассмотрела фото — я выглядела такой счастливой. Такой обнадеженной. Такой уверенной, что каждая моя мечта воплотится в жизнь, если я буду желать достаточно сильно, достаточно упорно трудиться, хотеть этого достаточно сильно.

Моя улыбка увяла, когда я поставила рамку и посмотрела на другие предметы передо мной на родительской полке гордости. Джиллиан стояла в своей конфедератке и мантии на окончании медицинского университета. Вот Натали перерезает ленточку на открытии своей кофейни. Сделав пару шагов назад, я попыталась посмотреть на все как незнакомец. Что это все говорило о нас? На мгновение я представила, что моя мама показывает наши фото своей новой подруге.

Это Джиллиан — умная. Она доктор сейчас, разве это не здорово?

Это Натали. Она наш маленький предприниматель!

А это Скайлар. Разве она не красавица?

Нахмутившись, я схватила корону с полки и покинула дом, прежде чем придет мама и спросит, что мне было нужно.

— Извините, что вы сказали? — я сидела напротив Джоан Клейн, уставившись на нее в неверии. — Возможно, я не поняла.

Джоан — сама бывшая королева красоты, блондинка с прической в форме улья, которая могла быть шиком только в 1975 году, и слишком сильно подведенными бровями. Она прочистила свое горло.

— Корпоративные интересы, мисс Никсон, так как ваша нынешняя репутация расходится с тем, что мы ищем для Вишневой королевы. Мы не считаем, что вы могли бы внести ценный вклад в фестиваль в этот раз, и в действительности думаем, что вы нарушили условия контракта.

— Нарушила контракт? Вы шутите? — я моргнула несколько раз, но ее губы были поджаты, без намека на улыбку.

— Нет. Я вполне серьезна. Если вы посмотрите в свой контракт, копия которого есть у меня здесь, вы увидите, что согласились воздержаться от какого-либо публичного поведения, что дискредитировало бы королеву красоты на фестивале.

— Но... но это было семь лет назад! — пробормотала я.

— У контракта нет даты истечения срока. Однажды королева — всегда королева, — сказала она театрально.

— О боже мой. Так что теперь?

— Ваша корона и титул в настоящее время отозваны, и мы бы хотели, чтобы вы подписали это. — Она сунула еще один контракт передо мной — страница полная черного мелкого шрифта. — Здесь сказано, что вы понимаете, что ваш титул был аннулирован в связи с нарушением контракта, и вы больше не будете ссылаться на себя как на бывшую

королеву, рекламировать себя как таковую или исполнять любые функции, которые могла бы выполнять королева.

— Серьезно? Я совершила ошибку! Разве не все мы совершаем ошибки?

— Вы были слишком публичны, мисс Никсон. Чересчур публичны.

— Это было просто телевизионное шоу! — но в своей голове я слышала слова Миранды Ривард: «Восприятие реальности, Скайлар».

— Это было реалити-шоу. Вы играли саму себя, — указала Джоан. — Мы бы оценили, если бы вы не говорили в прессе об этом и не упоминали это социальных сетях. Мы сами со всем разберемся.

— Говорить с прессой? Вы шутите? С чего бы я захотела вообще привлекать к этому внимание? — я оставила подпись в контракте, даже не прочитав его. Неважно что в нем говорится, мне уже все равно.

— Оставьте корону, пожалуйста. Это собственность карнавала.

Моя челюсть отвисла, и я прижала корону к своему животу:

— Вы не можете забрать мою корону.

— Да, могу. — Она указала ручкой на мою подпись. — Вы только что согласились вернуть ее.

Я хотела бросить корону в нее, но я собрала всю свою гордость и мне удалось аккуратно поставить ее на стол — сразу после того, как я сдавила этот глупый гребаный кусок дермы из горного хрусталия голыми руками.

5 глава

Себастьян

После случившегося на пляже, я направился в спортзал. В колледже я понял, что тренировки оставляют меня сконцентрированным на настоящем времени и останавливают мой страх будущего. Когда я бегал или поднимал вес, или штангу, я думал лишь о том, что мое тело становится сильнее, мои мышцы упорно трудятся, мое сердце быстро колотится.

Это вынуждало меня оставаться в настоящем, помогало снять напряжение и гнев, и давало результаты, которые я мог видеть — четкую причину и следствие.

Однако пробежать лишнюю милю и добавить дополнительные повторы упражнений оказалось недостаточно, чтобы изгнать Скайлар Никсон из моей головы.

Но на самом деле это было своего рода приятно.

Потому что вместо тревожных мыслей, которые были у меня на пляже, моя голова была заполнена другими изображениями ее — приятными изображениями. Когда я доводил свое тело до предела напряжения, я думал о ее теле под моим, как она кладет руки на мою спину и приоткрывает губы. Я думал, как закроются ее голубые глаза, когда я скользну в нее, медленно и глубоко. Я думал о мягком стоне от удовольствия, который услышу, прежде чем она прошепчет мое имя и примет меня глубже.

Дома, в душе, я снова думал об этом, приветствуя эти мысли, пока вода стекала по моему телу, и взял член в руку.

Ох да, когда я дрочил — это была еще одна деятельность, которая позволяла мне быть сконцентрированным на настоящем. Так же и секс, хотя у меня не было его почти год. Черт, я скучал по нему. Но секс с незнакомыми людьми никогда не привлекал меня — хотя, мне, возможно, придется пересмотреть это, если я не хочу всю жизнь практиковать воздержание.

Или, может, секс с подругой...

Я сжал пальцы вокруг своего ствола и погладил себя длинным, жестким рывком, пока вокруг меня поднимался пар.

Боже, каково это будет — находиться внутри Скайлар? Вдыхать аромат ее кожи, смотреть, как она изгибается подо мной?

Я бы заставил ее кончить?

Она была бы громкой или тихой?

Любит ли она сверху?

Она бы позволила мне связать ее? Потянуть ее волосы?

Проникнуть языком в ее киску?

Мои руки действовали быстрее, жестче.

— Бл*дь, — шептал я снова и снова, когда мой член стал твердым как скала, а затем запульсировал в моей руке. Я застонал, когда напряжение во мне освободилось густой, горячей струей, мои мышцы ног напряглись и задрожали.

Для самостоятельного действия, это был чертовски хороший оргазм, и от этого я задумался... Должен ли я снова попытаться заговорить с ней?

Мгновенно голос вернулся.

«Не будь таким чертовски тупым! Ты думаешь оттого, что ты подрочил на какую-то подростковую фантазию, ты сможешь справиться наедине с ней?»

Мне не нужно оставаться с ней наедине. Я могу просто поговорить с ней. Быть ее другом.

«Нет. Ты не можешь доверять себе. Ты слишком сильно хочешь ее».

Я хотел спорить, сопротивляться.

Но у меня не было оружия, чтобы сражаться, не было слов, чтобы разразиться на этот грабаный призрак, который преследовал меня, следил за каждой моей мыслью и намерением.

После того как вытерся и оделся, я вытер плитку в душе и позвонил своему психотерапевту, чтобы узнать, примет ли он меня сегодня во второй половине дня.

— Сегодня у меня был срыв, — я не был любителем пустой болтовни.

— Ох? — Кен, любезный мужчина в очках и с густой бородой, скрестил ноги и терпеливо посмотрел на меня. — Как ты думаешь, что спровоцировало это?

Я нервно поерзал на диване в его кабинете.

— Я встретил кое-кого из прошлого, девушку, с которой учился вместе в школе.

— Подругу?

— Не совсем... на самом деле у меня не было друзей в старшей школе, в основном из-за моего странного поведения в предшествующие годы, но также потому что я замыкался в себе. Люди действительно не знали, чего от меня ожидать, но эта девушка... она была просто... милой. Несколько раз нас назначали партнерами по лабораторной работе на химии. Я нервничал перед школой, если знал, что мы будем работать вместе.

— Тогда у тебя были мысли по поводу нее?

Черт, да. И до сих пор.

— Никаких одержимых мыслей. Просто обычные мысли мальчишки подростка и обычное подростковое волнение рядом с красивой девочкой. Но это усугублялось тем фактом, что все вокруг считали меня сумасшедшим. Я считал себя сумасшедшим.

Эти годы были гребаным кошмаром — мой отец таскал меня от доктора к доктору, чтобы понять, почему я так одержим микробами, почему всегда всё считаю. Например, листья на деревьях или травинки, или линии на шоссе, почему я был так уверен, что ужасные события произойдут с теми, кого я люблю, из-за меня. Они перепробовали все: от названия всего этого подростковыми причудами до постановки диагноза депрессии.

Несколько психотерапевтов были уверены, что я втайне виню себя в смерти мамы в аварии, когда мне было восемь, (она ехала забрать меня из дома друга) и верили, что страх причинения вреда вытекает из этого. Но они не могли объяснить моему отцу, почему я выключаю и включаю свет восемь раз, прежде чем выйду из комнаты; или объяснить моим учителям, почему я нажимаю на шариковую ручку восемь раз, прежде чем приступаю решать тест, или подсказать моим одноклассникам в средней школе на физкультуре, почему я должен играть во второй базе, а не первой или третьей. Я все еще помнил взгляды на лицах людей, который будто кричали «какого хрена происходит», когда я пытался объяснить, что «два» — это хорошее число, потому что оно — четное, а еще лучше, что оно составляющая восьми, а один и три — плохие числа, потому что они нечетные.

Кен поправил очки повыше на переносице.

— Ты как-то упоминал, что все стало лучше к окончанию старшей школы.

— Так и есть, — признал я. — В одиннадцатом классе мы нашли доктора, знакомого с ОКР, мне прописали лекарства, и я начал регулярно посещать психотерапевта. — К тому времени у меня было больше хороших дней, чем плохих, но социальный ущерб был нанесен, и я просто думал: черт, я начну все сначала в колледже.

Кен перевернул назад несколько страниц в блокноте у себя на коленях.

— Ты сказал, что твои студенческие годы были вполне нормальными, но мы не говорили много о них. У тебя были друзья? Ты ходил на свидания?

— Да. Начинать на новом месте было хорошо. Мысли и навязчивые идеи никуда не ушли, но я научился справляться с ними. Мне казалось, что я мог контролировать их. — Я подумал о Скайлар и задняя часть моей шеи нагрелась. — В отличие от того, как я облажался сегодня.

— Но мы уже говорили, что контроль над своими мыслями — это не ответ. На самом деле это невозможно ни для кого. Одна из главных твоих целей — отпустить чрезмерный

контроль и научиться жить с риском и неопределенностью. Научиться жить с навязчивыми мыслями.

— Да, я знаю, и когда я сижу здесь, или один, или среди незнакомых людей, то у меня все в порядке насчет этого, — фыркаю я. — Но сегодня все было по-другому.

— Хорошо, так что случилось сегодня?

Я рассказал ему, что произошло на пляже сегодня утром, об образах светлых волос Скайлар на песке, ее стройных ногах в юбке, что все еще свежи в моей памяти.

— И да, я пытался поговорить, и рассуждал с самим собой, и был наблюдателем всего этого, но ничего не сработало. Я не могу справиться с этим обычным способом, — я зло пожал плечами. — Поэтому я считал. И убежал от нее.

Кен медленно кивнул.

— А после?

— Я чувствовал себя отвратительно. Я был в ярости. Хотел ударить кого-нибудь. Я полагаю, себя.

— Что ты делал?

— Я отправился в зал. — И затем я пришел домой и подрочил, пока думал о ней, как было раньше, когда мне было семнадцать. Я, вероятно, сделаю это снова сегодня, потому что число два — лучше, чем один.

— Это помогло?

Я почти улыбнулся.

— Да. Немного.

Кен потер свой бороду и задумался на мгновение.

— Как думаешь, если увидишь ее снова, сможешь заговорить с ней?

Я сцепил пальцы на коленях и уставился на него, пытаясь представить, как пожимаю ее руку без страха.

— Я не знаю. Часть меня хочет. Другая часть говорит: зачем мне неприятности? У меня все хорошо последние дни. По крайней мере было. Я работал над коттеджем, обслужил пару заказов для фирмы отца, писал каждый день, оставался активным... Пока не увидел ее сегодня, я чувствовал себя сильнее чем долгое время до этого. Думаю, вот почему я так чертовски зол из-за рецидива.

— Один срыв не значит рецидив. И он не отменяет весь твой прогресс, Себастьян. Это мог быть просто плохой день. — Кен выпрямил ноги и наклонился вперед, упервшись локтями в колени. — Я не собираюсь заставлять тебя делать это, но мы оба знаем, что избегание — это неудачная стратегия, когда дело касается навязчивых мыслей. Оно всегда имеет неприятные последствия, что приводит к еще большим тревогам и стрессу. Если ты действительно хочешь двигаться вперед, ты должен заговорить с ней. Она может быть просто другом... или кем-то большим?

— Просто другом, — сказал я быстро. — Я покончил с отношениями.

— Дай себе времени. Тебе только двадцать восемь, Себастьян. — один плохой разрыв не значит, что в конечном итоге ты не найдешь с кем-нибудь счастье.

Счастье? Что это вообще такое?

— Это был не просто плохой разрыв... я испортил каждый шанс отношений, который у меня был. Это просто был первый раз, когда я разрушил чью-то жизнь.

— Ты не разрушил ее жизнь.

— Она сказала, что разрушил. — Взволнованный я провел рукой по своим волосам.

— У Дианы было свадебное платье, Кен. Приглашения были оплачены. Задаток внесен. Круиз на медовый месяц забронирован — не медовый месяц ее мечты, конечно же, в чем моя вина, потому что я отказался лететь на самолете, но, тем не менее, медовый месяц. Я больше никогда не ввязусь в это снова, потому что все это будет отменено, когда я запаникую, у меня случится рецидив, и она поймет, что выходит замуж за безумца, который — подождите, дай-ка подумать, правильно ли я это понимаю — не имеет грабаного понятия, что значить любить кого-то, потому что не может держать голову ясной

достаточно долго, чтобы поставить чьи-то потребности на первый план, если не считать тех моментов, когда я трахал ее, — я выплевал слова Дианы на Кена, как будто он говорил их.

— Себастьян, перестань, — Кен вздохнул и выпрямился. — Мы не говорим о том, чтобы делать предложение этой женщине. Или спать с ней. Мы говорим о разговоре. И если навязчивые мысли вернутся не пытаясь прогнать их и не убегай. У тебя есть средства работать с ними. Используй увеличение или наблюдение, о котором мы говорили. Делай письменные упражнения, когда представляешь худшее. Это помогало тебе в прошлом.

Я затих на мгновение. Согнул пальцы несколько раз.

— Я подумаю над этим.

После того как прием был окончен, я покинул здание, в котором располагался кабинет Кена, и пошел по улице к кофейне «Дарлинг». Когда я впервые пришел сюда в прошлом году, мне пришлось принести свою собственную кружку из дома, потому что я переживал о грязи. Но воздействие терапии помогло мне пройти через это, и сейчас я чувствовал себя более комфортно, когда ходил в бар или ресторан и использовал то, что давали они. Любили ли я это? Нет. Небольшое сомнение о том, насколько чистой была посуда всегда присутствовало, не говоря о кухне, но мне удалось справляться с тем, чтобы не ставить себя или кого-либо другого в неловкое положение.

Кофейня была пустой, и владелец, Натали, вытирала стойку, но подняла голову и улыбнулась мне, когда я подошел.

— Привет, незнакомец. Не видела тебя давненько. Как дела?

— Хорошо, спасибо. — Мне нравилась Натали, в основном потому, что она говорила много, и мне казалось, что я не должен говорить ничего в ответ, и также потому, что она поняла, когда я неловко объяснил, почему должен принести свою кружку в ее кофейню.

Она никогда не пускалась в оборонительное объяснение о том, какой чистой была ее посуда — а она была чистой, я никогда не испытывал неуверенности, когда пользовался уборной, а общественные туалеты были огромным спусковым крючком для меня — она просто наливал кофе и болтала. Когда я заканчивал, она всегда мыла и вытирала кружку при мне. И самое лучшее, что она, казалось, знала, когда я не хотел, чтобы меня беспокоили, и оставляла меня в покое с моим кофеином и блокнотом.

— Заходи. Кухня закрыта. Но так как ты пьешь только кофе, садись, и я налью тебе кружечку.

— Ты уверена? Если закрываешься, я могу...

— Нет-нет, подходи, садись. Составишь мне компанию, пока я готовлюсь к закрытию.

Сняв солнцезащитные очки, я положил их и ключи на стойку и сел. После того как Натали налила мне кофе и исчезла на кухне, я открыл свой дневник, нахмурился на влажные страницы и приступил к тому, что Кен называл моей Иерархией Рисков. Идея была в том, чтобы составить список того, что вызывало мою тревогу и затем оценить по шкале.

Субъективного Уровня Дискомфорта, или СУД, основанной на том, насколько они пугали меня или заставляли испытывать дискомфорт. Затем я должен был справиться с ними, и мне не позволялось считать во время этого или впадать в оцепенение или повторять любые мантры.

Я пролистал список — страница за страницей. Вещей, которые я заставлял себя делать весь прошлый год. Некоторые из них были связаны с моими опасениями по поводу микробов или заражения, а другие основанные на пугающих «Что если» мыслях, которые мучили меня без причины, например, что если я слечу с катушек и заколю кого-нибудь, пока держу кухонный нож руками.

После глотка кофе я вытащил ручку из кармана пиджака и вернулся к концу списка. Сделав глубокий вдох, я добавил еще один пункт.

Поговорить со Скайлар Никсон.

Я устался на слова и попытался подумать, как оценить задачу — насколько тревожила меня мысль поговорить с ней? Но прежде чем я смог определиться с числом, у

меня появилось неприятное ощущение, что кто-то наблюдает за мной. Я посмотрел через левое плечо и там была она. Стояла прямо в дверях и смотрела на меня, такая красивая, что у меня перехватило дыхание.

6 глава

Скайлар

Наши взгляды встретились, и мурашки пробежали по моему телу.
Святое дермо. Снова он.
И он, правда, горяч.

После того как покинула офисы, отвечающие за фестиваль, я шла по улице к кофейне «Дарлинг», в очаровательную маленькую хлебопекарню и кафе Нат. Когда она открыла ее два года назад, там продавалось только кофе, маффины и пончики, которые она делала сама очень рано утром, но после того как наняла еще одного кондитера, здесь также стали подавать легкие салаты и сэндвичи в обеденный перерыв.

Кафе закрывается к трем часам, когда уходит последний посетитель после ланча, поэтому я удивлена увидеть кого-то сидящего за стойкой, когда вошла.

Он посмотрел на меня через плечо и сейчас, когда он снял солнцезащитные очки, я могла лучше оценить его внешность: светло-зеленые глаза, острые скулы, полные губы. Когда он нахмурился, я почувствовала смущение, что упала лицом в песок. Я испытала стыд, когда он сказал, что знает кто я. И я осознала, что он смотрел «Оседлай лошадь».

И он, вероятно, читал газету этим утром. Он ненавидит меня так, как и все в этом городе.

Ладно, я могу справиться с этим.
Я снова нахмурилась.

Как раз в этот момент Натали вышла из дверей кухни и схватила кофейник со стола.
— Как насчет добавки? — спросила она его.

Он продолжал пялиться на меня, не отвечая на ее вопрос, и мне стало слишком тяжело выносить напряжение.

— Ради всего святого, просто скажи это! — взорвалась я. — Да, я та, за кого ты меня принял. Да, я сука из телевизора. Да, я сказала дермовые вещи о хороших людях, поэтому перестань пялиться на меня и скажи мне напрямую, что я заслужила все то дермо, что случилось со мной сегодня, включая падение лицом в песок.

— Скайлар! — Натали судорожно смотрела между нами. — Мне жаль, Себастьян. Это моя сестра — Скайлар, и, очевидно, у нее очень плохой день, — сказала она, убийственно глядя на меня. — Иначе мне сложно понять, почему она вошла сюда и накричала оскорблений на моего клиента.

Я снова посмотрела на парня, но он больше не был сосредоточен на мне. В суматохе он закрывал свой блокнот и засовывал его в пиджак.

Мгновенно я почувствовала себя виноватой.
— Эй, не уходи. Я сожалею насчет этого.

— Хорошо, — сказал он тихо. — В любом случае я закончил. — Он вытащил свой бумажник и бросил несколько купюр на стойку.

— Нет, пожалуйста, останься. Ты только что пришел. — Натали наполнила его чашку кофе и поставила заварник. — И убери деньги — кофе за счет заведения.

— Тогда оставь их как чаевые. Увидимся. — Он поднял свои ключи со стойки, напялил солнцезащитные очки и двинулся к двери.

Я бросилась за ним, не в состоянии вынести мысль, что он будет считать меня ужасным человеком, даже хотя я и была такой.

— Эй, не принимай на свой счет. Мне правда жаль. — Прислонившись к стеклянной двери, я сказала: — Могу я снова попытаться?

Медленно он поднял голову и встретился со мной взглядом. Я уставилась прямо в его глаза, отчего мое дыхание перехватило, и я ощущала, как желание переполняет мой живот. С короткими волосами и в очках-авиаторах, он выглядел как лётчик-истребитель или кто-то подобный. Даже упрямая напряженность его подбородка заводила меня. Ахх.

— Меня зовут Скайлар, — сказала я, протянув руку. Затем я поморщила нос. — Но полагаю, ты уже знаешь меня по «Оседлай лошадь»?

Он нахмурил брови.

— Оседлай... что?

— «Оседлай лошадь». Реалити-шоу. — Тот факт, что его выражение лица осталось недоумевающим, дал мне надежду. — Хочешь сказать, ты не смотрел его?

— Нет. Я не очень часто смотрю телевизор. — Он сделал паузу. — Ты не помнишь меня?

— Я не думаю, что мы встречались. — Я кокетливо наклонила голову. — Я бы определенно запомнила тебя.

Хотя, на секунду, в нем промелькнуло что-то знакомое. Мы уже встречались? Почему я не узнала его? Он был актером, которому меня представляли в НЙ? И почему он не пожал мою руку, которая все еще вытянута между нами?

У него заняло много времени, но он вытянул свою руку.

— А ты? — побуждала я его назвать свое имя. Боже, этот парень был великолепен, но ему немного не хватало светских манер.

— Себастьян Прайс.

— Приятно познакомиться, — сказала я, наслаждаясь комфортом моей руки внутри его. — Ты...

И затем меня осенило.

Я узнала его.

По крайней мере, я знала Себастьяна Прайса. Несколько лет мы учились в одной школе. Но это не мог быть тот Себастьян... Я опустила взгляд на наши соединенные руки. Себастьян, которого я знала, не стал бы жать руку, потому что у него была паранойя по поводу бактерий. Ребята дразнили его, касаясь его плеча и говоря: «Лучше иди помой руки, Себастьян — я передал тебе вши». И хотя это было смехотворно, и мы все знали, что никаких вшей не было, он всегда отпрашивался помыть руки после этого. Однажды в пятом классе учитель не разрешил, потому что мы готовились к тесту, и Себастьян полностью потерял самообладание, начав постукивать себе по голове и считать вслух. Это было ужасно.

Он выпустил мою руку, а я продолжила плятаться на него. Сейчас я заметила, это он. Это было превращение утенка в лебедя, я сглотнула.

— Ничего себе. Себастьян. Ты выглядишь... по-другому.

— Ты выглядишь точно так же.

Это был комплимент? Сложно сказать, судя по его тону.

— Спасибо, — сказала я неуверенно.

— Всегда пожалуйста.

Ого, неловко. Как пытаться флиртовать с деревом. Обычно я не лишалась дара речи рядом с мужчинами, но я понятия не имела, что сказать Себастьяну Прайсу. И почему он выглядел таким злым? Из-за того, как с ним обращались в школе? Я никогда не дразнила его, на самом деле я была добра к нему. Хотя его очень часто задирали, и я не заступалась за него. Возможно, он держал злобу из-за этого?

— Могу я пройти? — спросил он кратко. — Ты загораживаешь выход.

— Ох, точно, извини. — Взволнованная, я наблюдала, как он открывает дверь и убегает, как будто здание охвачено огнем.

Слегка взбудоражено, я повернулась к Натали и приставила пальцы к вискам.

— Это странно.

— Немного, — она пожала плечами. — Но он не твой тип парней.

Я снова посмотрела на дверь, вспоминая ощущение, как будто меня ударили в живот, когда он посмотрел на меня. Затем я заметила блокнот на тротуаре — с красной спиралью, который я видела до этого на пляже.

— Эй, он кое-что обронил.

Поспешив к двери, чтобы поднять это, я выглянула на улицу в его направлении, но он уже ушел. Не было никаких признаков его, поэтому я вернулась в кофейню.

— Вероятно, он вернется через минуту, — сказала Натали. — Он всегда носит его с собой.

— Это скучно, — сказала я, держа блокнот за один угол. — Что он, черт возьми, делает с ним?

— Пишет в нем, я полагаю.

Я бросила блокнот на столешницу рядом с долларовыми купюрами, которые он оставил, и села, с любопытством поглядывая.

— Мне интересно, что он пишет.

— Понятия не имею. Сейчас расскажи мне, откуда вы двое знакомы. Со школы? — Натали подняла тряпку и начала вытираять стойку, отодвигая блокнот в сторону. — Он не особо разговорчивый, но сказал, что вырос здесь.

— Ты не помнишь его? Он учился в моем классе, на пару лет старше тебя, но он выглядит совсем по-другому сейчас.

— Как он выглядел раньше?

— У него были длинные лохматые волосы, за которыми он обычно прятался, и он носил мешковатую одежду все время. — Я задумалась на секунду. — Или, по крайней мере, она выглядела мешковатой. Может, он был очень худой.

Брови Натали взлетели вверх.

— Больше нет. Один раз он снял пиджак и остался в облегающей рубашке. Сейчас этот парень мускулистый — его руки и грудь изумительны.

— Серьезно? — Развернувшись на стуле, я снова посмотрела в сторону двери, размышляя, куда он помчался. — Он когда-нибудь приходил с кем-нибудь? Я не помню, чтобы у него были друзья в школе.

— Печально.

Я нахмурилась.

— Да, но он был довольно странный чудак. У него была одержимость насчет микробов, как настоящее обсессивно-компульсивное расстройство. Люди обычно дразнили его из-за этого.

Она кивнула.

— Это имеет смысл. В первый раз, когда пришел сюда, он принес свою кружку.

Моя челюсть отвисла.

— Да? Это странно.

— Это было странно, — признала она, — но также было немного жалко его. И сначала он просто сказал, что предпочитает использовать свою чашку, но после нескольких посещений кафе, рассказал мне о своем страхе микробов, и что работает над этим. И однажды он не принес кружку.

— Ты как-то поздравила его?

— Нет, я даже не упомянула это. Я просто налила ему кофе и вернулась к своим делам. Как я и сказала: он не особо разговорчив, и я не хотела смущать его. И я думаю... — она затахла и зажала нижнюю губу между зубами.

— Что? — спросила я, внезапно жаждущая любой информацией о нем.

— Ничего. Я не должна распространять слухи. — Она еще сильнее сконцентрировалась на тряпке.

Я закатила глаза и положила руку на ее запястье, останавливая ее бешеное движение.

— Нат, пожалуйста. Кому, черт побери, я расскажу? Никто здесь не разговаривает со мной!

Она вздохнула и перестала вытираять.

— Ну, после того как он ушел один раз, я услышала, как женщины говорили о нем, что-то о том, что у него был нервный срыв в прошлом году, и он вернулся домой для восстановления. Одна из них, возможно, была его родственницей.

— Нервный срыв? Правда? — мое сердце болело из-за одинокого, расстроенного подростка, которым он был, и за неловкого мужчину, которым стал. Давно забытые воспоминания всплыли на поверхность — как он прибыл в середине года в четвертом классе и пытался завести друзей. То, как один раз он задержался на перемене, чтобы помочь мне с математикой. То, как он пытался встретиться со мной взглядами пару раз, когда мы были партнерами по лабораторной. То, как он обедал в одиночестве. Мне нужно было быть милее. Тогда и сейчас. Я ужасный человек, как будто мне было нужно очередное напоминание.

— Вот, что я слышала. Очевидно, он был адвокатом в Нью-Йорке и был обручен.

Занятная, я потянулась за шоколадным печеньем под стеклянной крышкой этажерки для пирожных, и взяла одну.

— Bay. Интересно, что случилось с девушкой?

Она пожала плечами и снова принялась за уборку.

— Не знаю, но он часто приходит сюда, и я не видела ни жены, ни подруги.

Я откусила еще один кусочек, пытаясь вспомнить хоть один настоящий разговор за все время, что мы знали друг друга, и испытала неудачу.

— Печально. Я помню, что он был суперумным. Иногда помогал мне в математике. И химии. Его семья все еще здесь? Насколько я помню, у него были старшие братья. Может, одна из женщин была священица.

— Думаю, они все еще здесь, основываясь на обрывках разговоров, что у нас были, но он все еще кажется одиноким. Как по мне, возможно, ему нужен друг.

Опечаленная, я засунула остатки печенья в рот.

— Ну, он не захочет быть моим другом, — пробормотала я. — Он довольно ясно дал это понять.

— Думаю, он просто застенчивый.

— Думаю, он ненавидит меня, — сказала я, проглотив печенье и поглядывая на еще одно. — Так же как и остальная часть мира.

— Так что случилось с тобой сегодня? Почему ты была так зла, когда вошла?

Пока она подметала, я рассказала ей об увольнении, о моей блестящей идее работать на фестивале и об унизительной встрече с Джоан Клейн. Затем я потянулась за второй печенью.

— Они забрали твою корону?

— Да! — Возмущение снова охватило меня. — Поэтому я сломала ее! — Я откусила огромный кусок печенья, когда Натали разразилась смехом. — Это не смешно! — закричала я, крошки полетели из моего рта.

— Извини, знаю, что не должна смеяться, но просто это так глупо. Кого заботит, кто был провозглашен королевой годы назад? Это смехотворно.

— Меня заботит! — Я ударила себя по груди. — Это все, что у меня было, единственное большое достижение моей жизни, мое фото над камином! И сейчас у меня это забрали и у меня ничего не осталось! Моя жизнь — полнейший хаос, и я полностью облажалась во всем, что делаю! — Я бросила печенье, накрыла лицо руками, и наконец сдалась желанию расплакаться как ребенок, из-за чего почувствовала себя еще хуже.

Натали подошла и села рядом со мной, облокотив метлу на стойку.

— Эй, — сказала она, потирая мое плечо, — не говори так. Ты не облажалась. У тебя множество больших достижений. Посмотри на все главные роли, что у тебя были, пока ты росла. У мамы целый альбом твоих фото на сцене.

Я подняла голову, слезы текли по моему лицу.

— Да, я была большой рыбешкой в этом маленьком пруду. Но я недостаточно хороша, чтобы воплотить это в реальной жизни, Нат. Я даже не хотела пробовать. Знаешь, что мне больше всего нравится в актерской деятельности?

— Что?

— Когда опускается занавес. Аплодисменты, когда все кончено. — Я села прямо и шмыгнула носом. — Давай посмотрим правде в глаза. Я поверхностная и тщеславная.

Она мягко ударила меня по плечу.

— Да ладно тебе. Все любят слушать похвалу иногда. И хорошо, может, ты немного тщеславная, но ты также упорно трудишься — тебе просто нужно найти любимое занятие. Если это не актерство, то что-то другое.

— Но я ни в чем не хороша, — жаловалась я. — Я недостаточно умна и амбициозна, как вы с Джиллиан.

— Перестань, ты умна и амбициозна. — Она обернула руку вокруг моей шеи и сжала ее. — Ты во всем разберешься, Скай. Все изменится.

— Как? Весь город, возможно, вся страна, ненавидит меня, мне придется вернуться домой и спросить у мамы с папой, могу ли я переехать к ним, потому что меня уволили с работы, а действительно милый парень просто отшил меня.

— Мама с папой поддержат тебя, несмотря ни на что, и я, и также Джиллиан. Вот как поступает семья.

Я ударила себя по носу.

— Я так облажалась по сравнению с вами.

— Что? — Она отстранилась от меня. — О чём ты?

— Вы с Джилли делаете все правильно. Ваши жизни идеальны.

— Сейчас ты просто говоришь безумства. Ничья жизнь не идеальна. Джиллиан жаловалась мне на днях, что хочет ходить на свидания, но не может познакомиться ни с кем, достойным ее времени, и она увязла в студенческих кредитах. Управлять бизнесом утомительно, и у меня множество долгов, и если хочешь узнать правду, я думаю, что Дэн изменяет мне.

Я ахнула.

— Не может быть. Вы вместе вечность.

Она пожала плечами.

— Это ничего не значит. Я увидела несколько сообщений на его телефоне от девушки с его офиса, что навели меня на размышления.

Дэн был мне как брат, так как они с Нат были вместе со времен старшей школы, но я убью его, если он обидит ее.

— Ты должна поговорить с ним. Прямо сейчас.

— Поговорю. Может, это ничего не значит. — Ее выражение лица говорило противоположное. — В любом случае мы говорим о тебе. С тобой все будет хорошо?

— Да, — я шмыгнула носом. — Да, мне нужна салфетка.

Натали потянулась к коробке с салфетками и передала ее мне.

— У тебя все еще есть множество друзей здесь. Почему бы тебе не встретиться с ними? Ты работаешь целый день и проводишь весь вечер, ремонтируя гостевой дом. Тебе нужно иногда выходить развеяться.

Вытащив салфетку из коробки, я высморкала нос.

— Я не знаю. Я поддерживала связь только с парой людей, когда уехала. И все кто остался здесь или женаты и беременны или женаты и с детьми. С ними тяжело общаться.

— Ну, тогда, думаю, тебе стоит завести нового друга, — она послала многозначительный взгляд в сторону двери.

Я раздумывала над этим. Он был милым и умным, хоть и немного социально неловким. Может, я могла бы вытащить его из раковины. Если я и была в чем-то хороша, то в общении с людьми. Полагаю, я могла бы спросить его, собирается ли он на встречу выпускников.

— Я верю в тебя. — Она встала и снова подняла метлу, возобновив уборку.

— Как я найду его?

— Вероятно, он первым делом вернется сюда завтра утром, в поисках своего блокнота. Я удивлена, что он еще не здесь.

Я подумала секунду.

— Мне нужна работа. Хочешь нанять меня?

— Знаешь что? — она перестала подметать и посмотрела на меня, опираясь подбородком в верхушку метлы. — Я собиралась нанять кого-нибудь на неполный рабочий день, раз туристический сезон набирает обороты. Я не смогу платить тебе как «Ривард», и тебе не понравятся часы работы, но если хочешь — работа твоя.

— Я согласна. Сейчас мне не важна зарплата, мне просто нужно что-то, пока я разбираюсь, что делать со своей жизнью. — Я подняла свою недоеденную печеньку. — Они восхитительные. Я потолстею, работая здесь.

Натали застонала.

— Так и есть, и сегодня я съела слишком много, поэтому собираюсь в тренажерный зал после работы. Хочешь пойти поплавать со мной?

Натали была чемпионкой по плаванию в старшей школе. Ее определение «пойти поплавать» не имело ничего общего с моим, что включало больше держаться на поверхности, чем наворачивать круги, и предпочтительно на плоту с подстаканником для моего замороженного дайкири.

— Ни за что, — сказала я. — Я слишком не в форме, чтобы плавать с тобой. Но я прокачусь на велосипеде или позанимаюсь на беговой дорожке.

— Здорово. Ты тоже можешь прийти на ужин, если хочешь. Мы жарим шашлыки.

— Курочку в беконе? — спросила я с надеждой.

— Да.

— Я в деле. — Я почувствовала себя немного лучше. Ничто не сделает день лучше, чем бекон. — Что я могу сделать, чтобы помочь тебе с закрытием?

— Почему бы тебе не подмести, пока я приберусь на кухне? — Она протянула мне метлу, и я отдала честь, прежде чем взяла её.

Но после того как она ушла на кухню, я осталась сидеть на стуле с метлой в руках, уставившись на блокнот на столе.

Себастьян Прайс. После всех этих лет он сексуальный, загадочный адвокат с твердым рукопожатием и трагическим прошлым. Его сдержанная манера поведения была защитным механизмом? Он в секунду подпрыгнул помочь мне на пляже этим утром, поэтому я знаю, что у него есть манеры под этой ледяной внешностью. И эти глаза. Когда он снял очки и посмотрел на меня, было что-то еще, кроме злости в них. Страх? Печаль? Он все еще боится быть отвергнутым? Я положила руку поверх блокнота. Что было там?

Мгновение право Себастьяна на частную жизнь боролось с моим любопытством узнать о нем...

Насколько неправильно будет быстро посмотреть?

Совсем неправильно.

Но, может в нем был адрес или телефон. Я могла оправдать это так, верно?

Ты просто хочешь сунуть нос в его дела.

Я проигнорировала это и открыла переднюю сторону обложки. Пусто. Я открыла заднюю сторону обложки. Пусто.

Ну, черт, подумала я, случайно, перелистнув в середину. Полагаю, тогда ты найдешь меня там.

И говоря обо мне.

Мое имя.

Моя челюсть отвисла, когда я читала все фразы на странице, которые не имели никакого смысла для меня.

Воздержаться от расстояния в шкафу между вешалками. 50

Писать меньше восьми слов в строчку. 30

Есть мяту, после того как она упала на пол. 80

Застегивать ширинку меньше восьми раз. 50

Выключить телевизор на нечетном канале. 60
Закрыть переднюю дверь меньше восьми раз. 70
Сидеть на стуле в ресторане, который ощущается «неправильным». 75
Есть в ресторане, не принося своей посуды. 80
Пойти в больницу и посидеть в холле. 80
Держать ручку кухонного ножа при всех. 90
Поговорить со Скайлар Никсон.

Какого черта?

Я снова прочитала список, но не была даже близка к пониманию. Некоторые пункты казались похожими на то, что вызывало у него нервозность, а другие смахивали на странное поведение. Застегивать ширинку восемь раз? Стул, который ощущался «неправильным»? Почему он не может держать ручку кухонного ножа при всех? Он боится ножей? А холл больницы? Может, из-за микробов? И что за числа? Мне было жаль его, но, боже... это было довольно странно.

Если он хотел поговорить со мной, почему не сделал этого сегодня? У него было множество возможностей. Он был слишком застенчивым? Прикусив губу, я перевернула страницу.

Я снова увидела свое имя.

Скайлар.

Думаю, что люблю тебя,
это не лучшее знакомство,
после того как мы только что встретились.

Я понимаю это. И может, ты

никогда не узнаешь
никогда не узнаешь

Может, это слишком рано (или слишком поздно?)

Рассказать тебе о своем сне?

Твой смех был бабочкой.

Сегодня, когда я прикасался к тебе.

Я ощутил знакомые мурашки на руках. Я думаю это

пришло из будущего (или прошлого)

С твоей рукой в моей я видел

трагедию нас,

разворачивающуюся совершенно ясно.

У меня нет выбора, кроме как

держать дистанцию

но твоя красота — сила притяжения

и земные тела всегда будут падать.

Я читала это снова и снова, мурашки ползли по моим рукам. Он писал поэму? Он написал ее для меня сегодня? Он правда чувствует это ко мне? Мое сердце бешено стучало.

Я уставилась на слова, пытаясь запомнить их, боясь, что Натали поймает меня, когда я сую нос не в свои дела, но мне было отчаянно нужно получить что-то хорошее от этого дня, даже если это было также печальным.

Несколько секунд спустя кто-то так громко забарабанил в дверь, что я ахнула.
Повернувшись, я положила руку на грудь, когда увидела Себастьяна через стекло. Я
закрыла блокнот. Веди себя естественно. Ты ничего не видела. Ты ничего не знаешь.
Но внезапно я захотела узнать всё.

7 глава

Себастьян

Черт, я напугал ее.

Я наблюдал, как Скайлар развернулась и положила руку на сердце. Когда она увидела, что это я, то подняла мой дневник со стола и пошла к двери. В момент, когда она открыла ее, я дернул дверь и грубо выхватил блокнот из рук Скайлар. Я был в панике с момента как понял, что его не было в моем пиджаке, но ощутил лишь легкое облегчение, вернув его. Что если она заглянула внутрь?

Черт. Я умираю. Умираю.

— Привет, — сказала она оживленно, выходя на улицу; дверь закрылась за ней. — Я все раздумывала, вернешься ли ты за ним.

— Да. Извини. — Я не мог заставить себя посмотреть ей в глаза, поэтому уставился на ее ступни. Они были маленькие и узкие, и хоть она и была в туфлях на высоких каблуках, все еще была на добрых шесть дюймов ниже меня.

— Никаких проблем, мы все еще тут, закрываемся.

Я кивнул, напряжение в моем желудке немного уменьшилось. Она не выглядела так, будто увидела что-то безумное. Я рискнул посмотреть на нее, и от взгляда в эти голубые глаза уровень адреналина снова подскочил во мне.

— Извини, что не узнала тебя ранее. Ты живешь поблизости? — ее тон был легким и дружелюбным, и она прислонилась к двери, держа руки за спиной. Из-за этого ее грудь немного торчала, и я посмотрел на нее, прежде чем опомнился. Мысль случайно задушить ее бродила на задворках моего сознания, поэтому я сделал шаг назад.

Дерьмо. Просто, бл*дь, убирайся отсюда.

— Я должен идти. — Не встречаясь с ней взглядом, я развернулся и отсчитывал свои шаги по восемь, когда убегал от нее.

Ненавидя себя, я пришел домой и вычистил свой дом сверху донизу, приняв еще один душ (в течение которого снова мастурбировал на нее, из-за чего почувствовал себя еще более отвратительно). Затем съел ужин, уставившись в телевизор, по которому показывали новости по кабельному. Они подтвердили мою уверенность в том, что мир был испорченным местом, полным алчности и жестокости, и затем я лег спать.

Уставившись на пустое пространство рядом с собой, я считал до изнеможения и уснул.

На следующий день было лучше, хотя я злился на себя, что повел себя как мудак со Скайлар.

Чтобы избавиться от этого, я отправился в тренажерный зал утром и провел почти всю вторую половину дня, работая на улице в своей хижине. Часть собственности, которую я унаследовал от своей матери, была маленькая, но она была далеко от главной дороги, и рядом примыкало примерно двадцать футов набережной, хоть и не было пляжа. Земля принадлежала ее семье около четырехсот лет, и когда она умерла, земля была разделена на три части: для моих братьев и меня. Они продали свои участки застройщику, но я сохранил свой и построил на нем хижину. Подрядчик закончил строительство прошлым летом, и я провел зиму, работая над интерьером, перекладывая восстановленные деревянные полы и обустраивая кухонную зону, окрашивая бетонные шкафчики, устанавливая новую мебель и укладывая плитку в ванной внизу. Во всем помещении не было и восьмисот квадратных футов, но для меня было предостаточно места.

Моей последней постройкой был душ на открытом воздухе. Установив водопровод, я начал работать над солнечным водонагревателем, чтобы душ освежал, а не морозил. Конечно, все время работы я представлял Скайлар под душем: теплая вода стекает по ее

телу, по ее изгибам, оставаясь на коже. Ох, черт. Я стал твердым. Нахмурившись, я поправил джинсы и продолжил работу.

Черт, почему я паникую рядом с ней? Почему я не способен на простой разговор? Я боролся с навязчивыми мыслями большую часть своей жизни, и Кен был прав — у меня было множество механизмов для борьбы с ними. Тогда в чем, черт побери, дело?

В ее внешности? Потому что я чувствовал вину из-за того, что думал о ней? О том, как я до сих пор думаю о ней? Или вчера был просто плохой день? Как будто у меня было слишком много хороших дней, и придурак во мне решил напомнить, что я не в порядке. Я никогда не был в порядке. Неважно, сколько хороших дней было в моей жизни, мне всегда приходилось сражаться со всякой херней в своей голове.

Я задумался, что она подумала. Она заговорит со мной снова, если мы пересечемся? После того, как что-то оказывалось в моем списке, я не мог отказаться от этого — и если я не проработаю свою проблему с ней, она продолжит преследовать меня. Это был небольшой город, поэтому я буду сталкиваться с ней время от времени, и я не смогу убежать, когда это произойдет. Кен был прав и насчет этого — избегание не работает в моем случае.

Может, я и был придураком, но не был проклятым трусом. Больше нет.

При следующей нашей встрече я проявилю себя лучше.

8 глава

Скайлар

Я начала работать на Натали на следующий день, и к трем часам дням мои ноги убивали меня, поясница болела, а организм был истощен. Обе мои сестры были ранними пташками, так же как мама с папой, но проснуться раньше шести утра было средневековой пыткой для меня, этому не способствовала и погода.

— Конец? — спросила я, когда уходили последние посетители, приходившие на обед, открывая свои зонты, перед тем как выйти. — Если нет, то кажется, мне нужно уволиться.

— Конец, — Натали ухмыльнулась через плечо, когда складывала посуду с их стола на поднос. — Мы можем закрыться.

— Спасибо Господи. — Морщась с каждым шагом своих усталых ног, я направилась закрыть дверь и перевернуть табличку на ЗАКРЫТО, затем шлепнулась на ближайший стул, повернувшись к стойке.

— Я помогу тебе через секунду. Мне нужно немного отдохнуть.

— Не закрывай глаза, — предупредила Натали. — Ты уснешь, я тебя знаю.

Я имела сноровку заснуть в любом месте, где бы ни находилась, если была уставшей. Мои глаза почти закрывались, когда я поддерживала одну щеку рукой.

— Ш-ш-ш. Дай мне минутку.

— Я отнесу посуду на кухню, и как только она окажется в посудомойке, твой отдых закончен.

— Мм-хорошо. — Ощущая сонливость и тепло, и убаюканная дождем, я только начала засыпать, когда меня разбудил стук по стеклу. — Уходите. Закрыто, — пробормотала я, не поднимая головы.

Стук продолжался, становясь громче. Какого хрена? Этот человек не умеет читать?

— Хорошо-хорошо. — Неохотно я поднялась со стула и повернулась, увидев мокрого Себастьяна Прайса через стекло; дождь хлестал позади него.

Мой желудок подпрыгнул, и я бросилась к двери, возясь с замком, прежде чем открыла ее.

— Заходи, — сказала я, немного задыхаясь. Все, что я могла думать, его слова обо мне. Я все еще могла видеть их на странице....

У меня нет выбора, кроме как держать дистанцию.

— Боже мой, ты вымок. — Я осмотрела его снизу вверх, заметив, что темные джинсы и светло-коричневый пиджак были насквозь мокрые, как и его волосы. — Могу я дать тебе полотенце?

— Нет, все нормально.

— Тогда как насчет чашки кофе? — я посмотрела позади себя, чтобы убедиться, что в кофейнике еще было немного.

— Нет, спасибо. Я пришел не за кофе. У меня были кое-какие дела в центре, и я увидел тебя через окно. Я не знал, что ты здесь работаешь.

Я улыбнулась. Такой разговорчивый сегодня, почти дружелюбный.

— Это мой первый день, — понизив свой голос до шепота, я наклонилась к нему и заговорила: — Но ты только что поймал меня, когда я дремала на работе.

Он улыбнулся, медленной застенчивой улыбкой, отчего мои колени почти подогнулись.

— Я не расскажу.

— Спасибо. — Я ждала, что он расскажет, зачем здесь, но он не говорил ничего мгновение, его глаза осмотрели мои волосы и лицо, задержавшись на рту.

«Но твоя красота — сила притяжения».

Я облизала губы.

— Ты уверен, что я не могу принести тебе ничего выпить? Кухня закрылась, но я могу предложить тебе что-нибудь поесть.

— Я уверен. Я не голоден. Просто пришел поговорить с тобой.
«И земные тела всегда будут падать».

— Да? — Я качнулась вперед на носочках.

— Да. Я задолжал тебе извинения.

Мои щеки покраснели.

— Все хорошо.

— Нет, это не так. Я не должен был убегать вчера. Не очень хорошо чувствуя себя по этому поводу.

— Ну, я не должна была приходить сюда и кричать как бешеная.

Он пожал плечами.

— Ничего страшного.

Боже, он был настолько милый, весь такой робкий и мокрый.

— Уверен, что не надо сделать тебе кофе? Я не хочу отправлять тебя на улицу в дождь так быстро. Я посижу с тобой.

Давай вытащим тебя из этой мокрой одежды.

Его уголки губ немного приподнялись, и мое сердце застучало так, будто я училась в шестом классе, а это моя первая любовь. Мне нравилось, когда одна из его бровей поднималась чуть выше другой, когда он улыбался.

— Нет, спасибо. Я должен идти. — Он повернулся и толкнул дверь, затем посмотрел через плечо. — Но было здорово снова тебя увидеть.

Когда он ушел, я стояла на месте, пялясь в окно на дождь целых пять минут, внезапно взбодрившись и чувствуя еще больше любопытства по поводу него.

Кофейня «Дарлинг» работала только до середины второй половины дня, поэтому в течение следующих недель у меня оставалось много времени, чтобы помочь маме закончить с гостевым домиком. Я просыпалась в пять, работала в кофейне, пока не уходила толпа с обеда, и затем возвращалась домой, чтобы красить стены, занавешивать окна, развешивать светильники и застилать кровати новыми комплектами постельного белья нейтральных тонов. В свой выходной я ходила в антикварные магазины за стульями, которые могла восстановить, столами, которые мой отец мог помочь отполировать, или просто за милыми безделушками, которые бы красиво висели на стенах или располагались на полках.

По вечерам помогала маме настраивать веб-сайт; он был старый и скучный. Я также убедила ее нанять фотографа, чтобы сделать профессиональные снимки дома и участка, и найти графического дизайнера для нового логотипа.

Не могу сказать, что я была близка к пониманию, что делать со своей жизнью, но мне было приятно помогать своей семье, и занятость не давала времени беспокоиться о будущем. Моим самым актуальным беспокойством была встреча выпускников — могла ли я показать свое униженное лицо? Мой финальный эпизод «Оседлай лошадь» тоже попал в эфир (нет, я не смотрела), но я все еще чувствовала взгляды полные отвращения на себе и слышала гневные шепотки местных жителей то тут, то там. Может быть, если бы я не плеснула «Космо» в любимицу фанатов, Уини Уитни, меня бы больше жалели, но я просто не выдержала еще одно ее истеричное рыдание. Кроме того, я позволила ей толкнуть меня в бассейн ранчо в вечернем платье и в туфлях на шпильках. Рейтинг этого эпизода был невероятно высоким!

Если бы только я могла с кем-то пойти на встречу выпускников. Но две мои близкие школьные подруги жили за городом и не собирались приезжать, а Натали сказала, что если я приведу ее в качестве спутницы, это будет хуже, чем пойти одной. Если бы Себастьян снова заглянул в кафе, я бы спросила у него насчет этого, но его не было. Один раз я

спросила Натали насчет него, и она сказала, что это в его стиле — он мог приходить каждый день на неделе, а затем не показываться две. Затем она дразнила меня из-за удрученного взгляда на моем лице, поэтому я больше не спрашивала.

Я начала думать, что нафантазировала его поэтичные слова про меня, когда столкнулась с ним в хозяйственном магазине в конце мая.

Я стояла в проходе у стоек с товаром в поисках болтов для крутых чугунных ручек шкафчиков, которые купила в старом сарае, превращенном в антикварный магазин, и у меня возникло проблема с тем, чтобы подобрать нужный размер. Снова нахмурившись на огромный выбор перед собой, я думала попросить о помощи, когда услышала голос позади себя.

— Скайлар?

Я повернулась, и там стоял он.

— О, привет! — Внезапно я вспомнила, что мои волосы были заплетены в хвост, и быстро сняла резинку, прежде чем он заметил мои типичные уши Никсонов. Натянув ее на запястье, я встряхнула волосами, немного взбивая их.

— Привет. — Он улыбнулся, и мое сердце застучало сильнее от того, как его полные губы немного растянулись, а бровь изогнулась. Какого черта он прятал это лицо так долго?

— Как дела?

— Хорошо, я просто ищу болт. — Мои глаза расширились, когда я поняла, что сказала (прим. перев. Скайлар сказала screw, что можно перевести как трах). — Болты, я имею в виду. Не болт.

Он рассмеялся теплым искренним смехом, из-за чего все мои внутренности закрутились.

— Тебе нужна помощь?

— На самом деле, да, — я подняла ручку. — Я купила эту антикварную дверную ручку, но не могу подобрать что-то подходящее для ее дырок.

Ох, ради всего святого.

— Ненавижу, когда что-то не соответствует дыркам. — С улыбкой Себастьян взял у меня ручку и изучил ее. — Хм-м. Давай посмотрим. — Он ходил рядом некоторое время, в течение которого я тайно изучала его уголком глаз. Он был высоким и подкаченным, с красивой округлой задницей, к которой мне стоило или не стоило наклониться, чтобы проверить, пока он пробовал несколько болтов разных размеров. — Ага. — Он повернулся ко мне и протянул их. — Вот эти должны подойти.

— Здорово. Если у них есть восемь, то я могу доделать все сегодня.

— Тебе нужно восемь болтов, чтобы все доделать? — Его бровь приподнялась еще выше. — Так случилось, что восемь мое любимое число.

Теперь это парень, с которым я могу флиртовать.

Я закатила глаза и легонько толкнула его в грудь, что была широкой и твердой. На нем был темно-серый спортивного стиля пиджак, который облегал верхнюю часть его тела лучше, чем мешковатые толстовки, которые он носил в старшей школе.

— Очень смешно. Так, сегодня ты со мной болтаешь?

Улыбка исчезла с его лица, и я немедленно пожалела, что упомянула что-то о нашей предыдущей встрече.

— Да. Еще раз извини насчет... того дня. Я просто... — Он закрыл глаза на мгновение и сделал глубокий вдох, его мышцы груди поднимались и опадали. — Не знаю... у меня был плохой день.

— У меня тоже. Боже. — Мои плечи задрожали от воспоминания. — Ужасный день. Он искоса посмотрела на меня.

— Да?

— Да. Меня уволили. И затем я шлепнулась лицом в песок перед тобой на пляже. И затем люди с «Вишневого карнавала» забрали мою корону. — Тогда это казалось серьезным

личным оскорблением — теперь же звучало глупо, как будто я была ребенком, чью любимую игрушку забрали.

— Почему?

Я вздохнула, закрыв глаза.

— Это долгая история, из-за которой мне стыдно.

Он засунул руки в карманы.

— У нас у всех есть такие.

Я подумала о том, что Натали рассказала мне о его недавнем прошлом. Кто бы мог подумать, что у меня с Себастьяном Прайсом есть что-то общее. У меня появилась идея.

— Эй. Хочешь поделиться долгими и позорными историями за напитком?

Его выражение лица мгновенно сменилось с сочувствующего на напуганное, и я мгновенно решила, что зашла слишком далеко.

— Извини. — Я огляделась вокруг. — Ты пришел сюда с какой-то целью, а магазин скоро закроется. Я не должна тебя задерживать. Это была просто мысль. Может, в другой раз.

— Нет, нет. Все хорошо. — Он сделал паузу. — На самом деле, я думаю, мне нравится это.

Я наклонила голову.

— Ты не звуцишь уверенным по этому поводу.

— Я уверен. — Он постучал мне по носу в ласковом жесте, что удивило меня. — Послушай. Не каждый день Скайлар Никсон предлагает мне что-нибудь с ней выпить. Ты должна дать мне минутку. — Подняв руку между нами, он ушипнул кожу своего запястья.

— Ох, перестань, — взволнованная, я оттолкнула его руку. — Не глупи.

Он ухмыльнулся.

— Хотя мне нужно захватить несколько стульев. Встретимся у входа?

— Стульев? Ты покупаешь мебель в хозяйственном магазине?

— Для патио. У них распродажа на этой недели.

— Где ты живешь?

— На Олд Мишен. Я построил хижину.

— Правда? Я тоже живу на Олд Мишен. Я имею в виду, мои родители, и я... — я покачала головой. — Неважно. Это еще одна позорная история. В любом случае своя хижина — это здорово. Я люблю их. В них столько очарования.

Он пожал плечами.

— Сомневаюсь, что можно назвать ее очаровательной, но мне подходит.

— Я бы хотела ее увидеть. Может, я смогу помочь. — Он посмотрел на меня со странным выражением, и я снова задумалась, не надавила ли слишком сильно. — Извини... это просто мысль. Я склонна говорить все, что приходит мне в голову. Мне, правда, нужно думать, прежде чем говорить.

— Нет, это была хороша мысль. Просто... ко мне не так уж часто приходят гости.

Я решила оставить эту тему.

— Ну, мне нужно заплатить за мои болты... — я вздохнула, зажмурив глаза. — Только не шути, пожалуйста... и затем я встречу тебя у магазина. Звучит хорошо?

Он кивнул, а его губы растянулись в улыбке. Мне нравилось, что его нижняя была полнее верхней.

— Звучит хорошо.

Он прошел мимо меня, когда я делала вид, что отсчитываю восемь болтов, когда на самом деле наблюдала за его уходом, наслаждаясь бабочками в своем животе. Я восхищалась округлостью его задницы, выделяющейся талией и шириной плеч. Я представила, как он выглядит голым, и бабочки переместились ниже.

Полегче, Скайлар. Попридержи коней. Да, ты давненько не была в седле, но ты смотришь не на механического быка. И если то, что сказала Натали, правда, то ему действительно нужен друг.

Хм.

Я наклонила голову для лучшего обзора.

Я бы могла продержаться семь секунд на этом теле. Я могла бы продержаться семь секунд на этом теле всю ночь напролет.

9 глава

Себастьян

Тот факт, что я столкнулся со Скайлар в хороший день, был самым большим счастьем за долгое время. Не то чтобы одержимых мыслей не было, но они не чувствовались такими непреодолимыми. Я мог сознательно запихнуть их в отдел мозга, о котором думал как о «К черту все, мне плевать» и быть собой. В свои хорошие дни я мог делать это.

Было так легко говорить с ней, и она так мило смущалась из-за своего непреднамеренного пошлого замечания.

Но у меня было неумышленное подергивание в штанах, когда она положила руку мне на грудь, и я колебался, когда она упомянула о моем поведении две недели назад. У меня не было достойного объяснения. Правда была в том, что не прошло и дня, чтобы я о ней не думал.

И вот она. Болтает со мной. Предлагает выпить вместе. Заинтересована в месте, где я живу. Хочет прийти и увидеть.

И яправляюсь отлично.

Я мог отказаться выпить вместе. Мог пойти домой, перечеркнуть пункт «Поговорить со Скайлар Никсон» в своем списке, назвать сегодняшний день одним из самых лучших и позволить себе праздновать с пивом на террасе на одном из своих новых стульев, и скорее всего после этого последовала бы праздничная дрочка на ее заднице в этих легинсах. (Дважды, разумеется)

Но правда была в том, что я не хотел быть один.

Было бы неправильным принять ее предложение только ради небольшой компании? Это было бы слишком обманчиво? Она была красивой и милой, но о свидании не могло быть и речи. Она заслуживала кого-то лучше. А я также не мог видеть ее в качестве подруги для секса. Она была слишком хороша для этого.

Держи причиндалы в штанах, придурок. Она сказала про напиток, только и всего.

Поэтому, пока я выбирал и оплачивал свои стулья, я решился узнать ее так, как хотел в школе, и не позволить моему влечению к ней или иррациональному страху причинить ей вред. Я буду сдерживать свои навязчивые мысли и держать себя в руках.

Для парня вроде меня это была чертовски трудная задача.

Но сегодня был хороший день.

Она остановилась рядом со мной, когда я сгрузил тяжелые коробки со стульями в заднюю часть грузовика.

— Что думаешь? — спросила она меня через открытое окно «Форд Эксплорер». Это удивило меня — я предполагал, что девушка вроде нее водит более женственную машину. Хотя ее одежда сегодня также меня удивила. Прежде я никогда не мог припомнить Скайлар Никсон в лосинах. Хотя она хорошо выглядела в них. Она была небольшого роста, но с изгибами, не такая худая как большинство красивых женщин в Нью-Йорке. Скайлар выглядела как девушка, с которой можно было отправиться в поход, и потом ты мог бы угостить ее мороженым, и даже, может, заказать два шарика.

У меня появилась идея.

— Эй, а ты уже ужинала? — Время приближалось к шести, но я еще не ел. Рестораны всегда были риском для меня, но если я и должен был туда пойти, то именно в такой день, как сегодня.

— Нет. — Она посмотрела на пакет на пассажирском сиденье. — Я доделывала работу по хозяйству, но сейчас мне все равно.

— Не хочешь перекусить?

Она улыбнулась.

— Конечно. Где?

— Что бы ты хотела?

Она задумалась на секунду.

— Я бы не сказала «нет» чизбургеру.

— Как насчет «Слэдера»? — предложил я. — Встретимся там?

— Хорошо, мы можем поехать вместе. Я поеду в твоей машине, а после ты привезешь меня сюда.

— Хорошо, — ответил я, но волосы у меня на затылке встали дыбом, когда я обходил, чтобы открыть для нее дверь с пассажирской стороны.

— Спасибо, — она залезла в кабину и закрыла дверь, мое сердце билось слишком быстро, чтобы было комфортно.

И затем голос заговорил.

«Может, это ошибка. Ты будешь наедине в машине с ней и...»

Нет. Нет. Это хороший день. «Пожалуйста, не порть его, — умолял я голос. — Пожалуйста, позволь мне наслаждаться ее компанией без осложнений. Один вечер. Все, о чем я прошу. Один обычный вечер с другом впервые за год».

Я сел за руль и закрыл дверь, мои плечи, руки, челюсти были напряжены. Вставив ключ в замок зажигания, я положил обе руки на руль и крепко стиснул. Бл*дь.

— Эй, — она положила руку на мою, а я даже не мог смотреть на это. — Эй. Посмотри на меня.

Неохотно я встретился с ней взглядами. Цвет ее глаз выглядел еще прекрасней в мягком розовом цвете заката. Я сжал руки на руле. Мое самообладание ускользало, и она понимала. Ты пугаешь ее. Прекрати, черт возьми, это. Но как я мог объяснить свое неустойчивое поведение, не напугав ее? Прежде чем разобрался, что сказать, она заговорила.

— Я совсем не знаю тебя, Себастьян. И может, девушки не должны запрыгивать в грузовик к незнакомому мужчине, который может быть серийным убийцей. Но знаешь что? Мне нужен приятный вечер с другом. По какой-то причине я тебе доверяю. У меня есть чувство, что из-за всего этого ты испытываешь дискомфорт.

Черт, а у нее хорошая интуиция. И она болтушка, как и ее сестра. На секунду я улыбнулся — как эти двое разговаривают, не перебивая друг друга? Я прочистил горло.

— Да.

— Будет лучше, если я сама доеду до «Слэдера»? — Она убрала свою руку с моей и ухватилась за дверную ручку. — Я правда не возражаю. Мне не стоило предполагать, что я могу просто так легко поехать с тобой.

— Нет, — сказал я слишком быстро и громко. Сделав глубокий вдох, я повернулся к ней тулowiще. Лучше рассказать ей в хороший день. Будет яснее. — Пожалуйста, останься. Я буду откровенным, Скайлар. И если ты захочешь ехать сама, после моих слов, или если захочешь забыть об ужине и просто поехать домой, я пойму.

— Хорошо, — она сложила руки на коленях и выжидающе смотрела на меня. Ее доверие ко мне было настолько милым, что внезапно я не смог удержаться от шутки.

— Я серийный убийца.

На секунду ее лицо побледнело, но она быстро пришла в себя, ударив меня по руке.

— Ты такой придурок! Давай. Поговори со мной. Знаю, мы не были друзьями в школе или даже друзьями, но, по крайней мере, знаем друг друга давно. С четвертого класса, верно? Ты пришел в середине года.

Она была права, мы переехали из Чикаго после того, как моя мама умерла, чтобы жить ближе к семье отца.

— Ты помнишь это?

— Да. И я помню, что ты очень хорошо успевал в математике и однажды задержался на перемене, чтобы помочь мне с решетчатым умножением.

— Да? — Святое дермо, как я мог забыть подобное? Я был тронут, что она помнила подобное обо мне — что-то положительное и не странное. Напряжение в моих плечах немного ослабло. — Хорошо. Я не серийный убийца. Но проблема в том, что иногда я могу им быть.

— Что? — она озадаченно посмотрела на меня, затем перевела взгляд к окну, как будто размышляла о побеге. Не стал бы винить ее. Я сомневался... рассказать ей — правильное решение? Если она сбежит, не почувствую ли я себя хуже?

Перестань предугадывать. Просто расскажи ей.

— Это сбой в моем мозге, — наконец сказал я. — Страх причинить вред поселился там и отказывается исчезать. Я читал, что у других людей такие мысли появляются время от времени: мимолетные изображения сделать что-то нехарактерное, что-то жестокое и ужасное, но затем это проходит так же быстро, как и появляется. Не у меня. Когда подобные мысли попадают мне в голову, то остаются на постоянной основе, и я не могу что-то сказать или сделать, чтобы от них избавиться.

— Какого вида вред? — спросила она осторожно.

Я не мог сказать о том, как думал задушить ее — просто не мог.

— Обычно это что-то специфическое, — сказал я, потирая затылок. — Например, я отказался использовать ножи дома, если кто-то есть рядом, потому что боюсь, что потеряю рассудок и кого-нибудь заколю. В действительности, я заставил отца спрятать ножи, и использую только пластиковые.

Ее челюсть отвисла.

— Что? Но ты знаешь, что не заколешь никого.

— Не имеет значения. Мне кажется, что если мысль появляется, то значит, я действительно хочу это сделать, и я не тот человек, каким себя считал.

— Это ужасно, — сказала она тихо. — Ты всегда чувствуешь себя так?

— Это началось, когда мне было около восьми, но мне не поставили диагноз до подростковых лет. И все, что я привык делать, все еще иногда делаю: подсчет, одержимость определенными цифрами — мой мозг считает, что это как-то помогает. На время это избавляет от беспокойства, и я чувствую себя в безопасности, и мне кажется, что и люди вокруг в безопасности.

Она медленно кивнула, обдумывая все.

— А... микробы? Мытье рук?

Он помнила это.

— Это тоже связано. Это видимые непреодолимые аспекты ОКР, те на которые люди имеют тенденцию фокусироваться, но для меня, по крайней мере, на данном этапе моей жизни, самое худшее — навязчивые мысли. Обычно я в состоянии справиться с другими вещами.

— Ты не можешь просто... — она взмахнула рукой. — Выкинуть их из своей головы? Например, думать о чем-то другом? Как я делаю.

Я покачал головой.

— Я бы хотел, но это не только невозможно для меня, чем больше я пытаюсь это делать, тем хуже становится.

— Боже, Себастьян. Я понятия не имела. Должно быть, тяжело жить с этим.

— Так и есть. — Мне на удивление легко открываться ей. Единственный человек, с кем я говорил об этом последние годы, — мой психотерапевт. Я обычно никогда не разговаривал о подобном с женщиной на свидании. Но было хорошо. — Ты знаешь, голос в твоей голове, который знает все твои самые глубокие страхи и опасения, тот, кто знает, как заставить тебя усомниться в себе, тот который не оставляет тебя в покое, пока ты не чувствуешь себя на грани, что даже не можешь функционировать?

— Да, — сказала она тихо. — Я ненавижу этот голос.

Я посмотрел на нее.

— Что говорит твой?

Она вздохнула.

— Что я глупая. Неудачница. Что никогда не буду так успешна, как мои сестры, и даже не должна пытаться.

Ее искренность удивила меня, как и сомнения в себе. Снаружи Скайлар Никсон производила впечатление человека, у которого есть все, что нужно. Но я лучше других знал, что сложно сказать, с какими демонами борешься.

— И та знаешь, что это неправда. Но сложно игнорировать, не так ли? Для меня — невозможно. Мне пришлось научиться принимать эту часть себя, не будучи ее жертвой, или не жертвуя своей жизнью из-за этого. — Или хуже, чьей-то еще жизнью, подумал я, слыша звуки мучительных рыданий Дианы за закрытой дверью спальни.

Она наклонила голову, на ее лице было любопытство.

— Как ты справляешься? Медикаменты?

Я сфокусировался на женщине перед собой.

— Часть этого, но медикаменты не исцеляют. Думаю, что самая большая помощь, — терапия. — Я сделал глубокий вдох и выдохнул. — У меня есть хорошие и плохие дни. Сегодня хороший.

Она улыбнулась.

— Думаю, и у меня.

Может, это был и хороший день, но входя в ресторан вместе со Скайлар, я все еще чувствовал себя на грани потери контроля. Мы оказались за четырехместным столиком, и она присела рядом со мной, что сделало ее ближе, чем, если бы она сидела напротив меня. Люди пялились на нас, как будто удивляясь, что такая девушка делала с таким чудаком, как я. Я не был глупцом — я знал, что слухи расходились после моего возвращения из Нью-Йорка, особенно учитывая, что у моей свояченицы был болтливый рот, но я привык не обращать внимание на мнение людей. Хотя Скайлар держала голову опущенной, занавесив волосами лицо. Она стыдилась находиться здесь со мной? Если так, то почему пригласила меня выпить? Это ошибка.

— Ты в порядке? — спросила она с беспокойством. — Извини, что люди пялятся на нас. Это моя вина, и, вероятно, ты неловко себя чувствуешь.

— Твоя вина? Думаю, это моя вина.

Ее глаза расширились.

— Твоя вина? Почему это должна быть твоя вина? Я единственная, кто выставила себя идиоткой на национальном телевидении. Боже мой, пьяной я объезжала металлического быка семь секунд.

— Черт, — сказал я с вытянутым лицом. — Ужасное число.

Она выглядела озадаченной, затем поняла.

— Ох, ха-ха-ха. — Она шлепнула меня по руке. — Рада, что мое унижение так забавно.

Немного посмеявшись из-за ее красного лица, я заверил Скайлар, что никогда не смотрел шоу и мне все равно, и также наплевать, что люди здесь могли шептаться о ней.

— Спасибо. Я бы хотела, чтобы больше людей разделяли твою позицию. На меня зло смотрят со всех уголков помещения. — Мы сидели спиной, когда наш официант поставил две тарелки перед нами и предупредил, что они горячие.

— Ты знаешь, кто ты, — сказал я, когда мы снова остались одни. — К черту всех.

Она печально улыбнулась.

— Я бы хотела иметь такую позицию. Знаю, что не должна заботиться о мнении других, но легче сказать, чем сделать.

— Да, понимаю это чувство.

Она послала мне сочувствующую полуулыбку и подняла свой чизбургер.

— Так, сегодня у тебя хороший день. Расскажи мне о нем.

Пока мы ели, я рассказал ей, как повесил гамак между двумя березами утром, и затем вздрогнул на нем днем.

— Мне нравится спать днем, — восторгалась она, жуя картошку фри. — Если поспишь днем, то любой день становится автоматически лучше.

— Согласен. — На мгновение я погрузился в фантазию, как мы вдвоем лежим в моем гамаке: Скайлар лежит поверх меня, голова на моей груди, ее босые ноги переплетены с моими, листья держат нас в тени от послеполуденного солнца. Я играю с ее волосами, она мягко вдыхает, и я чувствую, как ее тело растворяется в моем. Мы можем уснуть под звуки птиц, ветра и воды и...

Бл*дь. Я бы хотел, чтобы все было по-другому.

Я поднял пиво и сделал большой глоток. Нет смысла думать об этом. Я тот, кто я есть.

— Так, у тебя хороший день?

— Наверное. Я поработала утром, а затем отправилась по магазинам, чтобы найти, что надеть на встречу выпускников.

— Что за встреча выпускников?

— Наша. В честь десятилетия окончание старшей школы. В эту субботу. Я собиралась спросить, пойдешь ли ты. — Она подняла бокал с вином.

— Эм, нет. Чертовски точно нет. — Я сделал еще один глоток и покачал головой, когда поставил бутылку. — Я бы не хотел никого там видеть.

— Ох, — ее выражение лица стало печальным, что она пыталась спрятать, делая глоток вина. Несколько больших глотков.

— Позволь мне перефразировать, — сказал я, сожалея о ее чувствах. — Я смотрю на единственного человека, которого хочу увидеть.

Ее глаза засветились, а щеки порозовели.

— Спасибо.

— Но также нет никого, кто хотел бы увидеть меня.

— Это неправда, — сказала она, поставив пустой бокал. — Я хочу.

— Спасибо, но я бы предпочел застрелиться, чем пойти туда.

Она вздохнула.

— Я чувствую что-то подобное. Знаю, что все там будут сплетничать за моей спиной, при этом улыбаться мне в лицо.

— Тогда не ходи.

— Я должна.

— Почему?

— Потому что если не приду, все будут сплетничать обо мне.

Я поморщил лоб.

— Подожди, ты только что сказала, если ты пойдешь, то все будут сплетничать о тебе.

— Да, но хуже, если это будет, когда меня там не будет, — сказала она с какой-то непонятной женской логикой. — Поэтому я должна пойти, и ты тоже. На самом деле мы должны пойти вместе.

Я чуть не подавился.

— Что?

— Мы должны пойти вместе. — Она поставила локти на стол и наклонилась, в ее глазах сверкали озорные огоньки. — Тогда мы дадим им новый повод для разговоров.

Я тоже наклонился ближе. Не мог сопротивляться.

— Да? Например?

— Как это.

И без всякого предупреждения она поцеловала меня. Прижала мягкие розовые губки к моим и оставила так на секунду, в течение которой я был слишком поражен, чтобы двигаться. Мой член дернулся, и я отстранился.

Затем она откинулась на спинку стула, глядя на меня с ужасом.

— О боже мой. Мне так жаль.

10 глава

Скайлар

Святое дермо. Что я натворила?
Я поцеловала его. Поцеловала его.
Я поцеловала Себастьяна Прайса.

Я пыталась прочитать выражение его лица, но не могла. Лучшее, что могла углядеть, это было между: «Боже, какого хрена она сделала это?» и «Давай перевернем этот стол и продолжим».

Прошла целая вечность. Вымерли несколько видов птиц. Континенты дрейфовали.

— Скажи что-нибудь, — умоляла я. — Прямо сейчас я чувствую себя ужасно. Я не должна была этого делать. Могу я винить вино? — Да. Так и было. Поцелуй на совести «Пино».

Но разве это вино? Может, что-то другое. Я не была экспертом в математике, но это было опьяняющее уравнение: Горячий Парень С Загадочным Прошлым + Милая Беседа х Рыцарство На Пляже / Его Отчуждение В Кофейне (Иммунитет К Моему Лицу И Флирту) + Намек В Хозяйственном Магазине х Честное Признание О Борьбе С ОКР → Любопытство + Возбуждение (Бабочки В Животе + Ускорение Пульса) = АТАКУЮЩИЙ ПОЦЕЛУЙ.

Верно?

Или я слишком много надумываю? Может, простая сумасшедшая правда заключалась в том, что я по-настоящему увлеклась Себастьяном Прайсом? Но он был одним из тех тихих, измученных гениев, которые не велись на таких девушек, как я. Он ходил в юридическую школу, ради всего святого! Писал поэмы!

Его уголки губ слегка приподнялись — теплые губы, которые так хорошо ощущались на моих.

— Ах. Конечно. Все в порядке. Не чувствуй себя плохо, правда. Ты просто удивила меня. — Он поерзal на стуле.

— Уверена, так и есть. — Я потянулась за бокалом вина, но он был пустой. Остервенело, я оглядывала помещение в поисках нашего официанта. Официант! Чрезвычайная ситуация!

— Эй. — Он обхватил мое запястье. — Все хорошо.

— Ты уверен?

Его глаза цвета морской волны были ясными, а голос нежным.

— Уверен. Я не хочу, чтобы тебе было некомфортно.

— Хорошо. — Поскольку Себастьян был очень общительным сегодня, то я надеялась, что он расскажет о своих чувствах, но это все, что он сказал.

За весь остаток вечера.

Он полностью закрылся.

Не было никакой злости, но он просто перестал разговаривать. Больше никаких шуток, улыбок, историй. Он нервничал? Злился? Был в замешательстве? Напуган? В любом случае я была очень смущена и взмолнико говорила обо всем что угодно, лишь бы заполнить тишину.

Мы закончили есть — я передумала насчет второго бокала вина, тем более, что у него было только одно пиво, — и он отвез меня назад к моей машине. Я щебетала как птичка о всякой ерунде всю поездку назад, и когда мы подъехали к парковке хозяйственного магазина, посмотрела на него и увидела, что он тихо смеется.

— Что? — спросила я.

— Ты. Ты когда-нибудь перестаешь болтать?

Я накрыла лицо рукой.

— Нет. Я имею в виду, да, но нет. Нет, когда я нервничаю. — Лицо горело под моей ладонью.

— Почему ты нервничаешь?

— Потому что! Я облажалась, поцеловав тебя в ресторане! И ты весь такой умный и тихий, и загадочный, а я просто... — я подбросила руки в воздухе. — Банальная и глупая.

— Вот, что ты думаешь? — Он вырулил грузовик на парковку и повернулся ко мне лицом.

— Да, — я повернулась к нему. — Потому что перед тем как я это сделала, все было хорошо. А после ты, вроде как... закрылся.

Медленно кивнув, он потер заднюю часть шеи.

— Да, наверное.

— Почему? Ты зол?

Он странно посмотрел на меня.

— Почему я должен быть зол?

— Я не знаю! Обычно я довольно хорошо читаю людей, но твое лицо абсолютно бесстрастно. Гребаная статуя. И ты не разговаривал, поэтому мне безумно неловко, и я пыталась говорить за нас обоих.

Он улыбнулся.

— Ты хорошо справилась.

Я беспомощно уставилась на него, наконец, растеряв все слова.

— Ладно, послушай. — Он уперся локтем в спинку сиденья и прижал пальцы к затылку. Его выражение лица было более расслабленным, даже довольным. — Мне жаль, что я закрылся. Я пытался кое-что обдумать.

— Например?

— Например, почему ты сделала это.

— Я сделала это, потому что захотела. Что ты чувствуешь по этому поводу? Будь честен.

Он лениво улыбнулся, и во мне проснулось безумное желание провести языком по его губам.

— Мне хорошо.

Я разинула рот.

— Все? Хорошо? Ты молчал полтора часа и все, что я получаю? Хорошо?

— Эм. — Его глаза засверкали в темноте, и я надеялась, что он раздевает меня ими.

— Ох, это так смущает.

— Извини. Я немногословный человек.

— Как юрист может быть немногословным?

Прошла секунда.

— Разве я говорил тебе, что я юрист?

Ох, бл*дь. Бл*дь, бл*дь, бл*дь.

— Эм, должно быть, да?

— Я так не думаю.

Он не казался злым, но в тоне появилось что-то новое, осторожность, может быть. Я решила быть честной. Если мы собираемся быть друзьями, то я задолжала ему правду о том, что слышала. В конце концов, он был более чем честен со мной сегодня.

К тому же тишина убивала меня.

— Хорошо, не сердись. Натали упомянула, что слышала, как какая-то женщина говорила о тебе в кофейне. Она подслушала, что ты был адвокатом в Нью-Йорке.

— Что-нибудь еще? — его голос был натянутым.

Я сделала глубокий вдох.

— Да. Еще кое-что о том, что у тебя... был нервный срыв в прошлом году. — Я решила пропустить часть о невесте.

Он медленно кивнул — реакция, которую я стала понимать, — в этот момент не стоило ничего спрашивать. Но это была я, поэтому спросила.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет.

— Ох, ладно. — В недоумении, что сказать, и волнуясь, что зашла слишком далеко, я закинула лямку сумки на плечо и потянулась к дверной ручке. — Я должна идти. Спасибо за ужин. Было весело. — Я открывала дверь, и он схватил меня за руку.

— Эй.

Я снова посмотрела на него.

— Иди сюда. — Он потянул меня к себе, и я закрыла дверь. — Извини. Просто не хочу сейчас обсуждать это.

— Все в порядке, — сказала я, пожав плечом. — Твое прошлое — не мое дело. Не стоило спрашивать.

— Скайлар. — Беря мою руку в свою, он нежно потер большим пальцем верхушки моих. — Сегодня я рассказал тебе больше, чем сказал кому-то, кроме своего терапевта, за последний год. И не помню последний раз, когда кто-то заставлял меня врасплох поцелуем.

Мое сердце заколотилось быстрее от удовольствия — не от желания или похоти или сочувствия, а от радости. Для меня что-то значило, что он немного открыл мне сегодня, особенно учитывая, что он выстроил вокруг себя такие защитные стены. Чем больше я думала о том, какой для него была школа, тем хуже мне становилось. Как ужасно жить так, быть настолько одиноким.

— Я рада, что ты сделал это, — сказала я тихо. — Мне нравится слушать тебя и разговаривать с тобой. И целовать тебя. — Я подняла плечи. — Ты нравишься мне, Себастьян. Я хочу узнать тебя получше.

Его взгляд опустился на наши руки.

— Меня не очень легко узнать.

Я приподняла его подбородок, вынуждая его посмотреть мне в глаза.

— Я охотно постараюсь.

11 глава

Себастьян

Она вышла из грузовика и закрыла дверь, больше не сказав ни слова. Я наблюдал, как она открывает машину, залазит в нее и отъезжает, желая, чтобы у меня хватило смелости ее поцеловать.

Из нас двоих смелой была она. Смелой достаточно, чтобы предложить мне сходить выпить, довериться мне, находясь рядом со мной в одиночестве, смелой, чтобы поцеловать меня, потому что ей этого хотелось. От этого я улыбнулся. «Я сделала это, потому что захотела». Я все еще мог слышать ее голос — бесхитростный и милый. И я все еще мог видеть взгляд в ее глазах, когда она наклонилась ко мне, — смелый и сексуальный. Эти губы на моих... Я громко застонал и завел мотор.

Она понятия не имела, что сделала со мной. Конечно, я не мог говорить после этого. Я был слишком занят, пытаясь поправить боксеры, и не думать о своем члене. Но, конечно, когда я не пытался думать о нем, это все, о чем я мог думать. Разве она не видела этого?

Видимо, нет, раз решила, что я могу разозлиться из-за поцелуя. Разозлиться, ради всего святого. Единственное о чем я злился, что не поцеловал ее в ответ. Что не сказал, насколько мне понравился поцелуй, как сильно я хотел повторить его, прежде чем она вылезла из грузовика, как много раз я воображал, что целую ее, когда она даже не догадывалась о моем существовании, и насколько лучше поцелуй в реальной жизни.

Потребовалась вся сила воли, чтобы не закричать: «СЧЕТ, ПОЖАЛУЙСТА», схватить ее за руку и уехать, чтобы отвезти ее в коттедж и поцеловать как следует.

Страстно. Идеально.

Сколько прошло времени с тех пор, как подо мной была растянута женщина, которая стонала от удовольствия, пока я поклонялся каждому сантиметру ее кожи? А кожа Скайлар выглядела восхитительно. Бьюсь об заклад, она будет ощущаться как атлас под моим языком. На вкус как вишнево-ванильное мороженое.

Бл*дь, я снова стал твердым.

И она знала мою историю. Знала о Нью-Йорке, по крайней мере, голые факты, и, тем не менее, все равно пригласила меня на свидание.

Когда я ехал по длинному темному шоссе в центре полуострова, ее внедорожник оказался впереди меня, и я понял, что хочу, чтобы все было по-другому. Нет, чтобы я был другим. Чтобы мне было, что ей предложить. Конечно, бывают хорошие дни, как этот. И какое-то время, возможно, хорошие будут преобладать над плохими, или она поймет, что хорошие стоят плохих. Но это не навсегда.

Поэтому, когда Скайлар свернула, направляясь к ферме родителей, я не последовал за ней, как хотел. Я не притормозил за ней в темноте, не вышел из грузовика, чтобы подождать, когда она спросит меня, что я здесь делаю. Я не схватил ее и не обрушил свой рот на ее без слов. Я не прижал ее тело к своему и яростно не зашептал, как много значит для меня, что она охотно постарается.

Но я хотел этого.

Так сильно, что это причиняло боль.

Когда вернулся домой, коттедж казался почти темным и пустым. Мне не хотелось деградировать у телевизора, а Интернет угнетал меня, поэтому я взял книгу, которую недавно дал мне отец, сел на диван и попытался читать. Я не мог сфокусироваться на истории — тишина душила меня сегодня. Сбросив куртку, вышел наружу и выгрузил стулья из багажника грузовика. Но как только принес коробки во внутренний дворик, мне больше не хотелось их собирать. Вместо этого оставил их там и отправился к причалу, благодарный заочные шумы сверчков и сов, всплеск воды о скалистый берег.

Что Скайлар делала прямо сейчас? Спала? Смотрела телевизор? Или она, как и я, любит читать по ночам? Может, она почувствовала тягу к действиям, когда вернулась домой, и прикутила болты к кухонным шкафам. Я бы хотел быть там, чтобы ей помочь.

Мне стоило предложить. У меня даже не было ее номера, чтобы перезвонить. Почему я не спросил его?

Через несколько минут я вернулся внутрь и плюхнулся на диван, чувствуя себя таким одиноким и грустным, что сделал кое-что, чего не делал месяцами. Я поднял телефон и набрал Диану.

Как всегда переадресация на голосовую почту.

— Это Диана. Оставьте сообщение, и я перезвоню при первой возможности.

— Привет... это я, — я закрыл глаза. — Знаю, прошло много времени. Но я думал о тебе и решил снова попытаться связаться. Полагаю, ты все еще не готова поговорить со мной, и ничего страшного. Просто хотел дать тебе знать, что думал о тебе, и надеюсь, у тебя все хорошо. И... извини. Знаю, что говорил это миллион раз, но так и есть. Я бы хотел вернуться и сделать все по-другому. Иначе. Спокойной ночи.

Я завершил вызов, чувствуя себя как и всегда после звонков Диане: смесь чувства вины и отвращения к себе. Я должен удалить ее номер и перестать беспокоить.

Я как раз собирался это сделать, когда телефон в моей руке завибрировал.

Номер Дианы.

Чёрт. Она никогда не перезванивала. Почему сейчас? Поморщившись, я нажал «принять вызов». По крайней мере, я задолжал ей разговор.

— Диана?

Долгая пауза.

— Привет.

— Как дела?

— Все хорошо. Только что прослушала... твоё сообщение.

Я закрыл глаза.

— Да. Извини за это. Я не должен был звонить.

— Нет, не должен был. — Она вздохнула. — Но полагаю, если бы я действительно хотела, чтобы звонки прекратились, я бы уже сменила номер.

— Часто задаюсь вопросом, почему ты этого не сделала.

— Не знаю. Мне нравится напоминание, что с тобой все хорошо. — Она затихла. — Ведь так?

Я ответил полуправдой.

— В основном. Что насчет тебя?

— Я в порядке.

— Все еще в Нью-Йорке?

— Да. — Она снова затихла, и я переживал, что она плачет. Черт побери, разве я уже не причинил этой женщине достаточно боли? — Почему ты позвонил сегодня? — наконец спросила она, и я услышал напряжение в ее голосе.

Чтобы наказать себя.

— Полагаю, ради извинений.

— Ты должен перестать это делать. Я получала все твои сообщения.

— Это значит, что ты простила меня?

Она не ответила сразу.

— За что, Себастьян?

Мои внутренности скрутило. За то, что сделал предложение, когда был не уверен.

Закрывался в себе. Отказывался от секса. Не находил время для психотерапии. Не принимал лекарства. Пил. Задерживался по вечерам. Лгал. Отменил свадьбу. Разбил твоё сердце.

Список был бесконечным, я даже не мог начать.

— Мое прощение еще имеет значение?

Я сглотнул.

— Да.

— Почему?

— Почему? — переспросил я, хотя это был справедливый вопрос. У нас с Дианой все кончено, в конце концов. Но мне была ненавистна мысль, что она будет обижаться на меня остаток жизни. Я заслуживал этого, но глубоко внутри, мне казалось, если она скажет, что в состоянии все отпустить и двигаться дальше, что снова счастлива, несмотря на всю нанесенную ей боль, то, может, это будет означать, что я тоже заслуживаю счастья. Что мне не нужно будет вечно себя наказывать. — Я не знаю. Просто мне кажется правильным это сказать.

— Боже, Себастьян. Это отстойное извинение.

Я поморщился, но также немного улыбнулся. Это напомнило мне о словах Скайлар.

— Да, ты меня знаешь. Я немногословный.

— Это неправда. Ты просто не доверяешь себе, чтобы открыть, что у тебя на уме.

Снова я подумал о Скайлар.

— Полагаю, ты права. Может, мне стоит поработать над этим.

— Ты ходишь к психотерапевту?

— Да.

— Хорошо. И ты вернулся в Мичиган?

— Да. Построил коттедж на своей земле. Там, где я пытался уговорить тебя отдохнуть в палатках, помнишь?

— О боже. Этот опыт до сих пор преследует меня.

Я представил, как она содрогается, дрожь сотрясает ее узкие плечи.

— Да, городская девчонка. Ты возненавидела бы это.

— Ну, это ничего не значит. Теперь ты можешь отдыхать в палатках в лесу, если хочешь. А я буду в своей квартире со швейцаром.

Вот оно... насмешка в мою сторону за страх летать. Она никогда не упускала возможности.

— Звучит идеально для тебя.

— Да. — Она затихла на мгновение. — Ты с кем-нибудь встречаешься?

Я сделал паузу.

— Нет.

— Почему так нерешительно?

— Не знаю. Кажется странным говорить с тобой об этом. Я не совсем ни с кем не встречаюсь. Я встретил девушку недавно...

— Кто она? — просила Диана быстро.

— Ты ее не знаешь. Я учился с ней в школе.

— Ох. Она оттуда?

— Да. — На всякий случай, если Диана вдруг знала Скайлар по реалити-шоу, я решил сменить тему. — В любом случае, это ничего не значит. Я едва ее знаю. — Разговор становился немного странным, поэтому я решил его закончить. — Ну, спасибо, что перезвонила. Я ценю это. И... было здорово с тобой поговорить. — Это была правда. Ее низкий, прокуренный голос не имел надо мной прежней силы, но я чувствовал облегчение, что у нас наконец-то произошел цивилизованный разговор. И я был рад, что у нее все было хорошо. Может, я не нанес непоправимый вред.

Но она не повесила трубку.

— Могу я задать тебе вопрос, Себастьян?

Ох, черт.

— Да.

— Почему ты сделал предложение? Мы могли просто расстаться, если ты не любил меня достаточно.

Я закрыл глаза и пощипал переносицу. Бл*дь. Я не должен был говорить ей этого.

— Я говорил тебе. Я пытался быть человеком, которым ты хотела меня видеть.

— Так это была моя вина. — В ее тоне появилась резкость.

— Нет, не твоя. Я говорил тебе это. Я возьму всю вину.

— Я любила тебя. Я охотно была готова справляться с твоими проблемами. И ты отказался от меня. От нас. Унизил меня.

— Знаю. — Это мысль преследовала меня. Диана любила меня, даже со всеми причудами. Что если у меня не будет подобного снова? Даже если я не был безумно влюбленным в нее, может, мне стоило пытаться лучше.

— Ты заслуживаешь лучшего.

— Черт, да, — сказала она горько. — Мы планировали идеальную свадьбу, Себастьян. Идеальную жизнь.

Нет, не так. Не для меня. Жизнь в Нью-Йорке... Восемьдесят рабочих часов в неделю, подготовка на протяжении ночи, утомительная работа, безумные сроки, постоянное давление законов, конкурирующая социальная сфера, давление, чтобы работать больше, больше, еще больше. Ты любила все это. Но это разрывало меня на части.

— Я должен идти. — Я закончил вызов, не говоря ни слова больше, и лег в кровать, поначалу расстроенный, что позвонил. Какого черта я ожидал? Я отменил свадьбу шесть месяцев назад, сказал, что она не была единственной — почему она должна была меня прощать?

Иногда я думал, не совершил ли ошибку... может, я любил ее достаточно, и не знал этого. Может, мне следовало попытаться жить с сомнениями. Стоило жениться на ней.

Но той ночью я скучал не по Диане, когда ворочался в кровати. Не ее тело жаждал рядом со своим, когда обхватил свой твердый, набухший член в кулак. Не о ее улыбке или голосе, или смехе я думал в момент мучительного, возвышающего облегчения.

Это была Скайлар.

И хоть я и знал, что не был достаточно хорош для нее, я также понимал, что хочу ее слишком сильно, чтобы держаться подальше.

12 глава

Скайлар

На следующий день у меня был выходной в кофейне, и я ложилась спать, наслаждаясь мыслью, что смогу выспаться. Но мои биологические часы дали о себе знать, и я открыла глаза в шесть, не в состоянии снова их закрыть. Ох, хорошо. Я свесила ноги с кровати. Может, прикорну позже. Сейчас можно встать и кое-что сделать.

К девяти я прикутила все ручки к кухонным шкафчикам, смеясь про себя, когда вспоминала все пошлые шуточки со вчерашнего вечера, побелила ванную и подумала о Себастьяне миллион раз. Несмотря на немного неловкое окончание, спонтанное свидание прошло довольно весело.

Помимо привлекательности Себастьян обладал умением слушать и смешить меня. Мне нравилось, каким открытым он был по поводу своего ОКР, насколько честно и самоуничтожительно рассказывал об этом. Мое сердце болело из-за него и от того, насколько тяжело ему было все эти годы до начала лечения, особенно без поддержки друзей. И каждый раз, когда я думала о красивых и печальных словах, которые он написал обо мне, то покрывалась мурашками.

Он сказал, что его нелегко узнать, и когда я сказала, что охотно попытаюсь, то это и имела в виду.

Позволит ли он мне?

Пока ванная сохла, я решила заново отполировать старую книжную полку, которую нашла в доме родителей. Мама помогла мне вынести ее на подъездную дорожку, где я разложила газеты на земле.

Она провела рукой по верхней части, на которой было несколько выемок.

— Боже, она довольно побитая. Принадлежала моему дедушке. Она зовется «адвокатской этажеркой».

— Правда? — спросила я, навострив уши при слове «адвокатской». — Я хочу снять лак и покрасить ее в белый.

— Получится симпатично. Он был бы рад, что ты собираешься использовать ее.

— Я не сохраню ее себе, мам. Это для гостевого домика. — Я взяла банку растворителя для краски и лака и начала читать инструкцию.

— Нет, ты должна забрать ее, когда переедешь.

Мне послышалось, или она сделала акцент на слове «переедешь»? Это был намек? Я читала слова на банке, не осмысливая их.

— Куда ты собираешься? — спросила она беззаботно.

— Я еще не решила. — В конце концов, я подняла голову. — Я не думала, что меня так быстро выгонят.

— Милая, я тебя не выгоняю. — Ее тон был успокаивающим, но решительным. — Тебе всегда здесь рады.

— Но?

Я начала трясти банку. Яростно.

— Ну, не думаешь, что тебе нужен план?

— Путь отступления? Я работаю над этим. — Я сняла крышку, надеясь, что она оставит меня одну заниматься делами. Когда она этого не сделала, я начала распылять.

Краешком глаза я видела, как мама скрестила руки на груди. Она была маленького роста и с изгибами, как мы с Натали. Только Джиллиан унаследовала высокий рост и худобу нашего отца, а также темные волосы.

— Ты собираешься вернуться в Нью-Йорк?

— Я еще не знаю, мам. Я только сказала, что у меня нет плана. — Я не пыталась звучать настолько раздраженной, как себя чувствовала.

— Хорошо, у тебя есть какой-то крайний срок? Для того чтобы обзавестись планом, я имею в виду? — давила она.

Я перестала распылять и повернулась к ней лицом.

— Мне нужно это? Если мне не рады в твоем доме, то так и скажи.

— Скай, не глупи. Я сказала, что тебе рады. Моим детям всегда здесь рады. Я просто пытаюсь помочь тебе думать наперед. Ты не захочешь жить с родителями вечно.

Я осознала, что также подразумевалось, что я бы не хотела, чтобы моя взрослая дочь вечно жила со мной. К этому времени, должно быть, они с отцом привыкли к уединению и своей рутине. Как будто этого недостаточно, она продолжила:

— А что насчет работы? Мило, что ты работаешь со своей сестрой, но ты права хочешь этим заниматься? Работать в кофейне? — Она подняла руки. — Это нормально, но...

— Я поняла, мам. — Я повернулась к книжной полке. — Я придумаю план.

— Ладно. — Она показала мне свою собственную ослепительную улыбку королевы красоты. — Ужин в шесть тридцать. Не забудь. Я пожарю курицу, — гордо сказала она.

— Нат, Дэн и Джилли тоже придут. Разве это не мило? — Она похлопала меня по плечу и направилась в дом.

Конечно. Очередное семейное собрище, на котором мы можем сравнить сестер Никсон. Почему одна из них не похожа на других?

Обычно я ждала семейных ужинов, но мамины слова глубоко меня ранили. Последние несколько недель у меня довольно хорошо получалось избегать тяжелых вопросов, но очевидно, так не могло продолжаться вечность. Если бы только у меня было призвание, как например у Джиллиан — врачебная деятельность, или мечта, которая была достижима упорным трудом и самоотверженностью, как кофейня Нат.

Когда я соскребала старое лаковое покрытие, я пыталась думать о работе, которой наслаждалась бы каждый день, восторгалась бы ею. Моя мама была права, работа в кофейне не была в этом списке. И как бы я не любила ферму, сельское хозяйство мне тоже не подходило. Я наслаждалась работой на Ривард, но я не получу это место снова. Я была слишком пристыжена, чтобы даже просить об этом. Но, может, что-то подобное... что-то веселое, что позволит мне работать с людьми, создавать и проявлять спонтанность.

Боже. Это самое смутное описание работы. Ты отстой.

Да, я отстой.

К тому времени, как я избавилась от старого лака, быстро перекусила, и подключила старый шлифовальный отцовский станок в удлинитель, который взяла в доме, я была убеждена, что никогда не буду счастлива. И должна просто принять тот факт, что я двадцатисемилетняя неудачница с симпатичной мордашкой и все.

И даже это не будет длиться вечность. Скоро тридцать и затем сорок, и затем пятьдесят, и шестьдесят... десятилетия морщинистой кожи, хруста в костях и горба. Но будет ли это кого-то заботить? Моя любовная история такая же дерзкая, как и рабочая — я даже не уверена, была ли когда-нибудь влюблена.

Я все еще размышляла об этом, когда грузовик Себастьяна подъехал час спустя. Мое настроение мгновенно улучшилось.

— Привет, — сказала я, говоря себе идти, не бежать к нему, когда он вышел. Не то чтобы он предлагал спасательный жилет моей тонущей заднице. — Что ты здесь делаешь?

Он закрыл дверь грузовика и прислонился к ней, засунув руки в карманы.

Солнцезащитные очки на его лице скрывали глаза, но он улыбался.

— Приехал повидаться.

Во мне что-то немножко приободрилось.

— Как ты нашел меня?

— Я заехал в кофейню. Твоя сестра сказала, что у тебя выходной, и предположила, что ты можешь быть здесь. — Он посмотрел на мое рабочее место. — Я помешал?

— Нет, совсем нет. На самом деле мне нужно было отвлечься. — То, что происходит без штанов.

— Хочешь показать мне над чем работаешь?

— Конечно. — Пытаясь мыслить здраво, я повела его к книжной полке и объяснила, чем занимаюсь. — Это полка моего дедушки.

— Здорово. У тебя есть склонность к этому.

— Да. — Я сцепила руки вместе и раскачивалась на пятках. — Чем занимаешься сегодня?

Он пожал плечами, на мгновение опустив взгляд на землю.

— Я ездил в город за кое-чем, но сегодня такой хороший денек, я подумал, что, может, соберу те стулья, что купил вчера, и посижу в патио во второй половине дня.

— Звучит здорово. Сегодня прекрасный день, обещают около двадцати четырех градусов. Можешь в это поверить? В мае? — Пригласи меня. Пригласи меня. Пригласи меня.

Он провел рукой по своим коротким волосам.

— Ты упоминала, что хочешь увидеть коттедж. — Я подумал, может...

— С удовольствием! Только дай мне минутку, хорошо? — Развернувшись, я пошла отключать шлифовальный станок и запаниковала. Я снова повернулась к нему, зажав нижнюю губу между зубами. — Подожди. Ты хотел предложить мне присоединиться, верно?

Он рассмеялся, его лицо осветилось. Он выглядел совсем по-другому, когда улыбался.

— Да. Так и есть.

— Тогда ладно. — Я убрала инструменты, и Себастьян помог мне занести полку в гостевой домик, где я быстро проскользнула в ванную, чтобы расчесать волосы и прополоскать рот.

Не то чтобы я снова планировала атаковать его. Но, может, он возьмет на себя инициативу — я просто приложу все усилия и дам ему знать, что заинтересована

— Мне нравится твой дом, — сказал он, выходя из ванной.

— Спасибо. Технически это дом моих родителей. — Вспомнив разговор с мамой, я нахмурилась.

— Тебе не нравится жить в нем?

— Нет, это не так. Я просто не... знаешь что? — я вздохнула, покачав головой. — Давай не будем об этом.

Его челюсть отвисла.

— Есть что-то, о чём ты не хочешь говорить?

Я легонько шлепнула его по руке.

— Ха-ха. Нет, не хочу. Так, поехали, умираю как хочу увидеть твой дом.

— Твой гораздо симпатичнее, — сказал он, выходя на улицу. — Мой будет выглядеть голым для тебя.

Я бы хотела увидеть твою голую задницу, подумала я, когда следовала за ним к грузовику.

— Эй, хочешь, чтобы я поехала сама? На случай, если тебе не захочется везти меня назад.

Он открыл пассажирскую дверь.

— Я не против отвезти тебя назад.

— Хорошо, спасибо. — Я забралась в грузовик, ощущая, как он коснулся рукой моей поясницы. Все мое тело задрожало от восторга, и я чувствовала себя ребенком, который только что узнал, что занятия в школе отменили на весь день. Между нами была какая-то новая связь — я не могла точно описать, но думаю, это связано с изменением в нем... он был гораздо более расслаблен, чем в конце свидания прошлым вечером. Значит ли это, что он собирался узнать, куда наши отношения могут зайти?

Я сказала ему сделать длинную, извилистую поездку вокруг сада, прежде чем выехать на шоссе, и показала свои любимые места на ферме: деревья, на которые лучше всего взбираться, мое любимое место в тени для чтения, идеальное укрытие для пряток.

— Должно быть, ты скучала по всему этому, когда уезжала, — сказал он, выезжая на главную дорогу. — Думаю, что ты правда любишь эту жизнь.

— Да, так и есть. И я скучала.

— Думаешь, что останешься здесь навсегда?

— Вероятно, — сказала я, уставившись в окно на знакомый пейзаж — холмы, сады и виноградники, старые амбары с потрескавшейся краской, новые искусственные замки из камня и кирпича. — Что насчет тебя?

— Остаюсь. Во всяком случае сейчас план таков.

Я спросила его, нравилось ли ему жить в Нью-Йорке, и мы оба пришли к согласию, что это здорово, но и иногда трудно. Он признался, что темп жизни большого города и требования на его работе, вероятно, стали причиной рецидива.

— Мне очень нравится отдых на природе, — сказал он немного задумчиво. — Пешие прогулки, рыбалка, кемпинг. И у меня не было шанса заниматься этим часто. К тому же моя бывшая девушка не увлечена подобным.

Я была удивлена, что он ее упомянул.

— Городская девчонка? — спросила я, любопытничая.

— Да. — Боковым зрением я видела, как он потер большим пальцем пространство под нижней губой. Через мгновение продолжил: — На самом деле она была моей невестой.

Я рискнула искоса взглянуть на него.

— Bay. Тогда это довольно серьезно.

— Ощущалось так. Какое-то время.

— Что произошло?

Он пожал плечами, стиснув челюсти.

— Я не хочу говорить об этом.

— Извини. — Ты сам поднял эту тему. Чувствуя себя несправедливо обвиненной, я снова посмотрела в окно.

Примерно через минуту я услышала, как он тяжело вздохнул.

— Извини.

Я посмотрела на него, но ничего не сказала. Мгновение спустя, он заговорил:

— Я согнал ей.

— Насчет чего?

— О потери работы. Меня уволили из фирмы, потому что я все время опаздывал, вел себя неустойчиво и затем несколько раз ударил главу фирмы, за то, что тот назвал меня раздолбаем, когда я пропустил важный срок сдачи документов.

— Ой. — Я понятия не имела что сказать. Конечно, меня тоже уволили, но его опыт звучал хуже. — Это было... из-за ОКР?

— Да. Происходящее в моей жизни то, в каком направлении я двигался, вызывало стресс. Все начало выходить из-под контроля. — Он покачал головой. — В любом случае, я сразу не сказал ей о том, что меня уволили, она узнала неделю спустя.

— Она разозлилась?

Он горько рассмеялся.

— Да. Сказала, что любит меня, но мне лучше разобраться со своими проблемами до свадьбы. Затем я заявил о своей неуверенности, что она моя единственная, и она вышла из себя.

— Ауч. — Хотя втайне я была довольна. Что это значило для меня?

Он нахмурился.

— На самом деле, я сказал, что вообще не уверен, существует ли эта единственная, но если она и есть, то я не уверен, что это она.

— Ой-ой. Тогда кольцо все еще было на ее пальце?

— Пока она не сняла его и бросила в меня.

— Как насчет ее умения целиться?

От этого он почти улыбнулся.

— Дерьмово.

— Полагаю, этому и не суждено было случиться, — сказала я, ища положительную сторону.

— Нет, не суждено. Иногда я удивляюсь, что она продержалась так долго.

Я задалась вопросом, к чему он клонил.

— Ты же имеешь в виду ОКР?

— Да. — Его тон стал мрачнее. — Но также были и другие проблемы. Я говорил, что не очень хорош в общении. Также я упрям, непредсказуем и время от времени веду себя как настоящий мудак.

Мои брови взлетели.

— Ого. Внушительный список. И, тем не менее, она сказала «да», когда ты сделал предложение. — Чувствуя, что в этот момент можно повести себя немножко легкомысленно, я наклонилась и шлепнула его по ноге. — Должно быть, ты бомба в постели.

Его плечи расслабились, а губы дернулись в улыбке.

— Этот список был не от нее, — сказал он, сворачивая на гравийную дорогу, которая вела в лес. — Но если подумать об этом, я никогда не получал жалоб на сексуальные способности.

— Рада знать. — Я хотела продолжить флиртовать, но затем коттедж появился на виду, и я ахнула. — Себастьян, он прекрасен!

— Спасибо. — Он припарковался на гравийной дорожке перед домом, и я вылезла из грузовика, закрыв за собой дверь. Было так тихо, я слышала птиц и шелест листвьев на деревьях из-за ветра.

— О боже мой! — завизжала я, сложив руки под подбородком. — Посмотри на свое миленькое переднее крыльцо! — Два деревянных кресла-качалки стояли лицом к лесу. Два, подумала я. Он думал, что со временем разделит это место с кем-то? Или просто ненавидел цифру один?

— Да, я люблю сидеть здесь по утрам, смотреть рассвет, пока пью кофе. — Он поднялся по ступенькам и открыл дверь.

— Рассвет? — Я поморщилась, следуя за ним внутрь. — Я больше любительница закатов. Солнце встает слишком рано для меня.

Он рассмеялся.

— Значит, тебе понравится патио на заднем дворе. Ты могла бы наблюдать, как солнце садится за бухту.

— Идеально. Покажи мне.

Он пропустил меня в коттедж первой, извиняясь за отсутствие мебели и декора. Здесь и правда было немного скучно, но здесь присутствовала сельская, мужественная красота, которая просто немного нуждалась в женской руке, в текстуре и цвете. Мне нравилось все, что он сделал: от пола и шкафчиков до плитки в ванной, и все это место пахло удивительно: лимоном, кедром и порошком «Тайд».

— Ты проделал отличную работу, Себастьян. Ты должен гордиться собой. Что там?

— Я указала на лестницу, вмонтированную в стену между кухней и ванной. — Спальня?

— Просто чердак. Но он хорош. Из-за откосных стен нужно беречь голову... ну, мне, — подразнил он, осмотрев меня сверху вниз. — Но там есть большой световой люк.

Я начала подниматься, глядя через плечо.

— Не возражаешь, если я взгляну?

13 глава

Себастьян

Черт побери.

Она поднималась по лестнице в мою спальню, и ее задница была прямо перед моим лицом. Мой член затвердел.

Святой Иисус, мог я продержаться хотя бы десять минут без стояка?

Я едва спал прошлой ночью, потому что не мог перестать думать о ней, и проснулся утром (возбужденный) с ней, все еще в своей голове, и хоть я миллион раз сказал себе сегодня не искать ее, не смог удержаться. Я просто хотел быть рядом с ней, сказал я безумцу внутри себя, прежде чем он перешел в наступление. Я не прикасался к ней. Мне просто нравилось видеть ее улыбку, слушать болтовню, смешить ее.

— Иди вперед, — сказал я. — Я подожду здесь.

Она опустила взгляд на меня с озорством в глазах, из-за чего мое сердце забилось быстрее.

— Ты тоже можешь подняться, дурачок. Я не думаю, что ты будешь приставать.

О, нет? Тебе стоило бы потрогать мой член прямо сейчас.

— Там довольно тесно.

— Здесь не тесно, а уютно, — сказала она, достигнув верха. — Поднимайся сюда. — Она прошла вглубь чердака, чтобы я больше не мог ее видеть, и я быстро поправил штаны, прежде чем забрался вслед за ней.

Когда я оказался наверху, она стояла перед огромным окном напротив моей кровати.

— У тебя здесь семья кардиналов (прим. пер. Птица кардинал населяет Американский континент. Семь штатов выбрали ее отличительным знаком, а в Кентукки птичка венчает официальный флаг), — сказала она.

— Знаю. Они шумят по утрам. — Я встал рядом с ней и выглянул в окно. Черт побери, я мог ощущать ее запах. По большому счету это было средство по удалению лака, которое она использовала, но также был намек на что-то сладкое и цветочное — мне чертовски нравилось, что она была женственной, но не боялась ручного труда.

— Я думала, ты поднимаешься раньше солнца, мистер кофе-на-крыльце-до-рассвета.

— Она ткнула меня пальцем в ребро, посыпая заряд по моим венам, который, казалось, направлялся прямо к моему члену, а эта часть моей анатомии не нуждалась в еще большем поощрении. Я немного отошел от нее, и она захихикала. — Что? Ты боишься щекотки? Да? Да? — она снова и снова начала тыкать меня: в ребра, в живот, в грудь.

— Черт побери, Скайлар, перестань. — Я пытался отстраниться, но она следовала за мной, ударяя меня пальцем повсюду. — Перестань меня трогать.

— Я знаю, что распускаю руки. — Она остановилась и вытянула ко мне ладони. — Но они чистые, клянусь.

— Это не то, что я имею в виду, — ощетинился я. Я знал, что она шутила, но ее комментарий был хорошим напоминанием, что девушки вроде нее не связываются с такими чудиками, как я. Мне не нужен был голос, чтобы сказать это.

— Хорошо-хорошо, расслабься. — Она опустила руки по бокам, веселость покинула ее взгляд. — Извини. Я просто дурачилась. Друзья делают подобное.

— Я знаю, что делают друзья, — сказал я зло. — Прежде у меня были друзья, Скайлар, я больше не гребаный полнейший лузер, несмотря на то, что ты можешь помнить. — В моем тоне не было никакого дружелюбия, и я ненавидел себя за это. Я злился не на нее. Тем не менее, продолжил: — Хотя ты даже не помнила моего лица, поэтому, вероятно, не воспроизведешь в памяти больше ничего про меня. Я не существовал для людей, как ты, ведь так?

Качая головой, она попятилась от меня.

— Иисус, ты можешь стать придурком ни с того ни с сего.

— Я добавлю это к списку.

Она спустилась по лестнице, не оглядываясь на меня.

Я позволил ей уйти, плюхаясь на кровать. Расставив колени, уперся локтями в ноги и обхватил голову руками. Бл*дь. БЛ*ДЬ. Я повел себя как придурок. Но она не понимала, как я себя чувствовал, когда хотел кого-то так сильно и боялся к ней прикоснуться. Как я мог разобраться со своими чувствами к ней, когда не мог даже справиться с мыслями в своей голове? Мое сердце говорило мне идти вслед за ней, но разум не позволял.

Но она не знала ничего из этого. Она знала только то, что я был идеально дружелюбным в одну минуту и придурком в следующую.

Я услышал, как входная дверь открылась и закрылась, и подумал, что не буду обвинять ее, если она заберет мой грузовик. Встав на ноги, я спустился и пошел искать ее.

Она не была на крыльце или в грузовике, и я стоял мгновение, потирая лицо руками, пока на меня давили чувство вины и сожаления. Что я натворил? Куда она ушла? Я услышал заднюю дверь? Я обошел хижину и огляделся вокруг. Ее не было в патио или на ступеньках, и я не видел ее на пирсе. Нахмутившись, я развернулся и посмотрел на подъездную дорожку, которая простиралась через лес. Я надеялся, что она не пошла пешком. О боже. Что я наделал? Я как раз собирался залезть в грузовик и отправиться на поиски, когда услышал голос:

— Я здесь. В гамаке.

Облегчение нахлынуло на меня. Я посмотрел через левое плечо и увидел, что она сидит в гамаке, ее нога свисает. Медленно я направился к ней. В моей груди заныло, когда я увидел угрюмое выражение на ее лице.

— Эй.

— Эй, — тихо произнесла она, уставившись на патио.

Я подтолкнул один из ее кроссовок.

— Место для двоих?

— Я встану. — Она начала подниматься, но я положил руку ей на плечо.

— Не надо. Могу я сесть с тобой?

Она пожала плечами, но снова села и позволила мне опуститься на толстые плетеные веревки рядом с собой. Мое сердце забилось быстрее от близости с ней, от теплоты ее ноги рядом с моей, от запаха ее волос. Я так сильно хотел к ней прикоснуться, обнять ее и извиниться, попросить о еще одном шансе. Но не мог.

Мы просидели в тишине какое-то время, и я ждал, что голос в моей голове начнет перечислять все ужасные сценарии, которые могут произойти из-за того, что мы сидим рядом в гамаке. Но не слышал ничего, кроме птиц и плеска воды. Извинись, идиот. Ты ранил ее чувства.

— Извини, Скайлар. — Я скользил руками вверх-вниз по своим ногам, чтобы удержать их от ее ног. — Я не должен был срываться на тебе.

— Неважно. Все хорошо, — ее голос был спокойным. Она все еще не смотрела на меня.

— Нет, не хорошо. — Я решил рассказать ей . Или это, или оставить ее в покое навсегда, а я не мог вынести этой мысли.

— Я зол на себя и выплеснул это на тебя.

— Из-за чего ты злишься?

— Много чего, но в основном из-за того, что не могу доверять себе рядом с тобой, — я сжал руки в кулаки.

— Что? Это глупо, — ее тон немного смягчился.

— Но это правда. Моя правда. И из-за этого я отталкиваю тебя.

— Не имеет значения, что я тебе доверяю?

— Не то чтобы это не имеет значения, Скайлар. Имеет, и я это ценю. — Теплый ветерок донесся с воды, и я закрыл глаза на секунду. — Сказанное тобой наверху, шутка... на самом деле идет мне на пользу.

— Да?

— Да. Кен, мой терапевт, встал бы на твою сторону и сказал мне расслабиться. Она нахмурилась.

— Звучит не очень хорошо. Ты не можешь ничего поделать с тем, какой ты есть. Теперь она защищала меня. Так чертовски мило.

— Нет, не могу. Но я бы хотел. Я бы хотел быть другим. — Я посмотрел на нее, когда ее голубые глаза вытянули еще одну правду из меня. — Особенно, когда ты обеспокоена.

Скайлар помотала головой.

— Я не хочу, чтобы ты становился другим, Себастьян. Ты нравишься мне, хоть ты и чертовски непостоянный.

Я рассмеялся — это было самое подходящее описание меня, которое я слышал когда-либо.

— И я понимаю, тебе нужно время, чтобы чувствовать себя комфортно рядом со мной.

— Спасибо. — Я набрался смелости положить руку на вершину ее бедра. Ее кожа была теплой и гладкой под моей ладонью.

Она смотрела на мою руку на своей ноге, начала что-то говорить, но остановила себя.

— Что? — спросил я.

— Мне просто интересно... — Она заерзала, глядя на меня из-под ресниц. — Я имею в виду... Боже, так стыдно. Мне интересно, я вообще привлекаю тебя. Часть меня говорит мне не флиртовать с тобой, потому что сейчас тебе нужен просто друг, а другая часть ничего не может с собой поделать, потому что ты мне, правда, нравишься.

Боже, она серьезно? Она думала, что я не рассматриваю ее в этом плане?

— Ну, часть меня говорит, что я провел всю вторую половину ужина прошлым вечером, пытаясь не думать о том, как трахаю тебя. Но безуспешно. Это ответ на вопрос?

Она ахнула, и ее челюсть отвисла. В ее глазах плясали огоньки от шока и восторга, и я бы хотел продолжить, рассказать ей обо всем, что хотел с ней сделать, просто, чтобы сохранить это счастливое, ошеломленное выражение на ее лице.

— Но ты была права... мне нужно время.

— Хорошо, — наконец выдавила она.

Мы сидели так еще пару минут в тишине, и я осторожно раскачивал гамак вперед-назад. В конце концов, она наклонила голову ко мне, расположив ее на моей руке, отчего я улыбнулся. С этим я мог справиться. Это был ясный, умиротворенный момент, в котором я отчаянно нуждался, чтобы чувствовать себя самим собой. Меня охватило ощущение спокойствия, и я глубоко вдохнул, наполняя лесным воздухом свои легкие. Дыхание Скайлар тоже было глубоким и ровным, и я осознал, что она уснула.

Проверяя себя, я опустил губы к ее голове и мягко прижался ими к волосам.

Никакого голоса. Просто тишина и покой.

Наполненный благодарностью, я вдохнул сладкий цветочный аромат ее шампуня, прежде чем закрыл глаза.

Возможно, это не фантазия, которая была у меня прошлой ночью, но чертовски хорошее начало.

Может быть, была надежда для меня.

Надежда для нас.

14 глава

Скайлар

Я проснулась неторопливо, совершенно спокойно. Медленное и ровное дыхание Себастьяна слышалось возле меня, поэтому я решила, что он тоже заснул. Было что-то такое хорошее в засыпании рядом с кем-то, кто тебе нравился — это было интимным, но не сексуальным. Как раз то, что нам было нужно.

Ну, это было нужно ему. Я бы позволила чему-то сексуальному случиться прямо здесь, в этом гамаке. Мои внутренности вскипали, когда я думала о том, как он сказал, что хочет открыться мне. И они плавились, когда я вспомнила, что он думал о сексе со мной всю ночь напролёт. Он мог так быстро перейти от крайности к крайности. Каким бы он был любовником? Сладким и нежным? Грубым и требовательным?

И это тело. Господи.

Мой живот перевернулся, когда я позволила глазам пройтись по его прессу, промежности и ногам, и тепло разлилось между моими бёдрами. Я могла бы потянуться и провести рукой прямо там...

«Остановись. Ты согласилась дать ему время, и, вероятно, прошло всего около двадцати минут».

Верно. Вероятно, он рассчитывал на больший промежуток времени.

В тот самый момент его рука дёрнулась на моей ноге, и его дыхание изменилось.

— М-м-м. Я заснул?

— Да. Но я не виню тебя. Здесь так тихо и спокойно, что я тоже заснула. Вообще-то, я могу опять заснуть. — Я закрыла глаза, не желая, чтобы он двигался. Он провёл пальцем вверх по моему бедру, посыпая мурашки по моей коже. Боже, я так сильно хотела, чтобы его руки были на мне. Как долго мне ещё ждать?

Он погладил меня по коленке и встал.

— Мне нужно сбрить эти стулья.

Вздыхая, я смотрела, как он подошел к двум большим ящикам на патио. Затем я растянулась на своей стороне гамака, засунув руки под голову. Думаю, мне придётся подождать немного дольше, хотя я могла провести день намного хуже, чем смотреть, как Себастьян занимается физической работой на улице в жару, как сгибаются мышцы его рук. Я мечтательно смотрела, как онправлялся с первым стулом, когда он спросил, не спала ли я.

— Нет, просто наслаждаюсь видом.

Он слегка ухмыльнулся мне, когда отложил сверло в сторону.

— Вчера вечером ты кое-что сказала, и теперь мне любопытно.

— Что именно?

— Ты упомянула, что голос в твоей голове говорит, что ты — неудачница.

— А, это. — Я нахмурилась. — Да, так и есть. Всё время.

Он начал работать над вторым стулом.

— Почему?

Между короткими очередями шума от дрели, я поведала о том, какой потерянной я чувствовала себя в этот момент своей жизни, о том, как мне стыдно, что я не смогла стать актрисой, и о том, как успех моих сестёр заставляет меня чувствовать себя ещё хуже.

— Я чувствую себя ужасно от того, что говорю всё это, — призналась я. — Я так горжусь ими, и я счастлива, что они так хороши в том, что делают. Я не завидую их успеху. Мне просто плохо из-за отсутствия своего.

— А если бы бизнес Натали не был успешен, ты бы назвала её неудачницей?

— Нет, конечно же, нет.

— Ну тогда?

Я нахмурилась.

— Это совсем другое. Там дело было бы в бизнесе. Мой же провал более личный. И, к тому же, он был полностью публичным. Добавь к этому то, что меня уволили с единственной работы, которую я когда-либо действительно любила, и то, что этим утром моя мать сказала мне разобраться со своей грёбаной жизнью!

Чувство разочарования сжало моё горло, и я старалась не заплакать и не испортить этот хороший день.

— Твоя мать так сказала? — Себастьян встал и с беспокойством посмотрел на меня.

Я крепко зажмурилась, чтобы не дать волю слезам.

— Она не так сказала. Она просто надавила на меня по поводу поисков настоящей работы. Она знает, что работа с Натали — это нечто краткосрочное. Но у меня нет никаких особых навыков, которые помогли бы найти новую работу. И у меня нет высшего образования и ничего интересного или уникального, что можно было бы написать в резюме.

— Это неправда, — твёрдо сказал он. — Ты можешь преуспеть во всём. Тебе просто нужно решить, чего ты хочешь.

— Как мне это сделать? — выпалила я, поспешно сев в гамаке так, что чуть не перевернула его. — Такое чувство, что я воплощала некую версию себя так долго, что я больше не знаю, кто я! — К своему ужасу, я расплакалась, и была так смущена, что вскочила с гамака и побежала к пирсу, где закрыла своё лицо ладонями и зарыдала.

Я услышала позади шаги, а затем почувствовала руку Себастьяна на плече, когда он притянул меня в свои объятья.

— Эй, иди сюда.

Его грудь была тёплой и твёрдой, и я навалилась на него, рыдая. Он погладил мою спину и дрожащие плечи, нежно успокаивая меня.

— Я вот думал, что сегодня буду бороться со своим беспокойством, — сказал он спустя несколько минут. — Но ты выглядишь хуже.

Я наполовину смеялась, наполовину всхлипывала.

— Спасибо.

— И это всё из-за той тупой встречи выпускников в субботу?

— Не знаю. В какой-то степени. — Я сделала несколько прерывистых вдохов, пытаясь успокоиться.

— Ты должна забить на встречу. Я думаю, она заставляет тебя чувствовать себя хуже.

— Я знаю, это так. Но мне нужно пойти. Я сказала, что помогу с украшениями. — Я посмотрела на него слезливыми глазами. — Пойдёшь со мной? Пожалуйста? Просто как друзья, — выпалила я. — Я не буду пытаться ничего сделать.

Он улыбнулся, но покачал головой.

— Я не могу, Скайлар. В этом нет никакого смысла, и это просто пробудит болезненные воспоминания. У меня не было ничего хорошего в школе.

Уныло кивнув, я вытерла слёзы и шмыгнула носом.

— Понимаю.

— Нужен платок?

— Да.

— Пошли. Давай найдём что-нибудь в доме, а потом, когда я закончу со стульями, мы займёмся чем-нибудь весёлым. Как тебе такое?

— Хорошо. — Я снова шмыгнула носом, размышляя о том, что именно он подразумевает под весельем. Алгебра? Судоку? — Что будем делать?

— Не знаю. Хочешь купить каноэ?

Я не могла не улыбнуться, это было так неожиданно.

— Каноэ?

— Да, я давно хотел. Или гребную лодку. Ты можешь помочь мне выбрать.

— Ладно.

— Тогда мы доставим его сюда и опустим на воду, если та будет достаточно спокойной. Как тебе такое?

— Хорошо.

— Ты можешь грести на каноэ?

Я кивнула.

— Вообще-то, я хороша в этом.

Он толкнул меня локтем, когда мы шли в сторону хижины.

— А ты говорила, что у тебя нет ничего интересного для резюме.

Я засмеялась, моё настроение улучшилось.

Мы сравнивали цены на каноэ и гребные лодки в магазине спортивных товаров, но Себастьяна, казалось, цена беспокоила меньше, чем сама идея покупки идеальной лодки.

В итоге он купил красивую деревянную гребную лодку плюс несколько вёсел и якорь. Итоговая стоимость была настолько высокой, что я удивилась, откуда у него взялись такие деньги. Он сказал, что работает на отца неполный рабочий день, но разве этого было достаточно, чтобы жить, строить и обставлять мебелью хижину, и позволять себе такую роскошь, как лодка? После того, как всё было загружено в грузовик, и мы были на обратном пути в хижину, мне пришлось спросить.

— Итак, это не моё дело, и ты можешь сказать мне отвалить, но как ты живёшь без работы на полный рабочий день? — спросила я, посасывая медовый леденец на палочке, который он мне купил. Я никогда не могла устоять перед этими штуками.

— У меня есть инвестиционный доход. — Он прошёлся рукой по задней части шеи перед тем, как продолжить. — У семьи моей матери были деньги. Старый капитал. Мой отец не интересовался этим, поэтому после её смерти, он и её родители оставили наследство для каждого из её детей. Я потратил часть денег на юридическую школу, и часть — на восстановления хижины, но остальное я инвестировал. Мне не нравится это, но я потратил какую-то долю от прибыли на повседневные нужды в течение последнего года.

— О. — Мне было интересно, было ли ему слишком больно говорить о смерти матери.
— Вы были близки с мамой?

Он кивнул, прежде чем сделать глубокий вдох.

— Мне было всего восемь лет, когда она умерла. Как бы больно мне ни было за последний год моей жизни, это не идёт ни в какое сравнение с той потерей. Нет ничего хуже. — Его голос слегка дрогнул, и моё сердце тоже.

— Хорошо, что мы в пути, потому что я действительно хочу обнять тебя прямо сейчас и не могу.

Он бросил на меня угрожающий взгляд.

— Ты не будешь отстёгивать этот ремень безопасности.

Я подмигнула ему.

— Пока что.

Мы ехали молча в течение нескольких минут, и, когда проезжали шато «Ривард», я не смогла не показать Миранде Ривард средний палец, хотя она и не могла его видеть. Себастьян засмеялся.

— Извини, — сказала я, хотя, на самом деле, не чувствовала себя виноватой.

— Всё нормально. Я вёл себя гораздо хуже после того, как меня увольняли.

— Хуже всего — это то, что мне действительно нравилась эта работа. Дегустировать, проводить экскурсии по шато и виноградникам, разговаривать с посетителями о вине и этом регионе. У меня даже было несколько идей для этого места.

Он посмотрел на меня.

— Какие идеи?

— Дизайнерские решения. Я хотела немного модернизировать это место, но мне отказывали, и я не была там достаточно долго, чтобы переубедить их.

— Может, тебе понравится заниматься чем-то в сфере маркетинга или пиара.

— Возможно. — Маленькая надежда клокотала внутри меня, хотя, очевидно, для маркетинга и пиара мне нужен был диплом. — Но у меня нет реального опыта или навыков. Я просто знаю, что выглядит красиво. Или, по крайней мере, что, по моему мнению, выглядит красиво.

— Скайлар, любой, кто встречался с тобой, знает, что у тебя хороший вкус. Я думаю, ты бы преуспела в такой работе. Ты просто должна уверенно преподнести себя и найти то, что тебе подойдёт.

Удовольствие нарастало внутри меня от его комплиментов и уверенности во мне. Жаль, что я не верила в себя так, как он.

— Спасибо. Я подумаю об этом.

Добравшись до хижины, мы затащили лодку на причал и опустили её на воду. Уже вечерело, но солнце было ещё высоко в небе, и воздух был горячим, только лёгкий ветерок дул с залива. Я вытерла рукою пот со лба, в то время как Себастьян привязывал лодку к причалу.

— Жаль, я не захватила свой купальник. Вода должна быть хорошей.

Он посмотрел на меня с улыбкой полной сомнений.

— Ты бы искупалась? Сегодня было тепло, но вода всё ещё очень холодная.

Я приподняла подбородок.

— Я — маленькая, храбрая зажигалка. Эй, у тебя есть солнцезащитный крем?

Он выпрямился.

— Да. В ванной комнате, в ящике справа внизу.

— Спасибо. — Внутри я боролась с желанием обшарить весь шкаф ванной комнаты Себастьяна, чтобы побольше узнать о нём. Я открыла только нижний правый ящик, который был очень аккуратным. В нём находились: солнцезащитный крем, крем для бритья, бритвы и мыло. Используя зеркало над раковиной, я нанесла крем с spf 30 на лицо, руки и ноги, а также взяла его с собой, чтобы предложить Себастьяну.

О чёрт. Он снял рубашку.

Мой живот сделал несколько сальто, когда я подошла к пирсу, где он загружал вёсла в лодку. Натали не преувеличивала, Себастьян был мускулистым. Он был высоким и стройным, так что он не был чересчур мускулистым, а изгибы и линии на его теле заставляли меня дышать чаще. Кожа у него была такая же красивая, как и телосложение — золотистая и гладкая.

— Хочешь немного? — спросила я, держа солнцезащитный крем.

«Или немного меня?» — подумала я, и едва удержалась, чтобы не хлопнуть себя по заднице.

— Нет. Я не против солнца.

— Себастьян! У тебя отличная кожа. Ты должен лучше относиться к ней. Вот, позволь мне. — Ха-ха-ха, я чёртов гений! Скрывая улыбку, я перевернула крышку и выплеснула немного крема на руку. — Повернись.

Он вздохнул, но сделал так, как я просила, и я положила руки на верхнюю часть спины. Кусая губу, я медленно втирала солнцезащитный крем в кожу, скользя ладонями по широким плечам и по шее. Я держалась подальше от пояса его выцветших красных шорт, но заметила синие клетчатые боксеры, торчащие из-под них. Мой желудок сжался.

— Ладно. Теперь спереди.

Медленно, он повернулся ко мне лицом, и я клянусь, что собиралась предложить ему намазать себя самому, но это лицо в очках и небритый подбородок, и скульптурная грудь, и пресс — ПРЕСС — одолели меня. Я чуть не застонала вслух, представляя, как эти мышцы будут изгибаться, когда он будет двигаться надо мной.

«Охххххх, не трогай его, Скайлар. Он не хочет этого».

Но... но пресс.

Верно. Если он сказал нет, значит — нет.

— Хочешь, чтобы я сделала это? — спросила я живо.

Он колебался.

— Давай.

ЧЁРТ.

Пытаясь контролировать свой пульс, я выдавила немного солнцезащитного крема на ладони и растёрла их. Затем я положила их на его грудь.

Там они и оставались.

Пораженная, я уставилась на свои руки на его нагретой солнцем груди. Все частички меня затвердели и покалывали.

— Думаю, что ты должна втирать крем. — Его тон был забавным.

«Милый, я буду втирать всё, что ты захочешь».

Медленно, я начала выводить руками ленивые круги на его потрясающей груди. Когда всё впиталось, я скользнула руками ниже, позабыв нанести больше солнцезащитного крема на руки. Жёсткие гребни мышц его живота струились под моими пальцами, и я скользила туда-сюда вдоль этих борозд.

Да. Я трогала его бороздки.

— Bay. — Мой голос надломился, и я сглотнула. — Ты, наверное, частенько качаешь пресс.

Он усмехнулся, и мышцы задёргались под моими ладонями, вбрасывая чистую похоть в мои вены.

Боже. Будь это любой другой парень, я бы сунула руку между его ног, прямо здесь и сейчас. Но Себастьян был другим, и я не хотела всё испортить, поторопив события. В прошлый раз, когда я открыто проявила свои чувства, он запаниковал.

Но сейчас он был спокойным. Возможно, даже слишком.

Я посмотрела на него.

— Всё в порядке?

15 глава

Себастьян

Было ли всё в порядке?

«Твои руки в нескольких сантиметрах от моего растущего члена. Твои соски жёсткие — я вижу их сквозь твою рубашку. Ты смотришь на меня с такой милой заботой, но ещё я вижу, как ты меня хочешь, и чёрт возьми, я хочу тебя так же. Но что-то внутри меня не позволяет мне прикоснуться к тебе».

Я прочистил горло и сделал шаг назад.

— Всё прекрасно. Пойдём?

Её лицо поникло, но она кивнула.

Запрыгнув в лодку, я взял Скайлар за руку и помог ей, но заметил, что она отпустила меня, как только обе её ноги коснулись дна лодки. Она устроилась спереди, обернула руки вокруг ног, и скрыла глаза за солнцезащитными очками.

Размотав верёвку, я оттолкнулся от причала и взялся за вёсла. Я снова злился сам на себя. Я знал, она надеялась, что я буду чертовски нормальным в течение нескольких минут и, по крайней мере, поцелую её или что-то в этом роде, но я не мог. Не то чтобы я не хотел — Боже мой, мне повезло, что я не кончил в штаны, как только она положила на меня руки. Каждый мужской инстинкт в моём теле кричал мне, чтобы я уложил её прямо там, в лодке, и терзал это горячее маленькоё тело, пока она не попросит о пощаде.

Был ли я безумцем, потому что не сделал этого?

Она же хотела этого, не так ли?

Прошло уже так много времени... и я хотел её так чертовски сильно.

Когда я наблюдал, как она запрокидывает голову назад, поднимая лицо к солнцу и обнажая бледно-белую кожу шеи, я ждал, когда появится голос.

Но этого не произошло. Удивлённый, я позволил своему взору пройтись от её шеи вниз к рукам и ладоням, которые были скрещены на голенях. Она сняла кроссовки. Ногти на её ногах были окрашены в ярко-голубой цвет. Её ноги были сомкнуты перед грудью, и я вспомнил, какими твёрдыми были её соски несколько минут назад и задумался, какими они были сейчас. Какого цвета они были? Бледно-розовые? Или насыщеннее, как роза? Какими бы они были под подушечками моих пальцев, между моими губами, на моём языке?

Чёрт, я был таким твёрдым, и я так сильно хотел прикоснуться к ней. Я мог бы быть нежным, не так ли?

Мне бы следовало попытаться. Она достойна всего самого лучшего.

— Твои ногти подходят под цвет твоих глаз, — сказал я в надежде заставить её улыбнуться.

Уголки её губ поднялись, но она ничего не сказала.

— Скайлар, ты молчишь уже целых пять минут. Думаю, это рекорд.

— Ха-ха.

Я перестал грести и позволил нам дрейфовать. Сегодня в заливе не было слишком много лодок, и ни одна из них не направлялась в нашу сторону. Я бросил якорь в воду и убедился, что мы привязаны. Скайлар до сих пор не сказала ни слова, но, по крайней мере, она открыла глаза и смотрела на меня.

— Все в порядке? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Мне просто стыдно. Я прикасалась к тебе, и это было неправильно.

— Нет. Это не так.

— Ты весь на нервах.

— Я знаю, но это не потому, что мне не нравится. Мне нравится. Меня пугает то, насколько сильно мне это нравится.

Она ничего не сказала и снова запрокинула голову назад, а потом поёрзала и легла на спину на дно лодки.

Осторожно, я переместился на её сторону и растянулся рядом, подперев голову рукой.

— Эй. — Я легонько постучал по её носу

Она проигнорировала меня, что заставило меня улыбнуться.

— Всё ещё хочешь поплавать?

— Возможно. Если мне будет слишком жарко. — Она сложила руки на животе.

— Это приглашение?

Она показала мне язык.

Улыбаясь, я снял с неё солнцезащитные очки и ещё с минуту изучал её, принимая во внимание безупречную симметрию её лица.

Я чертовски любил симметрию.

Её губы, словно бутон розы, немного надулись, и я отложил очки, прежде чем провести кончиком пальца по её губам. Она вздрогнула от моего прикосновения, её рот слегка открылся, дыхание было тёплым и быстрым возле моей руки.

Вскоре я не смог удержаться — я наклонился и прижался к ней губами.

Она позволила мне поцеловать себя, но, на самом деле, не ответила на поцелуй, и её руки оставались на животе. Я поднял голову и снова посмотрел на неё. «Маленькая, упрямая бабочка. Дай мне это». Я поцеловал каждое веко и кончик носа. Затем я опустил губы на её лоб и застыл на секунду. Затем вернулся голос.

«Ты правда думаешь, что тебе следует сделать это?»

«Да. Заткнись и уходи. Или оставайся. Но я хочу знать, каково это — целовать эту женщину, прикасаться к ней и чувствовать её прикосновения. Так что ты либо остаёшься и наблюдаешь, либо валишь нахрен».

Почувствовав гордость за себя, я ещё раз поцеловал её в губы, и она открыла глаза.

— Себастьян, — прошептала она. — Что ты делаешь?

— Игнорирую голос в голове, который говорит мне не трогать тебя.

Она приподнялась и взяла моё лицо в ладони.

— Хорошо.

Мои губы сомкнулись на её губах, и она повернулась на бок, прижимая свою нижнюю часть тела к моей.

«Тише, тише», — я сказал себе, когда её губы открылись шире, и я проскользнул языком между ними. На вкус она была сладкой, как манго и мёд, и я лениво поглаживал её язык своим. Мои руки жаждали исследовать её тело, скользить под её одеждой, чувствовать её голую кожу, но я пока ещё не позволял себе этого. Прошло так много времени, и мой член стремился попасть внутрь неё, но я не хотел спешить, я хотел сделать всё правильно.

Она ничуть не облегчала мне задачу. Ни тем, как она целовалась, то игриво и легко, то жадно засасывая мой язык в рот; ни тем, как она проводила ногтями по моим волосам и держала моё лицо в своих ладонях; ни тем, как она прижимала изгибы своего тела к моему, забрасывая ногу на моё бедро. Моя эрекция выступала из-под шорт, и я положил руку на её задницу, чтобы притянуть ближе и потереться своим членом о сладкое местечко между её ног.

Она застонала, когда я поцеловал её шею, кружка языком по коже.

— Ммм. Мне сейчас так хорошо, — сказала она тихо, скользя рукой вниз по моей руке. — Ты меня удивил.

Я уткнулся в шею, вдыхая её запах.

— Да?

— Да. В хорошем смысле. — Она взяла меня за подбородок, приблизив мои губы к своим. Когда поцелуй углубился, она проскользнула между нами рукой и потёрла мой член сквозь шорты ... сладкие, мягкие, медленные поглаживания заставили меня

вцепиться пальцами в её спину и тяжело дышать у её губ. Я покачал бёдрами, толкаясь в ладонь, и скользнул рукой под её рубашку.

«Ты, чёрт возьми, спятил? Ты не можешь вот так её трогать. Ты не сможешь остановиться. Ты уже и так до боли твёрд. Ещё минута, и ты будешь полностью вне себя, а она будет беспомощной по сравнению с тобой. И вы совершенно одни здесь, на воде. Никто не услышит её криков».

— Скайлар, — сказал я, прижав свой лоб к её. — Может, нам следует остановиться.

— Ты хочешь остановиться прямо сейчас? — Она крепче прижалась к моей эрекции.

— Мы бы могли ещё немного повеселиться.

Я зарычал.

— Знаю, но просто подожди. — Я сел, тяжело дыша.

— Ладно, — сказала она, явно в замешательстве.

Я надел свои солнцезащитные очки и двинулся к противоположному от неё концу лодки, чтобы сесть на скамейку. Но сначала мне пришлось привести себя в порядок.

Она засмеялась.

— Я бы сказала, что мне жаль, но ты же знаешь, что это не так.

— Я знаю. И мне тоже. Просто ... — Я провёл рукой по волосам и решил быть честным. Я всё испортил с Дианой, пытаясь скрыть это дермо. — Голос говорит мне, что я причиню тебе боль.

Она выглядела удивлённой, её брови поднялись.

— Это так? Прямо сейчас? Скажи ему отвалить. — Она подалась вперёд и заговорщицки прошептала: — В любом случае, мне нравится, когда всё немного грубо.

— Ради Бога, Скайлар. Не говори мне это, — отрезал я. — Ты меня совсем не знаешь.

— Я пытаюсь, Себастьян! Что за чёрт? — Она крикнула, взмахнув вверх рукой. — Слушай, если мы собираемся быть друзьями, и я буду стараться помочь тебе справиться с любой проблемой, когда ты рядом со мной, то ты должен привыкнуть к тому, как я говорю. Я же говорила, я очень открытый человек. Я говорю то, что у меня на уме. Так какого чёрта сейчас твориться у тебя в голове?

— Я же говорил. Я, чёрт возьми, причиню тебе боль.

— Как?

Слова застряли у меня в горле, но, наконец, я выпалил чёртову правду.

— Я тебя задушу.

Её челюсть упала, и кончики пальцев коснулись горла.

— Задушишь меня?

Я сердито кивнул.

— Да. Знаю, что это иррационально и глупо, и я знаю, что ты не сможешь понять, но это всё реально для меня.

Вместо того, чтобы заверить меня в том, что я был смешон, она подползла и встала на колени между моих ног.

— Себастьян, — сказала она твёрдо. — Обхвати меня руками.

— Что?

— Вокруг моей шеи. Сделай это.

— Нет! — Я вцепился в край скамейки, и она схватилась за мои запястья.

— Давай, хватай меня за горло, — сказала она, её голос становился громче, когда она вцепилась в меня. — Души меня, если хочешь!

— Ты, чёрт возьми, прекратишь? — крикнул я, взмахнув руками. — Отстань от меня!

— Нет! — Она стояла и продолжала держаться за меня, лодка угрожающе качалась, и, наконец, я сделал, как она попросила, и обернул свои руки вокруг шеи, иначе она бы перевернула нас. Она снова опустилась на колени у моих ног, пальцы скжались вокруг моих запястий, притягивая их к себе.

Глубоко внутри, я чувствовал себя больным.

— Это то, чего ты хочешь? Чтобы я причинил тебе боль?

— Ты не причинишь мне вреда. — В отличие от моего панического крика, она говорила тихо, немного запыхавшись, и в её глазах я не видел страха. — Ты не причинишь мне вреда.

Мы остановились на мгновение, оба тяжело дыша. Моё сердце колотилось, моё тело струилось адреналином, и мои руки дрожали. Отчаянно я боролся с желанием считать, медленно вдыхая и выдыхая в попытке успокоить свою перегруженную нервную систему. Но проходили секунды, а я не делал ничего жестокого. Я осознал, что она была права — я не собирался причинить ей вред. Моё тело расслабилось, дыхание замедлилось.

— Вот, — тихо сказала она. — Видишь? — Она стащила руки с шеи, и я сразу же вцепился пальцами в край скамейки. Она подошла ещё ближе ко мне, положив руки на мои бёдра. — Теперь скажи мне, что я ещё должна сделать, чтобы мы могли вернуться к тому, на чём остановились.

— Ты ничего не можешь поделать, — сказал я кисло. — Просто я такой, какой есть.

— Я смотрел на воду, не в состоянии справиться с выражением боли на её лице. «Ты — гребаный трус».

— Я тебе не верю.

— Что ж, это правда. — Я чертовски ненавидел себя, поэтому, естественно, я сорвался на ней. — Ты думаешь, это случилось со мной впервые? Я знаю, как это происходит, Скайлар. — Я заставил себя посмотреть на неё. Я хотел, чтобы мудак в моей голове увидел, от чего именно он отказывается. — Мы займёмся сексом, потому что мы нравимся друг другу и нас влечёт друг к другу, и мы будем думать, что этого достаточно. Но затем окажется, что мы не такие, какими кажемся, поэтому ничего из этого не выйдет. А через полгода мы, в конечном итоге, не оправдаем своих надежд и будем винить себя за то, что не признали это с самого начала, и тогда всего бы этого не случилось.

Она села на дно лодки.

— Чёрт возьми, Себастьян.

— Что?

— Ты убиваешь меня. Я даже не знаю, где буду жить на следующей неделе, а ты уже представляешь, что именно произойдёт через полгода, если я поработаю руками с твоим дружком в этой лодке.

Она собиралась поработать руками. Чёрт.

— Это именно то, что случилось с твоей бывшей?

Я выдохнул.

— Вроде того. — Поднялся ветер, и на мгновение я услышал, как волны плещутся о борт лодки. Этот звук успокоил меня. — Мне жаль. Я легко поддаюсь панике.

Она кивнула.

— Я вижу.

— Ну, вот и всё. — Она понимала, насколько трудным я был, как мучительно было сближаться со мной, и поэтому она бросит меня. Ничего удивительного ... это случалось много раз раньше с девушками, гораздо менее красивыми, чем Скайлар. Затем, её слова потрясли меня.

— Знаешь, что нам нужно? Немного жареной курицы. Ты приглашён на ужин в доме моих родителей.

Тошнота подступила ко мне. Незнакомцы. Обеденный стол. Новая обстановка.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Что ж, а я так не считаю. Ты придёшь и сделаешь это для меня за то, что ведёшь себя как придурок, в то время как всё, что я пытаюсь сделать — это повеселиться. — Она снова обняла колени, подняв лицо к солнцу. Свет играл с её волосами, окрашивая их серебром и золотом. Они выглядели такими мягкими и тёплыми, что я задумался, смогу ли я ещё раз провести руками по её локонам.

— Сколько сейчас времени? — внезапно спросила она.

Я вытащил телефон из кармана.

— Около шести.

— Ужин в шесть тридцать, поэтому нам стоит вернуться.

Я нахмурился.

— Скайлар, в связи с этим, мне не совсем комфортно. Не имею ничего против твоей семьи, мне просто не нравятся места, где я никого не знаю.

— Ты знаешь меня. И Натали будет там со своим парнем Дэном. Ты можешь познакомиться с ним, и с нашей старшей сестрой Джиллиан, и также с моими родителями.

— Все они — прекрасные люди с чистой посудой. И мы не используем острые ножи для жареной курицы, так что у тебя не будет соблазна заколоть кого-то. Но если ты всё же захочешь, то заколи Дэна. Натали думает, что он изменяет ей.

— Это не смешно.

Она опустила подбородок и посмотрела на меня.

— Да, это так. Ты не навредишь никому. Тебе нужно немного развеяться, Себастьян. Я помогу тебе. — Она откинулась назад на руках и вытянула ноги к моим, толкая мою лодыжку пальцами ног. — Подумай, насколько гордым будет твой терапевт, когда ты в следующий раз посетишь его.

— Он будет горд, — признался я. — Он сказал, что мне следует поговорить с тобой.

— О? Почему?

Я медленно выдохнул. Я нервничал оттого, что должен рассказать ей, но чувствовал, что задолжал ей что-то хорошее.

— Потому что в тот день, когда я увидел тебя на пляже, проснулись … чувства, которые вызвали рецидив.

— Какие чувства?

Чёрт, мне было стыдно.

— Старые чувства. Я был … влюблён в тебя. В старшей школе.

Она засияла.

— В самом деле?

— Да. Как и любой другой парень в школе, — сказал я шёпотом. — У меня не было шансов.

— Остановись. — Она легонько ударила меня. — Ты ничего об этом не говорил.

— Как я мог? Ты всегда была в центре внимания. А я был таким чертовски неловким и застенчивым.

— Ты был застенчивым. Ты всё ещё стеснительный. Вроде того.

Мое лицо горело от стыда.

— Да. Возможно.

С минуту или две она молчала, просто смотрела сквозь воду. Я собирался начать грести к берегу, когда она удивила меня своим вопросом.

— Почему в меня?

— А?

— Почему ты был влюблён в меня? Потому, что считал меня красивой?

Мне нужно было подумать об этом. Конечно, я считал её красивой, как и все. Но причина была не только в этом.

— Это случилась не только из-за твоей внешности, — сказал я. — В то время я больше наблюдал, чем действовал, так что я видел всё, что происходило, не будучи вовлечённым. Я видел, что ты была добра ко всем, что ты не задирала и не унижала учеников, что ты делала всё возможное, чтобы улыбаться и говорить людям приятные слова. Мне нравилось, что ты не стеснялась поднимать руку в классе, когда не понимала чего-то. Мне нравилось, что ты иногда просила меня о помощи. — Я сделал паузу, чтобы перевести дух.

— Bay. Это твоя самая длинная речь, которую я когда-либо слышала. — Её улыбка озарила лицо. — И я полностью польщена.

Эта улыбка. Она была как наркотик — я хотел сказать и сделать всё, что угодно, лишь бы сохранить её.

— Так что да, Кен, мой терапевт, сказал, что если общение с тобой было моим страхом, то я должен был побороть его.

Она встретилась со мной взглядом.

— И ты это сделал.

— Верно.

— Так что теперь, — сказала она, — ты собираешься побороть жареную курицу, картофельный салат и вишнёвый пирог с семьей Никсон.

Взял вёсла в руки, я покачал головой.

— А ты теперь любишь покомандовать.

— Я не люблю командовать, — возмущённо сказала она. — Я просто хорошо вижу то, что нужно сделать. — Она скривилась. — За исключением того, когда дело касается меня самой. Тогда я ужасна.

Я начал грести назад к пирсу.

— Я помогу тебе. Может, мы сможем помочь друг другу.

16 глава

Скайлар

Я наблюдала, как Себастьян гребёт назад к хижине, и как упорно работали мышцы его груди и рук. Несмотря на то, что наша короткая романтическая прелюдия не оправдала моих надежд, то, что произошло после этого, пошло нам на пользу. По правде говоря, я не была уверена в том, что заставило меня так себя вести, настаивая на том, чтобы он схватил меня за горло — это могло плохо кончиться. Но я была так уверена в том, что он не причинит мне вреда, что мне нужно было показать ему это. И, может быть, это не решило проблему полностью, но, по крайней мере, теперь нам есть от чего отталкиваться.

Он так отличался от других — большинство парней вели бы себя иначе. Они бы думали только о сексе, и если попросить их поделиться своими мыслями, то они просто будут молчать. У Себастьяна тоже были такие молчаливые моменты, и временами он грубил, но я чувствовала, что понимаю его лучше. Он был так жесток к себе.

Вот если бы я только могла заставить его хотеть меня.

Сдерживая улыбку, я вспомнила, как божественно было, когда он позволил себе расслабиться на несколько минут со мной на дне лодки. Я, наверное, слишком поторопилась со своей рукой, но я не могла поступить иначе — он был таким большим под шортами. Толстым, длинным и твёрдым. Вожделение пронеслось между ног, и я свела бёдра вместе.

Чёрт. Себастьяну нужно было время, чтобы разобраться со всем, что творилось в его голове, когда он прикасался ко мне. И я хотела быть терпеливой, но, Господь Всемогущий, мне нужно было справиться с собственной неудовлетворённостью. Эта мысль заставила меня задуматься о том, что он делал, чтобы снять такого рода напряжение, и я сразу же представляла его обнаженным в постели, удовлетворяющим себя. Мышцы на его руках усердно работают, мышцы пресса напряжены.

«Чёрт возьми. Мне лучше сейчас не смотреть на него».

Возможно, я воспользуюсь вибратором этой ночью. Учитывая то, как я сейчас себя чувствую, мне понадобится не больше минуты.

Пока Себастьян мылся, я сидела в патио и очень старалась не думать о нём в душе. Ладно, это было не просто.

Примерно через пятнадцать минут он вышел в патио, одетый в брюки хаки и подходящую темно-синюю рубашку с закатанными рукавами.

— Так нормально?

— Конечно. Ты отлично выглядишь.

— У меня не было времени побриться. — Он потёр подбородок. — Извини.

— Перестань. Мне нравится щетина. Там всё будет по-домашнему, обещаю. Я написала маме, что приведу друга на ужин, и она была в восторге. Но нам лучше поторопиться, чтобы я успела переодеться.

Мы припарковались между большим домом и моим гостевым домиком ровно в шесть тридцать. Себастьян ждал в гостиной, пока я украдкой выискивала в ящике чистую пару трусиков и просматривала повседневные платья, которые висели на стойке под угловыми полками.

— Это твой шкаф? Хитро придумано, — сказал он.

— Нужно использовать каждый дюйм пространства в таком маленьком месте. Ладно, я сейчас выйду. — Я схватила цветастое платьице с тонкими бретелями и глубоким V-образным вырезом, и проскользнула в ванную. Я бросила свои шорты, трусики, носки и футболку в корзину, убрала волосы вверх, и поспешно приняла душ. Затем, я быстро надела новые трусики и платье. Дерьмо, это было слишком сексуально?

Вырез на груди был низким, и я не носила бюстгальтер с этим платьем, но оно не было обтягивающим или коротким, а красивый цветочный узор придавал ему нотку невинности. Я воспользовалась дезодорантом, расчесала волосы и нанесла немного духов за каждым ухом. Я быстро провела розовым блеском по губам. На большее у меня не было времени.

— Ладно, я оделась, — сказала я, открывая раздвижную дверь амбара, которая теперь служила дверью в ванную. — Осталось обуться, и мы можем идти.

Себастьян стоял у окна, его руки были в карманах. Он повернулся ко мне и скользнул взглядом по моему телу. Мышцы на его челюсти дёрнулись, и он откашлялся.

— Ты установила выдвижное мусорное ведро. Мне это нравится.

— Мне тоже. — Я поспешила к угловым полкам, под которыми находились обувные коробки, и вытащила свои светло-коричневые сандалии на танкетке. — Вообще-то, я довольна этим местом. Жаль, что моя мать выгоняет меня отсюда на следующей неделе. Его арендовали на лето. — Я продолжала, пока не увидела вопросительное выражение на его лице. Я засунула ноги в сандалии и натянула ремешки на пятки.

Он кивнул с пониманием.

— Значит, тебе нужно искать квартиру?

— Да. — Я схватила телефон со стола и повела нас наружу, запирая за ним дверь. — Но, прежде чем это произойдёт, мне придётся найти более высокооплачиваемую работу. Работать с Натали весело, но так я не смогу платить за аренду.

Себастьян молчал, когда мы шли через дорогу к дому моих родителей. Он шёл медленно и неохотно, словно заключённый, который направлялся к гильотине.

— Эй. — Я схватила его за руку. — Не волнуйся, ладно?

Он посмотрел вниз на наши руки, его губы сжались в мрачную линию.

— Ты нервничаешь?

— Немного.

— Знаешь, что я делала, когда нервничала перед прослушиваниями?

— Что?

— Я представляла себе самое худшее, что могло случиться. Например, я могла бы забыть текст или упасть лицом вниз. Обмочиться в штаны. Пусть так, я же не умру от этого.

Он остановился, как только мы добрались до крыльца.

— Только когда я представляю себе самое худшее, что может сегодня случиться, Скайлар, я не мочусь в штаны. Я бью ножом кого-то.

Я повернулась к нему.

— Кого ты бьёшь ножом?

— Не знаю. Того, кто будет ближе ко мне. — Его встревоженное выражение лица говорило о том, что он не шутил. Мне захотелось обнять его, сказать, что он может не идти на ужин, если не хочет, заверить его, что я всё понимаю. Но почему-то я подумала, что сейчас он в этом не нуждался.

— Ну, тогда напомни мне не сидеть рядом с тобой. — Я поднялась по ступенькам. — Ну же. Давай сделаем это.

Моя семья радушно приняла Себастьяна. Натали самодовольно улыбнулась мне за его спиной, когда тот пожимал руку моему отцу.

— Я так понимаю, всё идёт хорошо, — прошептала она, когда мы садились за большой антикварный стол, который уже был нагружен тарелками и мисками, полными еды.

Я пожала плечами.

— Всё в порядке.

— Мне нужны подробности!

— Завтра на работе, — пообещала я.

— Себастьян, почему бы тебе не сесть рядом со Скайлар? — предложила моя мать, подвинув для него свой стул. Я послала ей благодарный взгляд.

Натали села по другую сторону от Себастьяна, а Дэн — рядом с ней. Интересно, она уже высказала ему всё, что думает по поводу тех сообщений? Нам нужно поговорить об этом и прямо завтра.

— Себастьян, у тебя есть старший брат? — спросила Джиллиан, которая сидела напротив него. — Я училась в школе с Малкольмом Прайсом.

Он кивнул.

— Да, это мой брат. Он на три года старше меня.

— Он по-прежнему живёт здесь?

— В Траверс-Сити. Он работает адвокатом в фирме моего отца.

Ладно, пока всё идёт хорошо. Он не совсем был расслаблен, но его голос звучал нормально.

Джиллиан взяла салатницу.

— О, ты адвокат?

— Да. — Он сглотнул, возможно, в ожидании вопросов о своём прошлом. Я положила руку ему на ногу, чтобы напомнить, что у него есть друг за столом. Я не собиралась позволить беседе зайти слишком далеко и смутить его. Может, я и не окончила колледж, но я была мастером в манипулировании толпой. Он погладил мою руку, и я улыбнулась ему.

Вдруг я почувствовала на себе взгляд матери, и я только могла представить, какой довольной она была — ведь я привела на ужин не просто красивого друга, а друга, который был адвокатом. Представьте себе, Скайлар сделала хоть что-то правильно!

Хмурясь, я подняла бокал вина и сделала большой глоток.

Остальная часть трапезы прошла гладко. Несмотря на то, что Себастьян оставился немного напряжённым, он вежливо задавал вопросы и высказал восхищение моей матери по поводу её кулинарных способностей. Я вздрогнула, когда Дэн спросил его почему тот вернулся из Нью-Йорка, но Себастьян просто ответил, что скучал по этому месту и хотел быть ближе к своей семье. Мои плечи опустились с облегчением, и я снова положила свою руку на его ногу под столом. Он вновь накрыл её своей, и, на этот раз, оставил её в таком положении.

Наши взгляды встретились в зеркале над буфетом на противоположной стене, и что-то в тех взглядах, которыми мы обменялись, сделало мои трусики влажными. Может быть, просто свет от свечей играл с моим воображением, но мне нравился огонь в его глазах, которые казались темнее в тусклой комнате.

После кофе и десерта, мы с сёстрами помогли маме убрать со стола, а затем они прогнали меня обратно в гостиную, где Себастьян сидел с Дэном и моим отцом, обсуждая отсутствие навыков у игроков Тайгерс.

Он встал, когда я вошла.

— Мне пора уходить.

— Я тебя провожу, — сказала я в надежде, что наш вечер ещё не закончился, но не знала, как вести себя дальше.

Себастьян поблагодарил моих родителей за ужин и пожал всем руки. Когда мы выходили на улицу, я задумалась, беспокоится ли он по поводу рукопожатий. Солнце садилось, окрашивая ферму в красивый янтарный свет. Ряд за рядом, свет окутывал цветущие вишнёвые деревья на холмах, и я вдохнула душистый аромат, витающий в прохладном воздухе.

— Итак, это было пыткой? — спросила я, оборачивая руки вокруг себя из-за холода, когда мы шли к его грузовику.

— Да.

Я толкнула его локтем, и он толкнул меня в ответ.

— Твоя семья очень хорошая.

— Они такие, спасибо. Извини за все эти вопросы. Иногда их заносит.

Он слегка улыбнулся.

— Всё нормально. Ничего, с чем бы я не справился сегодня.

— Я рада.

Мы добрались до грузовика, и он достал ключи из кармана. Часть меня хотела пригласить его выпить пива в гостевом домике, но другая часть говорила, что это было бы неразумно. Возможно, мы провели и так достаточно времени наедине сегодня — мы целовались, и он ужинал с моей семьёй.

— Что ж, спокойной ночи. Спасибо, что пришёл. — Поднявшись на носочках, я положила руки ему на грудь и поцеловала в щеку. Он также поцеловал меня, а затем притянул в свои объятья. Я крепко обняла его, мои руки были у него на шее, наши тела прижимались друг у другу. Я почувствовала чистый, мужской запах его кожи, почувствовала, как его дыхание ускоряется, воспламеняя меня изнутри. Мои мысли устремились к вибратору.

— Это просто сумасшествие, — сказал он мне на ухо, его голос был низким и грубым.

— Что именно?

— Я не хочу уходить.

Моё сердце чуть не лопнуло от страстного желания к нему.

— О боже, я не хочу, чтобы ты уходил, но этот дом, так сказать, рядом с домом моих родителей, и...

— Поехали ко мне домой. — Он немного ослабил хватку на мне, его руки легли мне на талию, и он посмотрел на меня. Я снова увидела этот огонь в его глазах, как тогда, в зеркале, и почувствовала тепло его тела. — Дай мне ещё один шанс исправить этот день.

— Да, — сказала я без колебаний. — Просто дай мне минутку.

— Скайлар, подожди. — Он схватил меня за руку, и я забеспокоилась, что он передумает.

Его лицо было серьёзным.

— Я хочу, тебя так сильно, что едва дышу, но я должен быть честным. Мне не нужны...

— Т-с-с-с. — Я приложила палец к его губам. — Я ни о чём не прошу, Себастьян. Я просто хочу быть с тобой.

Моё сердце бешено стучало, когда я забежала в дом и оттащила Натали в сторонку.

— Можешь забрать мой телефон с кухни? Если мама спросит, просто скажи ей, что мы с Себастьяном решили прокатиться на машине.

— Ау-у-у-у-у, — сказала она, её голос поднялся на несколько октав, как будто меня поймали за чем-то непристойным. — Я всё расскажу.

Я ударила её по руке.

— Тише! Просто забери его, пожалуйста.

Смеясь, она нырнула на кухню, где моя мать слушала Паваротти и загружала посудомоечную машину. Не то, чтобы её волновало, чем я занимаюсь — она, вероятно, была счастлива, но я не хотела отвечать на кучу вопросов сегодня вечером.

Через минуту Натали вернулась с моим телефоном.

— Вот, держи. Повеселись. Подробности расскажешь завтра, — сказала она решительно.

— Обещаю. — Я выскочила за дверь.

— И не опаздывай на работу!

Я бросилась на улицу, где Себастьян ждал меня у открытой пассажирской двери грузовика.

— Всё в порядке? — спросил он, помогая мне забраться.

Я улыбнулась ему.

— Да. Всё идеально.

— Хорошо. Теперь пристегни ремень. Я собираюсь ехать быстро.

17 глава

Себастьян

Я быстро ехал к хижине, одна рука была на руле, а другая — на коленях Скайлар. Она вцепилась в неё обеими руками, почти так же, как ребёнок крепко держит нитку воздушного шарика. Я знал почему — она боялась, что я передумаю.

Но я хотел, чтобы Скайлар была в моей постели больше, чем когда-либо мог желать женщину. Возможно, это всё из-за десятилетнего увлечения; возможно, из-за того, как она прикасалась ко мне во время ужина; возможно, из-за запаха её волос, который я почувствовал, когда обнял её, или ощущения её груди на моей. Возможно, это было из-за её готовности быть терпеливой и заставлять меня делать то, чего я не хотел.

Я до сих пор не мог смириться с тем, что сегодня она заставила меня схватить её за горло. Что сподвигло её так поступить? Почему она доверяла мне больше, чем я доверял себе? Что она увидела во мне?

Что бы там ни было, она заставила голос внутри меня замолчать. Я знал, что это не будет длиться вечно, но у меня не было ни одной тревожной мысли за ужином, не считая мысли о том, как я трахаю Скайлар своим языком, пока её родители были за столом. Это немного отвлекало. Но меня это не пугало — на самом деле, когда я обнимал её на прощание, единственный страх, который у меня был, это: «Если я не прикоснусь к ней сегодня и завтра, то буду ли я снова пленником собственного разума?»

Я не мог упустить этот шанс. Я слишком долго мечтал о ней, и я устал быть таким чертовски одиноким. Я хотел её. Она была мне нужна. Сегодня. Сейчас.

Я положил руку на её голую ногу, чуть выше колена, искушая голос сказать мне остановиться.

Ничего.

Я скользнул рукою вверх по бедру, услышав её тяжёлое дыхание.

Но в моей голове была полная тишина.

Она развела колени, приглашая меня, и я сунул руку под платье, к внутренней стороне её бедра. Кожа под моими пальцами была шелковистой, и моя рука двигалась по спирали к её киске.

— Я собираюсь поцеловать тебя здесь, — сказал я ей, не отрывая глаз от дороги. — И здесь. — Я провёл пальцем по трусикам на её промежности, и она шире раздвинула ноги. — И в особенности здесь. — Я дразнил её, пробираясь пальцами к шёлковым складкам. Она слегка застонала, когда мои пальцы кружили над маленьким горячим mestechkom. — Я хочу почувствовать, как твой клитор возбуждается под моим языком.

— О боже, — ахнула она, подталкивая бёдра к моей руке.

Это было так чертовскиексуально, что я чуть не съехал на обочину. Но я не хочу торопиться. Я мечтал о ней десять грёбаных лет. Первый раз должен быть совершенным, медленным, чувственным и романтичным. Свечи, вино и мягкие, чистые простыни.

Если я доберусь до дома.

— Мне нравится, что ты уже мокрая, — сказал я, скользнув пальцем в неё, в то время, как другая рука плотно сжимала руль.

— Я была мокрой с тех пор, как ты снял рубашку на пирсе, — вздохнула она. — Боже, как же хорошо. Я хочу большего. — Она схватила меня за запястье и продвинула мой палец глубже в неё, практически заставив меня съехать с дороги.

Тяжело дыша, я играл с нею пальцем в то время, как она тихо постанывала, представляя, как мой член скользит между этими мягкими, уютными, бархатными стенками. Он набухал в моих штанах, выпирал под ширинкой.

— Сейчас мой член такой твёрдый, — сказал я ей, пытаясь сохранить свой голос ровным, когда моя нога сильнее надавила на педаль газа. — Я хочу трахнуть тебя. Я хочу этого прямо здесь. — Я погрузил в неё два пальца.

— Себастьян, — она тяжело дышала, извиваясь вокруг моей руки. — Я так сильно хочу тебя. Я хочу потрогать твой член, и хочу, чтобы он был внутри меня. Постеши.

У меня отвисла челюсть. Иисус Христос. Я никогда не был с женщиной, которая бы так говорила. И тот факт, что это была Скайлар, заставлял меня лезть из кожи вон.

«Ладно, к чёрту свечи и вино».

Я свернулся с главного шоссе на дорогу, шины визжали, гравий разлетался, и я промчал пятьдесят футов через лес в сторону хижины, прежде чем нажать на тормоза.

Ещё до того, как я припарковал грузовик, она разулась.

Я расстегнул ремень и джинсы, стянул их, чтобы освободить свой член.

— Чёрт, у меня нет...

— Мне всё равно. — Она смотрела на мою эрекцию, когда её трусики скользили вниз по ногам. — Я на таблетках.

— Тогда иди сюда. — Я потянулся за ней, притягивая её на свои колени.

Забравшись под её платье, я сжал в кулак член, когда она оседлала меня и направила мою головку между ног. Всего на секунду у меня появились сомнения. Не навязчивая мысль, а просто беспокойство.

«Она такая маленькая».

— Даже, бл*дь, не смей. — Опускаясь, она вобрала меня глубоко, медленно сползая вниз, её взгляд устремлён на меня, её руки сжимают мои плечи. — Я хочу этого, Себастьян. Так сильно хочу. Мне чертовски это нужно. Дай мне это.

Моё имя сорвалось с её губ, когда она скользила по самой чувствительной части моего тела, воспламеняя мою кровь. Любая мысль о том, что нам следует остановиться, была отброшена, когда её тугая, мокрая киска обволакивала мой член. Моё тело взяло верх, срывая бретели её платья, чтобы прикоснуться к её груди. Она была идеальной — не слишком большой, но круглой, пышной и кремово-белой, с бойкими светло-розовыми верхушками.

— Да, — вздохнула она, когда я всосал одну тугую вершину, её бёдра начали двигаться в такт моим. — О боже, как же хорошо.

«Ох, бл*дь».

Это могло закончиться слишком нелепо, трагически быстро. Она была слишком красивой, слишком горячей, слишком мокрой, слишком бесстрашной. И то, как она смотрела на меня, как будто мой член был лучшим, что она когда-либо чувствовала, как будто ей было слишком мало, и, в то же время, слишком много, как будто она хотела этого так же, как и я. Было ли это вообще возможно? Я скользнул руками под платьем, прижимая её к себе, пробежался языком по её соску и сильнее вошёл в неё.

— Да, да, — пробормотала она, покачиваясь на мне, пальцы впивались в мои руки. — Мне нравится, когда твои губы на мне, а твоё тело такое горячее, а лицо такое красивое, а член такой большой...

— Бл*дь, — я втянул воздух сквозь зубы от избытка чувств. — Чёрт возьми, Скайлар. Я не собирался спешить, хотел дать тебе всё, чего ты хочешь. Продолжай так двигаться, так говорить, и я не смогу долго продержаться.

— Я получаю всё, чего хочу. — Склонившись надо мною, она выгнула спину и повернула бёдра в каком-то умном, женском манёvre, который заставил меня стонать в агонии. — Прямо сейчас. Прямо там... чёрт да, прямо там.

— Да? Ты хочешь этого прямо здесь? — Я прогнулся под ней, чтобы войти в неё ещё глубже, и она вскрикнула, закрыв глаза. Её движения незначительные, но быстрые и безумные. И, чёрт, она была так красива, когда кончала — её голова откинута назад, её рот широко раскрыт, её киска сжимает мой член, туго и жёстко сокращаясь.

Тепло разливалось по моим рукам и ногам, двигаясь к паху, когда я схватил её за бёдра и направлял вверх и вниз по моему члену. Мой взгляд устремился к её идеальным сиськам, наблюдая как они скакали передо мной. Боже, она была такой мокрой и тугой, а её негромкие стоны были такими горячими, и это было намного лучше, чем мои фантазии,

потому что она была здесь, и я кончал в неё ПРЯМО. ЧЕРТ ВОЗЬМИ. СЕЙЧАС. Я зарычал, моё тело застыло с приходом оргазма, но она продолжала двигаться, скользя вверх и вниз по моему стволу, крича каждый раз, когда её задница наталкивалась на мои бёдра, принимая каждую последнюю каплю, которую я отдавал.

Когда я замер, она пробежала руками по моим волосам, по рукам, по груди и, наконец, обхватила мою голову, притянув её к своей груди. Я прижался к ней щекой и слушал сердцебиение, закрывая глаза в благодарности богам за то, что они позволили мне это, даже если только на сегодняшний вечер.

— Я тебя поторопила? — спросила она, едва дыша, её губы касались моего лба.

— Нет. — Я скользнул руками по задней части её платья и сомкнул руки вокруг неё.

— Поверь мне, я счастлив, что продержался так долго.

Она засмеялась.

— Мне нравится слышать, что ты счастлив.

«Тогда останься со мной», — подумал я. — «Останься со мной».

18 глава

Скайлар

«Чёрт возьми, кто этот парень?»

Он был таким необыкновенным. Таким расслабленным и непринужденным, таким бесстрашным. Я задавалась вопросом, был ли секс для него способом снять стресс или же он разрушил барьер, чтобы заняться сексом со мной. Но я не осмелилась спросить об этом. Дарёному коню в зубы не смотрят, верно?

Мы пошли в хижину и привели себя в порядок, Себастьян уступил мне ванную первой.

— В нижнем левом ящике есть чистые мочалки, полотенца под раковиной, мыло в душе. Пользуйся всем, чем хочешь.

Я чувствовала себя довольно мокрой и липкой, поэтому решила быстро принять душ. Я повесила своё платье и трусики на дверь и вымылась в его душе бруском мыла, которое пахло восхитительно и выглядело так, будто в нём были медовые соты. После того, как я вытерлась пущистым тёмно-синим полотенцем, я повесила его и скользнула обратно в свои трусики и платье.

Когда я вышла из ванной, босой Себастьян заходил в дом из патио.

— Я подумал, мы могли бы полежать в гамаке. Там прохладно, но небо чистое.

Хорошая ночь, чтобы посмотреть на звёзды.

— Я видела звёзды двадцать минут назад в твоём грузовике, — сказала я ему с улыбкой. — Прямо сквозь крышу.

Он ухмыльнулся мне в ответ, прежде чем вытащить густое угольно-серое флисовое одеяло из старого сундука, служащего журнальным столиком.

— Мы возьмём это одеяло, но, если ты слишком замёрзнешь, просто скажи мне.

— Ладно. — Я взяла фотографию в рамке на столике. — Кто это? — спросила я, развернув её так, чтобы он мог видеть фотографию двух маленьких ухмыляющихся девочек, у одной из них не было двух передних зубов.

— Эмили и Ханна. Мои племянницы. Они подарили мне это на прошлую Рождество.

— Он выключил лампу в гостиной, когда я поставила рамку.

— Ах. Они живут недалеко отсюда?

Он кивнул и выключил кухонный свет.

— Малcolm и его семья живут в Траверсе.

— Бьюсь об заклад, они счастливы, что ты вернулся.

Он открыл раздвижную дверь и ждал, пока я не пройду сквозь неё, затем он взял одеяло под мышку и последовал за мной, закрывая дверь позади нас.

— Да, так и есть. Хотя, они беспокоятся из-за того, что я живу здесь один. Как будто я маленький ребёнок. Это сводит меня с ума.

Я дрожала, идя по каменной дорожке к гамаку, мою кожу покалывало от холодного ночных воздуха.

— Тебе одиноко жить одному?

— Иногда. Не сегодня. — Он опустился в гамак и растянулся на спине. — И это всё, что важно для меня в данный момент. Иди сюда.

Улыбаясь, я сняла обувь и осторожно забралась к нему в гамак, прижавшись к его тёплому, твёрдому телу. Вместе мы расправили одеяло на наших ногах, и он натянул его на моё плечо.

— Так тепло? — он спросил.

— Да, спасибо. — Моя рука легла на его живот под рубашкой, пользуясь возможностью снова почувствовать его пресс. — Эй, что это за медовое мыло в твоей ванной? Мне понравилось.

— Его сделала моя невестка Келли. Жена Малcolm'a.

— Правда?

— Да, она делает всякие штуки с мёдом. Её семья держит пчёл.

— Как круто. Мне нужно выяснить, где его можно купить. Может быть, моя мама будет использовать такие изделия в гостевых домах. Я хочу, чтобы у неё были все принадлежности местного изготовления.

Он стиснул меня.

— Отличная идея.

Я продолжала спрашивать о его близких родственниках, и Себастьян перечислил мне имена и возраст всех пяти племянниц и племянников.

— Я впечатлена, — сказала я. — Ты также помнишь их дни рождения?

— Да, и моих братьев, и их жён, и моего отца, если бы я подумал об этом, может быть, даже твой.

Я подняла голову и посмотрела на него.

— Да ладно. Правда?

Он сощурил глаза.

— У тебя ведь день рождения зимой, так? В декабре? Возможно, двадцать первого?

Я ахнула.

— Да! Откуда ты это знаешь?

— У меня хорошая память на факты, особенно связанные с числами. — Уголок его губ приподнялся. — Хочешь, я повторю тебе две сотни десятичных знаков числа Пи? Это тебя возбудит?

— Возможно, — сказала я, и я шутила только наполовину. — Боже, у тебя действительно есть пунктик по поводу цифр, не так ли? Но как ты запомнил мой день рождения?

Он пожал плечами.

— Наверное, я где-то его увидел, хотя это странное число, и мне такие не нравятся. У тебя должен быть чётный день рождения.

— Что?

Он издал смешок.

— Ничего. Просто шутка.

Мне нравилось слышать, как он смеётся. Положив голову ему на грудь, я прижалась чуть ближе.

— Это так мило. Я так рада, что ты пригласил меня сюда.

Он поцеловал мою макушку и поднёс руку к моим волосам, обвивая длинную волнистую прядь вокруг пальцев.

— Я не был уверен, что ты захочешь прийти.

Я хотела посмотреть ему в лицо, но мне так нравилось чувствовать его руку в волосах, что я осталась на месте.

— Почему нет? Я была здесь почти целый день.

— Я знаю, но... я посылаю много противоречивых сигналов.

— Да, — согласилась я. — Но, поскольку мне нравится твоё общество, и в эти дни у меня нет предложений получше, это сойдёт.

Он потянул за волосы, заставляя меня визжать.

— Очень смешно.

Я хихикнула, подняла голову, чтобы посмотреть на него.

— Я дразню. Я хочу быть здесь. Мне это было нужно.

— Что именно нужно?

— Просто... это. — Даже я не была уверена, что именно я имела в виду, но что-то в том, чтобы быть в его объятьях, чувствовать себя желанной, красивой, свободной и сексуальной, дало мне надежду. Я очень долго чувствовала себя так плохо, что я забыла о том, что можно чувствовать себя так хорошо, такой взбудороженной жизнью и её поворотами. Возможно, между нами было просто физическое влечение, но мне этого было достаточно, и если его потребности тоже были удовлетворены, то так даже лучше.

Мы медленно и лениво целовались, его язык раздвинул мои губы. Секунду спустя, его рука обвила мою грудь, мягко сжимая её, и я переместила свою руку между его ног, поглаживая его так же, как ранее в лодке. Я почувствовала, как он ожил под моей ладонью.

— Я тоже рад, что ты здесь, — прошептал он мне в губы. — В противном случае, я был бы наверху в своей постели и дрошил на тебя прямо сейчас.

Мышцы моего пресса напряглись, как только я это представила и прижала руку к его эрекции.

— Ты только что вложил в мою голову довольно озорную мысль.

— И что же это? — Его пальцы дразнили мой сосок через тонкую ткань платья, заставляя оба затвердеть и покалывать.

— Я хочу это увидеть.

Он застыл.

— В самом деле?

Я закусила губу.

— Извини, это слишком грязно? Я никогда раньше за этим не наблюдала, я просто думаю, что было бы горячо понаблюдать за тобой. Но, вероятно, это слишком извращенно.

— Нет. Нет. Ты просто удивила меня, вот и всё. — Он поцеловал меня снова, в этот раз глубже, его требовательный язык скользил между моими губами так ловко, что между моими ногами всё начало гудеть. — Хочешь подняться наверх? — спросил он низким и игривым голосом.

— Да.

Он встал и взял меня за руку, помогая мне подняться. Я собиралась взять обувь, но он резко потянул меня в хижину.

— Оставь их. — Он грубо потащил меня через патио, сквозь раздвижную дверь.

Минуту спустя, задыхаясь, я поднималась по лестнице на чердак. Забравшись, я удивилась тому, как светло было там — лунный свет, сияющий в огромном окне, оканчивал всю комнату серебром. Себастьян подошёл ко мне сзади и приподнял подол моего платья, а я подняла руки. Он легко снял его через голову, и, когда я повернулась к нему лицом, он выворачивал платье на лице, как будто собирался повесить его или что-то вроде того.

— В самом деле, Себастьян? — Я схватила вещь и бросила на пол.

— Это хорошее платье.

— Боже. Ты такой милый. Но к чёрту платье. И к чёрту твою рубашку. — Я начала расстёгивать его рубашку, мои пальцы дрожали от необходимости прикоснуться к нему. Он помог мне закончить с этим, и я стянула рубашку с его плеч, бросая её рядом с моим платьем. Схватив свою белую майку за воротник, он стянул её, увеличивая кучу одежды на полу. Немедленно, я обняла его, прижимая свою грудь к его тёплой, голой груди, и обрушила свой рот на его. Он обернулся руки вокруг моей спины и поднял меня с пола, а я инстинктивно обхватила его талию ногами. Его мускулистое тело было горячим и твёрдым между моих бёдер.

— У тебя невероятное тело, — тяжело дышала я, когда он положил руки мне под задницу. — Я умирала от желания прикасаться к нему весь день.

— Я был твёрдым уже два дня, — сказал он, массируя моё тело. — И мы оба знаем, что два лучше, одного, поэтому я выигрываю.

Повернувшись к кровати, он опустился на колени на матрас, мягко положив меня на спину, прежде чем потянуть мои промокшие трусики вниз по ногам. Я приподнялась на локтях, желая посмотреть, как он снимает свои штаны и начинает шоу. Но после того, как снял обувь, он медленно взобрался на меня, припав ртом к груди.

— Эй. — Я нетерпеливо ёрзала. — Ты сказал, что я могу посмотреть.

— Ты можешь. Ты можешь смотреть, как я делаю это. — Он вывел круг вокруг жёсткого соска своим языком, а затем начал сосать его. — Ты можешь смотреть, как я делаю это. — Он провёл языком вниз по моему телу, заставляя мой клитор покалывать. — И ты можешь смотреть, как я делаю это.

Раздвинув ноги, он зарылся языком в мою киску, прокладывая путь от центра вверх, повторяя это раз за разом.

— О, боже... — Это было так чертовски хорошо, и, наблюдая всё это, я так сильно завелась, что я не могла даже заставить себя возразить. Мой рот раскрылся, когда он медленно выводил языком по клитору круги и головокружительные декадентские дуги, которые заставляли мои пальцы на ногах сжиматься, а руки впиваться в его свежие, белые простыни. Затем он засосал его в рот, потирая языком.

— На вкус ты даже лучше, чем я представлял, Скайлар Никсон. — Он поднял голову на долю секунды. — И я представлял это много раз. Так что ты должна позволить мне насладиться этим. — Снова обрушив на меня свой рот, он шире раздвинул мои бёдра, двигая языком, губами и зубами по мне, пока комната не стала вращаться, и я едва могла дышать.

— Чёрт, Себастьян, — тяжело дышала я. — Ты потрясающий. Ты заставил меня кончить так мощно.

— Хорошо. Позволь мне почувствовать это.

Я едва дышала, когда почувствовала, как его палец скользнул внутрь. Затем два пальца. Каким-то образом его пальцы и язык работали в каком-то подобии совместной магии, из-за которой моя спина выгибалась над кроватью, а пальцы на ногах сжимались.

— Боже! Что ты со мной делаешь? — откинув голову назад, я сжала в кулаки простыни и извивалась под его проворным языком и ловкими пальцами.

На самом деле, «извивалась» — это слишком мягко сказано.

Я металась, стонала, ругалась, хватала его за голову и качала бёдрами, чтобы потеряться о его жадный рот, пока не взорвалась лихорадочными вспышками белого, горячего безумия, крича с каждым ритмическим толчком его пальцев и языка.

Когда моё тело прекратило сотрясаться, он выпрямился и расстегнул ремень.

— Всё ещё хочешь посмотреть?

— Чёрт возьми, хочу. — Тяжело дыша, я устроилась на локтях, наблюдая, как он встал с кровати и полностью разделся. Лунный свет падал на его плечи и волосы, очерчивая мощные мужские контуры его тела. Спереди падала тень, но я могла видеть серьёзное выражение лица, плоский жёсткий живот, полностью эрегированный член, который выделялся на фоне его тела. Когда Себастьян подошёл ко мне, я чуть ли не набросилась на него с открытым ртом.

Он снова встал на колени на кровати, раздвинул ноги и взял себя в кулак. Медленно, он начал работать рукой вверх и вниз по своей толстой, твёрдой длине. Я тяжело дышала, сердце колотилось в груди.

— Боже. Я могла бы наблюдать за тобой целый день.

— Я всё ещё ощущаю твой аромат. — Его голос был низким и хриплым. — Твой вкус на моём языке, словно мёд.

— Боже. — Страстное желание снова загорелось внутри меня. Я села прямо, расставила колени, рука двинулась между ног. — Я такая мокрая. Ты заставил меня истекать.

— Да, — прошипел он, сжав челюсть. Его рука начала двигаться быстрее. — Намочи свои пальчики. Дай мне посмотреть.

Не отрывая взгляда от его тела, я ласкала клитор грубыми, ровными кругами, раздвигая колени и выгибая спину. Второй оргазм нарастал ещё быстрее первого, набирая обороты каждую секунду.

— Господи, — прошептала я, и начала быстрее перебирать пальцами, наблюдая за работой мышц пресса, предплечья и плеча Себастьяна. — Ты снова заставишь меня кончить. И ты даже не прикасаешься ко мне.

Через несколько секунд его тело растянулось над моим, его член легко входил внутрь моего гладкого, мокрого центра.

— Я не могу этого вынести, ты слишком красива, — прошептал он, углубляясь. — И я думал об этом так много раз. Невозможно, чтобы ты была в моей постели, и я не был внутри тебя.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня. — Я царапала его спину, руки, задницу, зарывалась пальцами в его плоть, притягивая его ближе. — Так хорошо чувствовать тебя там. — И это было правдой — так хорошо, что я начала паниковать. Это был лучший секс, который у меня когда-либо был, и я никогда не почувствую это снова. Что, если это была одноразовая сделка? Что, если завтра голос в его голове скажет ему задушить меня во сне, если я останусь на ночь? Он прикоснулся ко мне сзади, наклоняя мои бёдра вверх так, чтобы он мог потеряться твёрдым основанием своего члена о мой клитор каждый раз, когда он входил в меня. Я была поражена и напугана его мастерством, его размером. Кстати, он точно знал, что мне нужно было почувствовать. Глубоко внутри меня что-то напряглось.

Слишком глубоко.

Так глубоко.

О боже. О нет.

«Пожалуйста, пожалуйста, не позволяй Себастьяну Прайсу обладать членом, который может добраться до Этого Местечка».

Но он это сделал. Головка члена Себастьяна вбивалась в Это Местечко, в территорию, которая была неизведанной, неизвестной, недостижимой для всех предыдущих обладателей члена, которые пытались покорить окрестные высоты.

Этого не может быть.

Нет! Нет! Нет!

— Да, да, да, — вздохнула я у его шеи, вся моя нижняя часть тела оцепенела, ногти царапали его кожу. Чёрт побери, Себастьян... ты такой удивительный и великодушный, и жёсткий, и глубокий, и бл*дь... — О боже, ты идеален. Не останавливайся, не останавливайся, не останавливайся!

— Никогда, — зарычал он, быстрее вколачиваясь в меня и крепче прижимаясь. — Кончи для меня снова, позволь мне почувствовать тебя.

Мой второй оргазм нахлынул с огромной силой, и моя голова склонилась, рот открылся, хватая воздух, когда мои мышцы сжимались вокруг него снова, и снова, и снова.

Он кончил до того, как завершился мой оргазм, долго пульсируя и изливаясь глубоко в меня, его тело замерло надо мною. Мои руки чувствовали, как работают мышцы его задницы, вызывая свежую волну спазмов в нижней части моего тела, и я осилила всё это с длинным, блаженным вздохом.

«Верх совершенства».

19 глава

Себастьян

«Верх совершенства».

Каждое мгновение.

От переднего сиденья моего грузовика (кто бы мог подумать, что у Скайлар Никсон был грязный ротик?) до гамака (её волосы струятся словно жидкое золото сквозь мои пальцы) и до моей спальни (лучше, чем любая фантазия, которая у меня когда-либо была о ней, и, безусловно, лучше, чем любая реальность, которую я когда-либо испытывал), каждая секунда со Скайлар была идеальной.

Я был в состоянии жить настоящим с тех пор, как она согласилась пойти со мной домой. Я так сосредоточился на ней, что в моей голове не было места для чего-либо ещё. Этого было достаточно, чтобы заставить меня произнести самому себе эти два маленьких слова, два самых страшных слова, которые я только знал... «Смогу ли?» Только на этот раз слова не пугали меня оттого, что я беспокоился о том, что мог причинить вред. Вопрос не в том, смогу ли я причинить ей боль? Вопрос в том, смогу ли я сделать её счастливой?

И это было чертовски страшно.

Как она это сделала? Сейчас я лежал на ней, наши тела всё ещё сплетены, наше дыхание по-прежнему синхронное, наша кожа ещё скользкая. И я задаюсь вопросом, какое заклинания она наложила, чтобы всего после двух дней заставить меня думать, что она могла бы принадлежать мне, и я мог бы принадлежать ей, и у нас был бы этот небольшой дом в лесу, у воды, где никто бы нас не беспокоил? Где бы мы любили друг друга, исследовали друг друга, причиняли друг другу боль, прощали друг друга и обрели благодать в телах и душах друг друга. Несомненно, этим вечером произошло что-то чарующее — какое-то колдовство, которое должно было исчезнуть и разрушиться с восходом солнца.

Потому что я лучше всех знал, что такое чувство никогда не длится вечно, не для таких людей, как я. Это иллюзия, которая заставляет чувствовать себя хорошо на какое-то время, но затем становится намного хуже, когда понимаешь, что это была всего лишь шутка.

«Видишь, как это бывает? Видишь, чего у тебя не будет?»

Скайлар смеялась подо мной, и я неохотно скатился с неё, растянувшись на спине, закинув руки за голову. Я переплёт свои пальцы, отказываясь прикасаться к ней так, как бы мне хотелось. Ожидая, что она встанет с кровати, я был удивлён, когда она повернулась ко мне и положила щеку на мою руку. Я не хотел ничего, кроме как обнимать её, но я не мог — я должен быть готовым к неизбежному падению, которое наступало после такого высокого полёта. Я закрыл глаза, вдохнул и выдохнул, отчаянно стараясь не думать о том, как ей будет больно, когда я снова оттолкну её.

С минуту она лежала рядом со мной, прежде чем подтолкнуть меня локтем.

— Эй.

— Что?

— О чём ты думаешь?

«О том, что я хочу, чтобы эта ночь длилась вечно. О том, что я знал, как любить кого-то, не разочаровывая её. О том, что я верил в долго и счастливо».

— Ни о чём. Я устал. — Её разочарованное «о» смягчило моё сердце, но я велел ему быть непреклонным. — Мне следует отвезти тебя обратно.

Медленно, она выпрямилась. Недоверчиво посмотрела на меня.

— Вот и всё?

— Что всё? — Как будто я не знал.

— Вот и всё на сегодня? «Я не хочу уходить», «поехали со мной домой», «я так рад, что ты здесь»... И после всего, что мы делали этой ночью, всё, что ты можешь сказать, это «Мне следует отвезти тебя обратно?» — Она бросила в меня мои же слова.

— Да. Похоже на то. — Я неловко заёрзal. — Ты ожидала чего-то другого?

— О мой Бог. Неважно. Ладно. — Она встала с кровати и подняла трусики с пола, нацепила их, прежде чем надеть через голову платье. Очертание её пышных грудей и бёдер заставили меня сжать челюсть. — Твои простыни в полном беспорядке, — сказала она, встряхивая это спутанное облако волос, которое я так любил. — У тебя есть запасной комплект?

— У меня семь запасных комплектов.

Она остановилась и посмотрела на меня.

— У тебя восемь комплектов постельного белья? — Затем она подняла руки в воздух.

— О чём я думаю? Конечно, они у тебя есть. Нужна моя помощь со сменой белья?

— Нет. — Она думала, что я не хотел спать рядом с её ароматом мёда и миндаля? Я знал, что она использовала моё мыло, но будь я проклят, если оно хоть когда-либо пахло так хорошо на мне.

— Тогда ладно. Встретимся в машине. — Она пошла к лестнице и начала спускаться.

Чёрт. ЧЁРТ.

— Скайлар, подожди. — Я сел, проведя рукой по волосам. — Не уходи.

— Слишком поздно, засранец. — Она продолжила спускаться по лестнице, и я услышал, как она спрыгнула на пол.

— Чёрт! — Я ударил кулаком в матрас, жёстко. Затем я сделал это снова и снова. Я знал, что не должен был выплёскивать разочарование в себе на неё, но если бы я не отгородился от своих сомнительных мыслей, то они бы поглотили меня. Она бы поглотила меня. Я бы снова наивно думал, что способен быть человеком, которого эта женщина заслуживает, что способен любить её так, как ей бы этого хотелось. И я знал, я знал, что я не был таким.

Такой чертовски большой, грустный конец. Если бы я мог остановить это кровотечение на корню, то так бы и сделал.

Злой и грустный, я набросил свою одежду и запрыгнул в грузовик, где она уже ждала на пассажирском сидении, её ноги плотно сведены, руки скрещены. Я знал, что она действительно злилась, потому что она впервые молчала дольше пяти минут. Мы были практически у дома её родителей, когда она, наконец, сломалась.

— Мне жаль, — сказала она кратко, в её голосе был холод.

Я взглянул на неё, но её поза не изменилась.

— О чём ты сожалеешь?

— О том, что думала, что смогу это сделать. Всё слишком сложно. Ты слишком сложный. Ты слишком быстро переходишь от крайности к крайности.

Я поджал губы. Смотрел только вперёд.

— Это как раз то, что я имею в виду! — Она пристально смотрела на меня, а я не отрывал взгляд от дороги. — Если бы ты просто сказал мне, что происходит в твоей голове, возможно, я смогла бы помочь! — отрезала она.

Боже, она так бесилась. Как же я мог объяснить, что должен был держать её на расстоянии ради нашего общего блага?

— Ты говорил сегодня, что хочешь открыться мне. Просил дать тебе время. — Её голос немного смягчился. — И я этого хотела. Я была готова. Это ты попросил о большем сегодня ночью.

Она была права. Я почувствовал, как рушатся мои стены? И пытался сопротивляться.

— Послушай, это я. Это то, что я делаю. И если это слишком тебя расстраивает, то лучше покончить с этим сейчас.

— Покончить с чем? Мы даже и не начинали. — Она снова отвернулась от меня.

Через несколько минут я подъехал к дому её родителей. Она положила руку на дверную ручку до того, как я остановил грузовик.

— Если ты просто хотел секса, Себастьян, мог бы так и сказать, — горько сказала она.

— Ты отличный любовник.

Затем она выпрыгнула, захлопнула дверь и гневно зашагала к своему маленькому домику. Когда она исчезла внутри, даже не вытащив ключ, я понял, что она не заперла дверь этим вечером.

«Чёрт возьми, Скайлар! Ты должна запирать свои двери!»

Свирепая потребность защитить её зарычала и врезалась мне под кожу, и я дважды ударил по рулю, борясь с желанием пойти и убедиться, что сейчас она была в безопасности.

Желание победило. В ярости, я подошёл к её двери и дёрнул за ручку. Закрыто.

— Пошёл на хрен! — послышался её крик изнутри. — Уходи!

Вернувшись в грузовик, я развернул его в обратном направлении и сорвался с места, уезжая.

Когда я вернулся домой, было уже за полночь. Я направился прямо на чердак, туда, где всё ещё оставался её аромат. Сняв с себя одежду, я лёг животом вниз на простыни, где она без лишних вопросов отдалась мне. Я закрыл глаза, и появилась она... знойная и дерзкая, когда она оседлала меня в грузовике, дрожащая и сладкая, когда она лежала со мною в гамаке, горячее, чем ад, когда она растянулась подо мной в моей постели.

Обиженная и сердитая во время поездки домой.

С стоном, я дважды ударил подушку и перевернулся на спину, глядя на склоненный потолок, когда возмущение прокралось в мои мысли.

Она действительно думала, что я использовал её только для секса? Как она могла, когда я признался ей, о своих чувствах десятилетней давности? Когда я сегодня сказал ей, что хочу открыться ей, но мне нужно было время? Она подумала, что я не придавал значения своим словам?

Всё было так, словно девушка сказала, что понимала о необходимости дать парню время, а затем начала требовать рассказать о его чувствах по любому поводу. Какого чёрта она от меня ожидала? Я сказал ей до того, как всё произошло между нами, что я был плох в отношениях и не был заинтересован в них. Что ещё я мог ей сказать? Если она не хотела больше тусоваться вместе, тогда ладно. Хорошо. Я не нуждался в ней. Мне никто не был нужен. Лучше быть одному, чем постоянно разочаровывать кого-то.

По крайней мере, она думала, что я отличный любовник.

20 глава

Скайлар

— Bay. Ты выглядишь немного помятой. Долгая ночка? — Натали подняла брови с намёком.

— Вроде того. — Вяло, я расставляла кофейные чашки за прилавком. Я практически не спала и так устала, что когда зазвенел будильник, я едва не взяла отгул по болезни.

— Ты повеселилась? — Натали подталкивала меня к разговору, выкладывая кексы на витрину.

— Да, — вздохнула я. — А потом нет. Мне нужен кофе.

— Угощайся. — Она кивнула в сторону кофейника. — Почему нет?

По мере того, как мы выполняли нашу утреннюю работу, я рассказала ей о том, что узнала о Себастьяне за последние пару дней — о его обсессивно-компульсивном расстройстве, страхе навредить людям, его прошлом, его хижине, его семье, его нежелании вступать в отношения, его давней влюблённости в меня... Обо всём, что знала.

Я даже рассказала ей о том, что подсмотрела в его тетрадь.

Она ахнула.

— Что? Это ужасно! Не могу поверить, что ты так поступила!

Я состроила гримасу.

— Знаю. Мне не следовало так поступать. Но мне было так любопытно, и он не стал бы со мной разговаривать! И теперь точно уже не заговорит.

Она выглядела сбитой с толку.

— Что ты имеешь в виду? Ты только что рассказала мне кучу информации о нём. Разве не он рассказал тебе всё это?

Мой подбородок скользнул вперёд.

— Ну, да, он рассказывает мне об этом. Но он не... — остановилась я. Он рассказал мне, но не так уж и много. — Ладно, дело не в том, что он больше не заговорит со мной, дело в том, что он произносит все эти сладкие, сумасшедшие речи, а затем что-то происходит, и он паникует и превращается в мудака. Он бросается из крайности в крайность.

— Что именно происходит? — спросила она, поднимая брови.

Я вздохнула. Конечно, она сосредоточилась на этой части.

— Секс.

Она ахнула.

— У вас был секс?

— Да. И это было потрясающе, — грустно сказала я. — Лучшее, что у меня когда-либо было.

— Bay. — Стали заходить первые клиенты, так что нам пришлось работать, но мы договорились пропустить по стаканчику и поговорить вечером, и я написала Джиллиан, чтобы та тоже присоединялась к нам.

Всё утро и весь день я размышляла о том, что произошло, и к тому времени, когда мы закрыли кафе, я признала, что прошлой ночью хороших моментов было намного больше, чем плохих. Неужели я затеяла скорую из-за преждевременных выводов? Всё, что он сделал, это предложил отвезти меня домой.

Но нет. Нет.

Я могу с уверенностью сказать, в нём что-то поменялось после нашего последнего раза в его комнате. На самом деле я не думала, что он использовал меня ради секса — я сказала это только для того, чтобы задеть его. Но что-то произошло, и к концу ночи он просто закрылся. Парень, который отвёз меня домой, был не тем парнем, с которым я лежала в гамаке.

Так кто же это был? И как я могу вернуть другого?

После того, как мы закрылись, я пошла домой и крепко заснула. Когда я проснулась, я чувствовала себя более отдохнувшей, но так и не поняла, почему Себастьян отталкивал меня. Возможно, у моих сестёр были какие-то догадки.

Мы встретились в «Траттории Стелла» в семь и сели в баре, Джиллиан расположилась по одну сторону от меня, а Нат — по другую.

— Так что новенького? — Джиллиан пожала плечами в своём пиджаке. Одетая в брюки, туфли-лодочки и шёлковую блузку без рукавов, она выглядела профессиональной и зрелой, и рядом с ней я сразу почувствовала себя ребёнком в своих рваных джинсах и сандалиях.

«Хватит глупить. Дело ведь совсем не в одежде».

— Прошлой ночью у Скайлар был потрясающий секс, — затаив дыхание, объявила Натали, прислонившись локтями к барной стойке. — И она собирается рассказать нам об этом.

— Потрясающий секс. И как это? — мечтательно спросила Джиллиан, поднимая винную карту.

— Я тоже не знаю, — ответила Натали.

— Почему? — посмотрела я на неё. — Из-за тех сообщений?

Натали пожала плечами, её рот сомкнулся в мрачную линию.

— Он говорит, что это ничего не значит. Думаю, у нас сейчас просто затишье.

— Казалось, что всё было хорошо на ужине прошлым вечером, — предположила Джиллиан. — И, говоря об ужине. — Она толкнула меня. — Я так понимаю, потрясающий секс был с Себастьяном, с парнем, которого ты привела к маме и папе?

Я резко кивнула.

— Ты не выглядишь слишком счастливой. — Джиллиан склонила голову. — Что случилось?

Мы заказали вино и закуски, и пока мы ели и пили, я выболтала Джиллиан историю, которую рассказала Натали сегодня днём.

— ОКР — это на самом деле жёстко. У меня есть несколько таких пациентов. — Джиллиан покрутила последнюю унцию шардоне в своём бокале. — И от этого невозможно полностью излечиться.

— Знаю. Он сказал то же самое. — Я откусила кусочек кальмара и даже не почувствовала вкуса. — Но разве именно ОКР так влияет на его перемены настроения? В одну секунду он милый, разговорчивый и смеющийся, а в следующую он ведёт себя как мудак.

Джилли пожала плечами.

— Такое возможно. Навязчивые импульсы могут всплывать в любое время, или они могут быть у него постоянно. Если он борется с чем-то в своей голове, у него, возможно, не получается просто игнорировать это, и он продолжает разговаривать с собой. Возможно, молчание — это одна из его стратегий бороться с мыслями вместо того, чтобы пытаться подавить или избежать их.

— Да. — Я положила свою вилку, чувствуя себя сытой, хотя я едва поела. — Полагаю, в этом есть смысл.

— Он говорил что-нибудь о невесте? — спросила Натали.

— Немного. — Я не хотела вдаваться в подробности, о том, что он рассказал мне об их расставании — на самом деле, мне почему-то хотелось сохранить это в секрете.

— Может быть, он всё ещё любит её? — предположила Джиллиан.

— Нет, не думаю, что это так. — Внезапно мне просто захотелось вернуться домой, в свою кровать.

— Возможно, он позвонит тебе, чтобы извиниться, — сказала Натали, её большие голубые глаза были полны сочувствия.

— У него даже нет моего номера. И он уже извинился. — Моё горло сжалось, что рассердило меня. Почему я должна плакать из-за него? — Он просто больше ничего не сказал.

— Ну, а что ты хотела, чтобы он сказал? — Джиллиан смотрела на меня, как будто я была немного сумасшедшей. — У вас, можно сказать, было первое свидание, так ведь? Может, ты ожидаешь слишком много от него.

— Просто забудь, — огрызнулась я. — Это явно ничего не значило. — Мне было стыдно из-за того, что была такой вспыльчивой, когда мои сёстры всего лишь пытались помочь, но с каждой минутой я становилась всё более подавленной. Без весёлого, отвлекающего Себастьяна на горизонте, я вернулась туда, с чего начала.

21 глава

Себастьян

На следующий день после того, как я переспал со Скайлар, у меня была встреча с Кеном, на которую я не хотел идти. На самом деле, я практически отменил её, но потом вспомнил, как легко было вернуться на прежний путь и придумывать этому оправдания. Я избегал терапии в прошлом из-за чего-то, с чем не хотел сталкиваться, но от этого моё состояние, как и всё остальное в моей жизни, становилось только хуже.

Поэтому, после длительной прогулки в парке «Олд Мишен Поинт» и быстрой тренировки в тренажерном зале, я принял душ, оделся и пошёл к нему в офис.

— Я переспал кое с кем прошлой ночью, — заявил я, рухнув на диван в его офисе.

Кен, который ещё даже не присел, немного опешил от моего способа начать разговор, но вскоре пришёл в себя, опустившись в своё кожаное кресло.

— О?

— Да. Та девушка, о которой я упоминал пару недель назад. Та, в которую я раньше был влюблён. — Я смотрел на свою старую пару джинсов, которую стирал уже так много раз, что синяя ткань выцвела как раз до такого оттенка, который мне нравился.

Он перевернул страницу блокнота.

— Это к ней ты собирался снова подойти, потому что в первый раз потерпел неудачу?

— Да. Я подошёл к ней на следующий день. — Я всё ещё мог видеть приятное удивление на её лице, когда она подбежала к двери, чтобы впустить мою промокшую задницу.

— Насколько я понял, всё прошло хорошо. — Интонация Кена была забавной.

— Да, — нахмурился я. — Слишком хорошо.

— Как так?

— Я встретился с ней во вторник вечером, вчера я провёл с ней почти весь день, а затем прошлой ночью мы... — Я почесал щетину на своём подбородке, вспоминая ощущение её атласной кожи на моём лице. — Ну знаете.

Его выражение лица оставалось серьёзным.

— Продолжай.

— Сначала я был обеспокоен мыслями о том, что мог причинить ей вред, и я не могу сказать, что эти мысли полностью исчезли. Но в течение дня их вытеснило... я не знаю. Желание.

— Желание чего?

— Быть кем-то другим.

«Быть таким парнем, который может прикасаться к ней каждый день без страха. Быть таким парнем, который может сесть в самолёт и слетать с ней в какое-то романтическое место. Быть тем парнем, чей разум не утверждает, что его сердце ошибается».

— Быть особым.

Его плечи приподнялись.

— Похоже, ты ей нравишься таким, какой ты есть. Знает ли она о...

— Да, — перебил я. — С самого начала я рассказал ей о своих тревогах и о том, почему мне трудно находиться рядом с ней, — вздохнул я, закрыв глаза на секунду. — Она сказала, что готова попробовать.

— Хорошо. — Он сел поудобнее и надвинул очки на узкую переносицу. — Так почему же тебе хочется быть кем-то другим?

— Я хочу быть кем-то, кто смог бы сделать её счастливой, — сказал я, скрестив руки и сжав кулаки от безысходности. — А я не смогу, потому что мой разум не позволит мне.

— В твоей голове намного больше, чем ОКР, — напомнил мне Кен. — Намного больше, чем это.

Я изучал свои ноги, представляя, что она их оседлала. Чёрт. Я снова закрыл глаза, но её образ не покидал меня.

— Я не тот, кто ей нужен. Она заслуживает кого-то получше или, по крайней мере, кого-то нормального, и скоро она это поймёт. Она может быть с кем угодно. Зачем ей хотеть меня?

Кен закинул ногу на ногу.

— Так позволь ей принять это решение. Между прочим, страх близости это не ОКР. Как и боязнь отношений. Нет никакой причины, по которой ты не можешь дать этому шанс, Себастьян.

— Вообще-то, есть, — сказал я раздражённо. У Кена, вероятно, есть жена и трое детей, и он думал, что всё так чертовски легко, когда встречаешь кого-то, с кем хочется быть. — Всё моё существование и есть та самая причина. Всё это дермо в моей голове. Она говорит, что я ей нравлюсь, но она также сказала, что я разочаровываю и сбиваю её с толку. Это дермо не исчезнет.

— Она озадачена твоими мыслями? Твоими навязчивыми идеями?

— Нет, я думаю, что, в конце концов, и они доберутся до неё, но сейчас всё дело в переменах моего настроения. Моё молчание. Всякий раз, когда я чувствую, как мои стены рушатся, я ухожу в себя и отталкиваю её. Но это необходимо, потому что я знаю, чем всё это закончится.

Кен нахмурил лоб, отложил свой блокнот в сторону и скрестил руки на груди также, как и я.

— Я не уверен, что понимаю тебя. Ты боишься причинить ей физический вред? Вот почему ты отталкиваешь её? Или ты боишься эмоционально привязаться к ней? Это две совершенно разные вещи. Давай выясним, с чем мы имеем дело.

Я сомневался. Какая-то часть меня не хотела признаваться Кену в том, что я боялся ради собственного блага, — что я представлял себя влюблённым в Скайлар, что я уже наполовину был влюблён в неё, и что я не смогу справиться со всем этим, и, потеряв её, я буду уничтожен.

— Что произойдёт, когда у меня будет плохой день? — спросил я. — Когда из-за меня нам придётся пропустить ужин уже в десятый раз, потому что мне снова нужно будет проверить замки, когда мы уже на полпути? Что произойдёт, когда она попросит меня нарезать индейку на День Благодарения, и я не смогу взять грёбаный нож из-за боязни заколоть кого-то этим ножом? Что произойдёт, когда ей нужно будет куда-то полететь в нечётный день, и я упаду на колени в аэропорту и буду умолять её не садиться в самолёт?

— Я не знаю, Себастьян. Потому что это просто твои страхи. Это не реально. И ты способен справиться со всем этим.

— Ну, я знаю, что произойдёт. — Я посмотрел Кену прямо в глаза. — Я сведу её с ума. Она уйдёт.

— Но такого не было с твоей предыдущей девушкой, не так ли? — напирал он. — Это ты порвал с ней. Ты осознал, что на самом деле не хочешь жениться на Диане. Это означает, что твои сомнения противоречат твоим истинным чувствам. Это не ОКР, Себастьян. Это попытка уберечь себя от ошибок. — Он поднял руки. — Теперь. Возможно, ты посмотришь на вещи иначе, но это совсем другое дело.

Мой взгляд снова опустился на ноги, и я тихонько заговорил.

— В конце концов это не сработает. Я не знаю, каким образом всё это осуществить. Она уйдёт, Кен. Я знаю, что она сделает это.

— А потом ты снова останешься один, — сказал Кен. — Вероятно, навсегда.

— Именно.

— Потому что ты — ужасный человек, который не заслуживает счастья.

Я кивнул. Этот парень знал меня слишком хорошо. Это чертовски раздражало.

— Чушь собачья, Себастьян.

— А?

Он пожал плечами.

— Полнейшая чушь. Если бы ты действительно считал себя ужасным человеком, то ты бы не говорил о ней сейчас. Ты бы уже сдался и спрятался где-нибудь, чтобы провести всю оставшуюся жизнь одиноким и несчастным. И ты знаешь, каким образом всё осуществить, — ты просто боишься.

Я промолчал, не увереный в том, стоит ли мне сказать Кену, чтобы тот отвалил или позволить ему говорить дальше.

— Правда в том, что ты позволяешь чувству вины из прошлого и страху будущего портить ещё не начавшиеся отношения, хотя, тебе действительно нравится эта женщина, и ты ей тоже нравишься. — Он снова приподнял очки и наклонился вперёд, положив локти на колени. — Но ты должен рискнуть, Себастьян. Ты должен быть готовым потерпеть неудачу. И для этого требуется мужество.

Мои руки опустились. Он назвал меня трусом?

— Мне хватает мужества, — сказал я оборонительно. — Я просто пытаюсь всё обдумать. Я не хочу совершать те же ошибки, что и раньше, Кен. Эта девушка... особенная для меня. Она другая. — Я вздохнул. — Она идеальная.

Кен покачал головой.

— Никто не идеален. Ни она, ни ты, ни я... Я даже не считаю, что это всё является результатом ОКР. По большей части, похоже на то, что мужчина просто боится позволить себе быть эмоционально уязвимым с женщиной, которая ему небезразлична. — Он криво улыбнулся. — История стара как мир.

В тот же день я плыл на лодке по заливу и размышлял о том, что сказал Кен. Был ли он прав? Возможно, меня останавливает простой страх быть отверженным, а не ОКР? Как он вообще мог знать наверняка? Он не слышал тот голос в моей голове, который заставлял меня во всём сомневаться. Боже, я бы всё отдал за чёртову уверенность хоть в чём-то.

Правда была в том, что я не хотел быть замкнутым и несчастным всю оставшуюся жизнь. Возможно, я думал, что могу быть один, но это было до того, как я понял, каково это быть со Скайлар, чувствовать такую связь с кем-то. И дело было не только в сексе — ну, в нём тоже — дело было также в эмоциях. Она заставила меня поделиться с ней тем, о чём я никогда не говорил, не считая терапии. Она заставила меня изменить мой стиль жизни. Она заставила меня хотеть быть достойным её или хотя бы попытаться.

Но я уже облажался... Сможет ли она простить меня, если я снова извинюсь?

Наверное. Она была таким человеком. Но она, возможно, не захочет дать мне ещё один шанс, пока не будет уверена в том, что я не поступлю так снова. И как, чёрт возьми, я смогу убедить её, когда я сам ни в чём не уверен?

Всё, что я могу сделать, это хорошенъко постараться, и я дал себе слово, что так и поступлю. Затем, до боли в мышцах, я начал усердно гребти в сторону хижин.

На следующий день я провёл утро в офисе своего отца, работая с некоторыми файлами, которые он мне поручил. А днём я подменял за стойкой регистрации его ассистентку Лорен, которой нужно было забрать со школы своего больного ребёнка. Мой отец предложил нанять временного сотрудника, но я заверил его, что справлюсь с работой. Основную часть времени я думал о том, что мне сделать для Скайлар, о том, как мне загладить свою вину за то, что вёл себя как козёл. Я до сих пор не пытался связаться с ней, но у меня появилась кое-какая идея.

Около трёх часов дня в офис зашла пара, которую я никогда раньше не встречал. Она была маленькой, но с пышными формами, как и Скайлар, у неё была пышная копна вьющихся светло-каштановых волос и дружелюбная улыбка. Он был темноволосым,

немного выше своей жены — я заметил, что они оба носили кольца — но, по правде говоря, он не был высоким парнем. Я задавался вопросом, беременна ли она, потому что как только они вошли в вестибюль, она опустилась в кресло и положила обе руки на живот.

— Уф, — сказала она, закрывая глаза.

— Ты в порядке? — спросил парень, положив руку под её подбородок. — Я могу отвезти тебя домой, Миа. Тебе не обязательно присутствовать на этой встрече.

— Я в порядке, просто кружится голова. Мы уже здесь, так что давай покончим с этим.

Он выпрямился и подошёл к стойке.

— Привет. У нас встреча с Малкольмом Прайсом в три пятнадцать. Лукас Фурнье.

Я заметил, что у него был лёгкий акцент.

— Конечно. Я сообщу ему, что вы здесь. — Но после того, как я провозился со сложным телефоном за стойкой Лорен в попытке воспользоваться интеркомом, я сдался. — Ладно, забудьте об этом. Я просто схожу туда и скажу ему.

— Благодарю. — Он улыбнулся, но быстро переключил своё внимание на жену.

Я спустился по коридору и постучал в открытую дверь Малкольма.

— Твои клиенты уже здесь. Фурнье?

— О, верно. Чёрт. — Он отодвинулся от стола, на котором был полный беспорядок. Его неорганизованность сводила меня с ума. Как, чёрт возьми, он мог найти хоть что-нибудь в этой куче дерья? — Мне нужна пара минут. Я встречусь с ними в конференц-зале. Ты можешь проводить их?

— Конечно.

— Огромное спасибо. — Он встал и поправил галстук перед тем, как собрать какие-то бумаги.

Вернувшись назад, я увидел Лукаса Фурнье, который сидел рядом с женой, держа её руку в своей.

— Малcolm скоро будет, — сказал я им. — Тем временем, я проведу вас в конференц-зал. Я — Себастьян, брат Малкольма.

— Приятно познакомиться. — Лукас встал и пожал мне руку, прежде чем помочь своей жене медленно подняться с кресла. — Это моя жена, Миа.

— Привет. — Она также пожала мне руку. — Извини, что моё лицо зеленоватое. Эта беременность убивает меня.

— О. — Я не знал, что сказать. — Могу я вас поздравить? — попытался я.

Она улыбнулась.

— Безусловно.

— Сюда, пожалуйста. — Я провёл их в конференц-зал, и принёс каждому по бутылке воды из холодильника на кухне.

— Спасибо, — с благодарностью сказала Миа, откручивая пробку и жадно поглощая воду. — Мне всё время хочется пить.

— Это из-за того, что ты слишком много работаешь, — ворчал её муж. Тем не менее, он был спокойным. — Тебе нужно нанять помощника.

— Да, я знаю. Никак руки не доходят до этого. И я пока не нашла никого, кому можно доверять, ведь мне же нравится, когда всё сделано определенным образом. — Она снова запрокинула бутылку с водой и, вероятно, не увидела, как он закатывает глаза.

— Да, я знаю. Но ты сказала, что наймёшь кого-нибудь к концу месяца, а если нет, то это сделаю я.

— Чем вы занимаетесь? — спросил я из вежливости.

— Мы владеем виноградниками «Абеляр», — ответил он, доставая бумажник и протягивая мне визитную карточку.

— О, мило. — Я изучил карточку, и что-то щёлкнуло в моих мозгах. — Я слышал об этом. Несколько лет назад вы заменили другую винодельню, верно?

— Да, и купили какую-то прилегающую к ней недвижимость, и поэтому мы здесь. Идут споры по поводу границы участка с соседней фермой, и мы уже засадили эту спорную территорию. — Лукас взглянул на свою жену. — Мы также расширяем наш дегустационный зал и расписание мероприятий на лето, поэтому сейчас нам нужно нанять больше помощников.

Она проигнорировала его.

— Могу ли я воспользоваться вашей ванной комнатой?

— Конечно. — Я указал направление позади себя. — Она находится в конце коридора, слева.

— Благодарю. — Она посмотрела на Лукаса. — Сейчас вернусь.

Он наблюдал, как она уходит, покачивая головой.

— Она только что была у врача. Это безумие.

Я понятия не имел, что ответить. Какие подходящие комментарии я мог отпустить по поводу мочевого пузыря его жены? К счастью, он спас меня.

— Это наш третий, и, казалось бы, что уже пора привыкнуть ко всему этому.

— Ого. Трое. — Я никогда не представлял себя с детьми, и Диана не хотела детей, поэтому я не мог представить жизнь с одним ребёнком, не говоря уже о трёх.

— Да, поэтому ей нужен помощник. Но она чертовски упрямая. — Он покачал головой.

— Какая именно помощь нужна вашей жене? Я знаю кое-кого, кто был помощником менеджера дегустационного зала в «Риварде», но она хочет делать нечто большее.

— Правда? — Лукас выглядел заинтересованным. — Чем она теперь занимается?

— Сейчас она работает в «Дарлинг». Это кофейня её сестры. Но я знаю, что она хотела бы заняться чем-то другим.

Он кивнул.

— Я знаю это место. У них хорошие круассаны. — Вытащив свой бумажник снова, он дал мне ещё одну карточку. — Это визитка Миа. Передайте это ей, и пусть она позвонит Миа, чтобы назначить собеседование. — Он неожиданно улыбнулся. — Хотя моя жена такая придирчивая и угрюмая в эти дни, я едва ли хочу отправлять вашу подругу в логово льва.

— Она сможет справиться с дурным настроением, — заверил я. — И я думаю, что вашей жене понравится Скайлар — она красива, умна, и усердно работает.

Лукас ухмыльнулся.

— Её фамилия Прайс?

— Ах. Нет. — Кончики моих ушей горели. — Её фамилия Никсон.

— Ну, чего же вы ждёте, Прайс? Женитесь на этой девушке. — Его ухмылка стала шире, прежде чем он снова запрокинул бутылку с водой.

Я потёр заднюю часть шеи, которая также внезапно стала горячей.

— Да, наверное, ещё слишком рано. У нас было только одно свидание.

Мия вернулась в комнату, и увидев её, глаза Лукаса загорелись.

— Иногда этого более, чем достаточно, — сказал он.

22 глава

Скайлар

В субботу, перед Днём памяти, который также был днём встречи выпускников, я ушла с работы немного раньше и перенесла свои вещи в родительский дом.

Вернувшись в свою старую комнату, я подключила к розетке ноутбук и телефон, засунула несколько коробок под кровать, повесила платья, юбки, блузки и пальто в шкаф и сложила обувные коробки под ними. Нижнее бельё, носки, пижамы, штаны и топы, одежду для тренировок и пару купальников я разместила в ящиках своего старого комода. Я старалась не быть слишком подавленной из-за необходимости жить с родителями, но это давалось мне с трудом. Каждый шорох ящиков комода и каждое поскрипывание пружин старой кровати напомнили мне о том, что я вернулась прямо туда, где находилась десять лет назад. Даже запах дома не изменился — полироль для мебели и пирог. В духовке всегда были пироги, потому что моя мать продавала их на маленькой ферме у дороги.

Как только все вещи были распакованы и разложены по местам, я вернулась в гостевой дом и помогла маме тщательно прибраться там. Она похвалила меня за всё, что я сделала с ним: от цвета краски до постельного белья и до небольших штрихов, таких, как выдвижные ящики. Она также поблагодарила меня за мой тяжёлый труд. Судя по тому, как мама необычно смотрела на меня, я была уверена, что она подозревала, что со мной что-то не так. Когда мы были детьми, она использовала этот взгляд перед тем, как проверить, был ли у нас жар.

— Всё в порядке? — спросила она после того, как я вздохнула в миллионный раз, взглянув на меня сквозь окно, которое она мыла.

— Нормально. — Я продолжала вытираять столешницы.

Она молчала с минуту, её тряпка скрипела на стекле.

— Себастьян — хороший парень. Он пойдёт с тобой на встречу выпускников?

— Нет.

— Почему нет? Я думала, что вы закончили школу в одном году.

— Так и было. Он не хочет идти. — Я закончила со столешницами и перешла к духовке, которой я даже не пользовалась, потому что я действительно не умела готовить. Ещё один навык, которого у меня не было.

— О. Что насчёт Дэни и Кристен?

— У них не получится попасть на встречу. Дэни должна родить где-то через две недели, а у Кристен в гостях родственники.

— Значит, ты пойдёшь туда одна?

— Наверное.

Она прекратила своё занятие и зашла на кухню.

— Ты не особо рада по этому поводу.

— Нет.

— Так зачем тебе вообще идти?

Я пожала плечами.

— Может быть, не пойду.

— Скайлар.

Я наконец повернулась и посмотрела на неё.

— Что с тобой? — Она нахмурила брови. — Ты сама не своя.

Выдохнув, я прислонилась к духовке.

— Я просто пытаюсь кое-что понять, и это меня напрягает. Я не жду с нетерпением встречи выпускников, потому что мне стыдно из-за съёмок в «Оседлай лошадь» и всех этих разрушительных последствий. К тому же, я не сделала ничего другого, о чём стоило бы рассказать.

— Ты сделала так много всего! — Она взмахнула рукой. — Ты путешествовала, жила в Нью-Йорке, была на телевидении... Сколько людей смогли бы похвастаться этим?

— Я не знаю. Не похоже на то, что я многоного добилась, учитывая, какие планы у меня были. — Я бросила тряпку на столешницу. — Или по сравнению с тем, чего добились Нат и Джилли. Я просто чувствую себя идиоткой, ясно? Вот что со мной.

— Скайлар Элизабет Никсон, послушай меня, — сказала она так громко, что мне пришлось встретиться с ней взглядом. — Я не воспитывала никаких идиотов, и, что более важно, я не учила свою девочку так говорить о себе. Итак, ты отправилась в Нью-Йорк в погоне за мечтой, но ничего не произошло. И что с того? Ты знаешь, что я всегда говорю о неудачах.

— Они закаляют характер, — пробормотала я.

— Верно. Неудачи закаляют характер, а характер — это то, что тебе нужно прямо сейчас. Характер и уверенность. Это не так уж и много! Ты думаешь, что ты первая провинциалка с горящими глазами, которая разочаровалась в реальности, пытаясь добиться чего-то в этом мире?

— Нет, — процедила я сквозь зубы.

— Конечно же, нет, потому что ты не глупая. Всю жизнь тебе говорили, какая ты особенная, но правда заключается в том, что ты такая же, как и все остальные, дорогая. Это означает, что иногда ты получаешь то, чего хочешь, а иногда — нет. Иногда ты получаешь это только для того, чтобы понять, что это не то, чем казалось. Это всё часть путешествия. Понимаешь?

— Да, — ответила я несмотря на то, что часть меня негодовала: «В каком это смысле я не особенная?» Разве мать должна говорить такое?

— Хорошо. Ты можешь пойти на встречу выпускников этим вечером и гордиться тем, кто ты есть, Скайлар. Ты — красивая девушка с добрым сердцем и большим потенциалом. Господи, если бы у всех нас были ответы к двадцати семи годам, жизнь была бы довольно скучной, тебе так не кажется?

Я поджала верхнюю губу.

— Ненавижу скучу.

Она рассмеялась и подошла к стойке, чтобы обнять меня. Я была не против, поэтому обернула свои руки вокруг её талии и утешилась в исходящем от неё запахе пирога и средства для мытья окон.

— Ты всегда ненавидела это. Иди, повеселись сегодня. Ты сможешь подумать о жизненных возможностях завтра.

Вечер встречи выпускников проводился в «Корнер Лофте» в центре города. Я готовилась к встрече в своей старой спальне, было такое ощущение, будто я собиралась на выпускной, только вот без партнёра. Почувствовав себя более ответственной, я решила вернуть наряд, который купила для встречи выпускников, и надеть что-нибудь из своего гардероба — отличное маленькое чёрное платье с короткими рукавами и длиной до середины бедра. Оно выглядело немного скромнее, чем наряды, которые я обычно надевала на вечеринки, но я и не была в таком уж праздничном настроении. В любом случае, для меня всё сводилось к обуви, и я надела чёрные лабутены с ремешками, высокими каблуками и атласными бантиками сзади.

Я заказала поездку в «Убер» до центра города, приехав пораньше, как и обещала, чтобы помочь с украшениями. Комитет встречи выпускников был уже там, они расставляли букеты по центру на столах, устанавливали фотокабинку и проводили тест фотомонтажа на огромном экране у стены.

Дженнифер Крэг, глава комитета, тепло поприветствовала меня. Мы не были близкими подругами, но я запомнила её как общительную отличницу.

— Выглядишь прекрасно, — сказала она. — Ты совсем не изменилась.

— Спасибо. Ты тоже прекрасно выглядишь. — Она была на позднем сроке беременности, но выглядела восхитительно в своём платье и балетках, и я даже завидовала тому, что она могла зачёсывать волосы в стиле Одри Хепберн. Мои уши делали меня похожей на моппета, когда я пыталась соорудить такую причёску.

— Чем я могу помочь?

Она вовлекла меня в работу, предложив расставить ароматические свечи, и когда всё было сделано, она попросила меня помочь передвинуть несколько столов, чтобы освободить место для танцев. Другие члены комитета поздоровались, и хотя никто не визжал от радости при виде меня, но никто также не плевал в мою сторону. Я начинала думать, что вечер пройдёт хорошо.

Я ещё больше расслабилась после парочки бокалов вина и даже смогла повеселиться, вспоминая с бывшими одноклассниками о школьных пьесах, любимых учителях, поездках с хором, парадах в честь выпускников и кострах. Возможно, я была немного осторожной, и всякий раз, когда я разговаривала с кем-то, старалась акцентировать разговор на прошлом, хотя некоторые, похоже, были больше заинтересованы в том, чтобы окунуться в старые времена, а не обсуждать свою текущую, повседневную жизнь. Лишь немногие спросили про «Оседлай лошадь», и когда я призналась, что почти всё, что они видели, было постановкой, они сказали (к моему большому облегчению), что они это поняли, поскольку я никогда не вела себя подобным образом в школе, затем мы продолжили общаться на другие темы. (Всего лишь один проныра спросил о механическом быке, но после этого я быстро отлучилась в дамскую комнату).

В течение вечера я поняла, что действительно получала удовольствие, слушая о разных жизненных путях, которые выбрали мои одноклассники, и я совсем не огорчалась по поводу их счастливых браков или очаровательных детей, или профессиональной жизни. На самом деле, я была искренне рада за них. Некоторые были разведены, у кого-то были неудачные стартапы и даже пошел слух, что кто-то завёл пикантную интрижку, поэтому я не чувствовала себя так уж ужасно из-за своих ошибок или отсутствия жизненных ориентиров. Когда люди спрашивали, чем я сейчас занимаюсь, я просто говорила, что переехала в Нью-Йорк на некоторое время, но соскучилась по дому и семье, поэтому сейчас работаю с Натали и на семейной ферме пока не пойму, что делать дальше.

Ни капли не осуждая, те одноклассницы, которые состояли в браке и имели детей, немного завидовали тому, что у меня было так много времени для себя, и что всевозможные перспективы всё ещё были открыты для меня. Я улыбнулась и согласилась, но про себя я подумала, что было бы неплохо уделять кому-то немного времени. Это заставило меня задуматься о Себастьяне, и мне стало интересно, чем он занимается этим вечером. От него не было никаких вестей с тех пор, как я выбралась из его грузовика три дня назад.

— Я серьёзно, ты могла бы завтра сорваться и отправиться в Рио или куда-нибудь ещё, и никто бы даже не побеспокоил тебя, — сказала мне Кейтлин Вицке, хотя её взгляд был прикован к кому-то позади меня. — Ох! Это же Сэм Шатко. Выглядит паршиво. Слышала о его жене? Поговаривают, что она трахает его босса. Можешь себе представить?

— Нет. Не слышала об этом, — пробормотала я. Мы с Кейтлин тусовались с одной и той же популярной компанией ребят, но я помню, что даже тогда она всегда сплетничала. Мне и тогда это не нравилось, а теперь это казалась ещё менее приемлемым.

— В любом случае, я не могу даже сходить в ванную комнату, потому что мальчики всё время преследуют меня. Душ в одиночестве кажется сейчас раем. И кстати о небесах, кто этот бог?

— А?

— Этот парень прямо за тобой. Он великолепен. Он учился в нашей школе?

Сбитая с толку, я оглянулась через плечо и увидела Себастьяна, он шёл сквозь толпу и смотрел прямо на меня. Я затаила дыхание — он выглядел словно бог. Великолепный, серьёзный и полностью сосредоточенный на мне. Одетый в тёмно-синий костюм и белую

рубашку без галстука, он ловил на себе каждый женский взгляд, когда шёл по залу. Мои внутренности сжались.

Подождите, я злилась на него. Я прищурила глаза.

Но когда он подходил ближе, и я увидела неловкое, почти болезненное выражение его лица, я поняла, что не смогу отмахнуться от него, когда он окажется рядом со мной.

Тем не менее, прошло уже три дня. Я могу заставить его попотеть ещё пять минут. Я повернулась к Кейтлин.

— Ты знаешь его? — прошептала она, глядя мне через плечо своими тёмными, огромными глазами.

— Эм-м-м. — Я небрежно поднесла бокал вина к губам, стараясь не выдать сильное сердцебиение. Через мгновение я почувствовала тепло его тела за спиной.

— Привет. — Его низкий голос прозвучал в моём ухе.

Дрожь поднялась по позвоночнику. Я оглянулась на него через плечо.

Затем я ждала.

Извинений. Ждала, что он спросит, как мои дела или скажет, что ему приятно меня видеть. Чего-нибудь, что показало бы, насколько он сожалел о том, что ранил мои чувства. Секунды ускользали, а он молчал, поэтому я снова посмотрела на Кейтлин, которая стояла, разинув рот.

— Извини. Ты что-то говорила?

Затем я почувствовала это — его лоб мягко опустился на мой затылок. Моё сердце сжалось, но я отказывалась сдаваться. Далее, я почувствовала руку на бедре, услышала, как он шепчет моё имя, и поняла, что я пропала.

Кейтлин уставилась на меня.

— Это твой муж, Скайлар?

— Нет. Это Себастьян Прайс. Себастьян, ты помнишь Кейтлин Вицке, она раньше была Кейтлин Эллис? — Он не шевелился. — Поздоровайся с милой леди, Себастьян, — сказала я решительно.

Вздохнув, он вышел из-за моей спины и протянул руку.

— Привет.

— Привет, — неуверенно сказала Кейтлин, пожимая руку. Могу сказать, что она изо всех сил пыталась вспомнить его, так же, как и я после нашей первой встречи. И было очевидно, что она поняла, кем он был, потому что её глаза сощурились, а рот снова открылся в изумлении.

— Погоди-ка, ты же Себастьян Прайс из нашего выпуска, не так ли?

Он кивнул, с каждой минутой ему было менее комфортно. Он казался таким несчастным, что я была не в силах злиться на него и взяла его за руку.

— Себастьян вернулся сюда около года назад, и мы столкнулись с ним в кафе «Дарлинг». Теперь он — адвокат.

— О, — сказала она, немного оправившись. — На какую фирму ты работаешь?

— На фирму моего отца.

Она ожидала, что он продолжит разговор, но он этого не сделал, поэтому мне пришлось вмешаться, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Эй, ты не мог бы принести мне ещё бокал белого вина, Себастьян? — попросила я.
— Этот уже пустой.

— Конечно. — Он взял мой бокал. — А после, возможно, мы сможем поговорить?

— Ладно.

Он посмотрел на Кейтлин.

— Могу я принести тебе чего-нибудь?

— Нет, Спасибо. — Она подняла наполовину полный стакан. — Я в порядке. — Как только он оказался за пределом слышимости, она набросилась на меня. — Боже мой! Это правда Себастьян Прайс? Тот чокнутый? Ребята, вы встречаетесь? Он такой горячий! Он, вроде, теперь нормальный?

Раздраженная словом «чокнутый», я нахмурилась уже к тому времени, когда она назвала его нормальным.

— Не говори так о нём. Он не был чокнутым, он был просто... застенчивым. И немного беспокойным.

Она отшатнулась от меня, скривив лицо.

— Мы говорим об одном и том же человеке? Он был совершенно сумасшедшим. Помнишь все те странные вещи, которые он вытворял? Пунктик по поводу мытья рук и то, как он расставлял все свои ручки и карандаши на парте на одинаковом расстоянии друг от друга, и что он не садился в нечётном ряду в классных комнатах? Я помню этот огромный скандал, в который он ввязался с мистером Парлатто из-за того, что не хотел сидеть в первом ряду. — Она поднесла вино к губам, её глаза горели в преддверии свежих сплетен.

— Он был настоящим чудаком.

Я была в ярости, мои ладони сжались в кулаки и упёрлись в бока.

— Я помню, как его дразнили за то, что он был немного другим, — огрызнулась я. — И сейчас я понимаю, как трудно ему было пройти через всё это в школе, не имея друзей. Жаль, что я не проявила больше сострадания, и думаю, нам всем следовало бы это сделать. Извини.

Я нашла Себастьяна в очереди в бар, он отмахивался от заигрываний пьяной Кэсси Каллахан, нашей королевы выпускного бала и руководительницы группы поддержки. Эта девушка, вероятно, даже не взглянула бы в его сторону десять лет назад. Внутри меня загорелся свирепый инстинкт собственника.

— Готов уходить? Мне нужно домой.

— Да, — ответил он. — Тебе больше не хочется вина?

— Нет. С меня хватит на сегодня. — Не сказав никому ни слова, я взяла Себастьяна за руку и потянула его сквозь толпу, понимая, что все смотрели на нас. В гардеробе Себастьян помог мне надеть пальто, затем оставил женщине два доллара на чай, прежде чем снова взять меня за руку. Моё сердце колотилось, когда мы спускались по лестнице, и у меня было отчаянное желание поцеловать его, обернуть свои руки и ноги вокруг него, накрыть его тело своим и защитить его, что было глупо. Даже на каблуках я была на пол фута ниже. И он был взрослым, великолепным, сильным мужчиной, не тем непонятным ребёнком, каким когда-то был... но всё же. Что-то внутри меня просто хотело остаться с ним наедине, обнять его, говорить с ним шёпотом, чувствовать его внутри себя и сделать так, чтобы он почувствовал себя хорошо. Он пришёл сюда ради меня, хотя и не хотел приходить. Даже понимая, что люди будут сплетничать и обсуждать его.

Мы не разговаривали, пока не вышли на пустой тротуар.

— Чёрт возьми, — сказал он, потирая затылок, когда мы завернули за угол. Его грузовик был припаркован на улице через несколько машин. — Как ты продержалась там так долго?

Я не отвечала. Вместо этого я встала перед ним и обернула свои руки вокруг его шеи, впиваясь в него страстным поцелуем. Мои ноги оторвались от земли, когда его руки сомкнулись за моей спиной.

— Так что ты здесь делаешь? — прошептала я ему в губы.

— Я пришёл за тобой.

Моё тело покалывало от его признания, но я хотела большего.

— Почему?

— Потому что мне очень жаль. — Он поставил меня на ноги и посмотрел в глаза. — Потому что дело было не только в сексе, а я обращался с тобой так, будто всё дело было только в нём. Я ошибался. — Опустив свои губы на мои, он поцеловал меня, прежде чем прошептать на ухо. — Дай мне ещё один шанс. Пожалуйста.

— О, боже, Себастьян. — Обхватив его лицо ладонями, я поднялась на носочках и посмотрела на него. — Похоже, у меня даже нет выбора. Я хочу тебя слишком сильно.

Он выдохнул, и я почувствовала его тёплое дыхание на своих губах.

— Пойдём ко мне домой. Останься на ночь.

Я поцеловала его губы.

— Да. — Затем его подбородок. — Да. — У основания его шеи. — Да.

23 глава

Себастьян

Каким-то образом мне удалось доехать до дома, хотя и не знаю как. С того момента, как я повернул ключ в зажигании, Скайлар расстегнула мой ремень, стянула штаны и сунула руку в мои боксеры.

— Отодвинь сиденье назад, — сказала она, вытаскивая мой член и лаская его пальцами.

Я сделал, как она просила, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что в поле зрения не было копов.

— Теперь езжай, — потребовала она. — Или я остановлюсь.

Застонав, я привёл грузовик в движение и попытался сосредоточиться на линиях, огнях, знаках, дорожном движении, а не на её руке, которая двигалась вверх и вниз по моему стволу, или на её большом пальце, который кружил на головке, или на том, как она наблюдала за тем, что делала, и лёгкий стон срывался с её губ. Кстати, о её губах.

Когда я повернул на тёмное, тихое шоссе полуострова, она расстегнула ремень безопасности и наклонилась ко мне.

— Осторожнее, — прошептала она. Прежде чем я смог остановить её, она откинула волосы за плечи, сжала мой член в кулак, а затем её голова опустилась мне на колени. Далее, я почувствовал, как её язык кружил вокруг кончика моего члена, как будто это был рожок мороженого, и она не хотела проронить ни капли. Ох, чёрт, чёрт, теперь я представлял, как моя сперма капает с этих пухлых розовых губ, словно тающее ванильное мороженое.

Я пробормотал что-то невразумительное, но на самом деле я пытался сказать: «Я не могу вести машину». Стало ещё хуже (или лучше?), когда она взяла головку в рот и начала сосать сначала нежно, а потом жёстко, пальцы плотно сжимались вокруг моего основания.

Мышцы на моих ногах напряглись.

— Господи, Скайлар. Полегче. — Я пытался расслабить бёдра, которые так и норовили выгнуться и толкнуться глубже в её рот.

Она вынула его изо рта с небольшим хлопком и хихикнула.

— Нет, он такой жёсткий. И, кажется, он становится всё жёстче и жёстче.

— О, чёрт. Чёёёёёёт, — застонал я, когда она скользнула губами вниз к своим пальцам, обволакивая мой член горячим, мокрым блаженством. Он был наполовину во рту, наполовину в её руке, и она работала в обоих направлениях, подёргивая и посасывая, пока я не был уверен, что собираюсь потерять контроль над своим грузовиком, своим оргазмом и своими чувствами.

— Мм-м-м. — Она снова подняла голову. — Я чувствую твой вкус, — прошептала она. — Обожаю его.

Моя челюсть дрогнула.

— Ты очень плохая девочка.

— Знаю. — Её язык вырисовывал круги на моей головке, и я снова выругался, заставляя её смеяться.

Боже, этот смех. Он мне никогда не надоест. А затем я совершил ошибку, взглянув на эти светлые волосы. Как только я вошёл в тот зал сегодня, то сразу же увидел её со спины. Я ненавидел каждый шаг, который делал навстречу к ней, ловя взгляды присутствующих на себе. Но я сосредоточил всё своё внимание на этих волосах и этих изгибах в обтягивающем чёрном платье, и этих бледных ногах, которые оборачивались вокруг моего тела всего несколько ночей назад. Когда я подошёл достаточно близко, чтобы разглядеть её туфли, кровь устремилась к моему паху при виде бантиков над высокими каблуками.

Всё пошло под откос, верно? Я пришёл туда, чтобы извиниться, чтобы показать ей, что мне хотелось быть там с ней, чтобы постараться быть таким мужчиной, которого она заслуживает... И затем всё, о чём я мог думать, было то, как я трахаю её в этих туфлях.

Я едва ли мог сдержаться.

— Погоди, — взмолился я, когда почувствовал, что приближаюсь к точке невозврата. Мы подъезжали к хижине, хотя я едва мог чувствовать свою ногу на педали. — Я пока не хочу кончать. Просто подожди.

— И не подумаю, — сказала маленькая лисичка, заглатывая меня полностью. Мой член упёрся ей в горло, и мои ноги оцепенели.

Чёрт, мне нужно притормозить. Свернув на обочину, я надавил на педаль тормоза, и машина резко остановилась. Дыхание участилось, сердце заколотилось в груди. Пожалуйста, не позволяй копам проезжать здесь этим вечером — по крайней мере, в течение следующих тридцати секунд, так как больше и не потребуется для того, чтобы...

— Господи, Скайлар. — Выключив зажигание и огни, я сжал её волосы в кулак.

— Да, — прошептала она, лаская меня жёстко и быстро своею рукою. Я почувствовал её дразнящее дыхание на своём члене, из-за чего мне захотелось также немного подразнить её.

Я сжал пальцы на её волосах и слегка потянул, чтобы она не смогла взять меня в рот. Она ахнула.

— Ох, ты такой вредный. Позволь мне. Пожалуйста. Я всего лишь хочу почувствовать твой вкус. — Она посмотрела на меня своими большими, щенячьими глазами, и, клянусь, я чуть ли не кончил прямо ей на лицо.

— Ты — очень плохая девочка, Скайлар Никсон.

Её губы растянулись в озорной улыбке.

— Давай сыграем в игру.

О, господи.

— Какую игру?

— Просто я тут кое о чём подумала. — Она лизнула меня, и я позволил ей. — Давай притворимся, что мы снова учимся в школе и пропускаем занятия.

Я закрыл глаза, стараясь не кончить слишком быстро, но тот факт, что она хотела предаться маленькой фантазии, заводил меня ещё сильнее.

— И раньше я никогда никому не делала минет. Ты первый, Себастьян. — Её голос изменился. Он был на октаву выше, более девичий.

— Правда? — спросил я, немного ослабив хватку на её волосах.

— Да. — Она поджала ноги под себя, чтобы встать на колени на пассажирском сиденье. — Скажи, что мне сделать, чтобы заставить тебя кончить.

— Ну, твои грязные словечки заставляет меня хотеть кончить прямо сейчас.

Она бросила на меня похотливый взгляд, а затем надула губы.

— Ну же. Поиграй со мной. — Грязная ухмылочка растянулась на её губах. — Я просто хочу доставить тебе удовольствие.

Когда она снова опустила свой рот на меня, её попка приподнялась, и я положил на неё ладонь. Она снова взяла меня глубоко в рот, медленно скользя губами, языком и зубами вниз и вверх по моему члену снова, и снова, и снова.

— Чёрт возьми, Скайлар Никсон. Если это твой первый минет, тогда ты чертовски одарённая.

Она хихикнула, вытаскивая меня изо рта.

— Тебе нравится?

Я облизал губы и сжал её идеальную попку.

— Да.

— Ты видел меня в школе? — Она выгнула спину, и кокетливо взмахнула ресницами.

— Я видела тебя.

— Каждый день, — зарычал я. — И каждый день я хочу тебя вот такой. На коленях передо мною.

— Правда? — Она застенчиво улыбнулась. — Скажи, что мне сделать.

Я вдохнул.

— Возьми мой член в свой ротик, — приказал я. (Где-то в моей голове находился тощий, неуклюжий подросток, кричащий: «О боже, ты только что сказал Скайлар Никсон взять твой член в рот!») — Да, вот так. — Она обхватила меня губами и вновь начала медленно покачивать своей головой, одновременно сжимая член рукою. — Как же хорошо, когда ты берёшь мой член так глубоко. Мне нравится чувствовать твой язык на нём. — Она остановилась, когда моя головка упёрлась ей в горло, и я застонал, приподняв бёдра над сиденьем.

— Да, да... — прошептал я. — Чёрт возьми, да, вот так. Ты такая красивая, и я столько раз думал об этом... — Я ещё больше ослабил хватку на её волосах, и она начала быстрее двигать рукою и головою, заставляя нижнюю часть моего тела покалывать, сжиматься и пылать. О, чёрт, я был так близок... Она действительно хотела этого?

— Ты заставишь меня кончить тебе в рот... Ты уверена? — В ответ она начала двигаться ещё быстрее, постанывая, посасывая и подёргивая меня крепкими, жёсткими рывками, и одновременно удерживая меня глубоко во рту. «О боже, о боже, о боже — чёрт, да!» Я сильно шлёпнул по её попке, оставляя ладонь на ней в то время, как волна оргазма обрушилась на меня, и я кончил ей в рот. Мой член неистово пульсировал, моё дыхание вырывалось из груди громким, удущившим рычанием.

Когда всё закончилось, она слегкнула и выпрямилась на коленях, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Тебе понравилось? — спросила она, её огромные глаза были полны невинности, а губы припухли.

— Эм-м. — Да, это всё, что я сказал. Эм-м.

Она хитро улыбнулась.

— Надеюсь, что да. Мне понравилось. Возможно, когда-нибудь ты позволишь мне сделать это снова.

— Возможно. — Схватив её подбородок рукою, я притянул её губы к своим. — Ты. Очень. Озорная.

Её глаза вспыхнули синим огнём.

— Я была непослушной, не так ли?

Я поцеловал её губы.

— Да.

— Это всё из-за тебя. Надел этот костюм и неожиданно пришёл ко мне.

Она пристегнулась, когда я натянул штаны, и пока мы ехали к хижине, я продолжал смотреть на её ноги... и её туфли.

Я вспомнил о том, что всегда хотел попробовать, но никогда не решался сделать из-за того, кем я был. Но Скайлар была другой.

Она понимала меня.

24 глава

Скайлар

— Есть хочешь? — спросил он, как только мы вошли внутрь.

— Типа того. — Я выскользнула из пальто, положила его и сумочку на диван. Я понятия не имела, хотелось ли мне есть — мой желудок исполнял всевозможные сумасшедшие акробатические трюки с тех пор, как он появился на встрече выпускников.

Он зашёл на кухню, включил свет и стал рыться в холодильнике.

— Ты станешь есть мою стряпню?

— Конечно. Ты умеешь готовить? — удивившись, я подошла к небольшой барной стойке и села на стул.

— Да. — Помыв руки, он достал лоток яиц и зелёный болгарский перец. — Ты впечатлена?

Я кивнула.

— Определённо.

— Хорошо. — Он вытащил из холодильника два маленьких помидора, пакетик измельченной моцареллы и упаковку бекона.

— Ты готовишь?

Я поджала губы.

— По большей части, я — су-шеф.

Он ухмыльнулся и взял молоко, масло и пучок базилика из холодильника, прежде чем закрыть дверцу.

— Ты можешь помочь мне.

— Ладно. — Взволнованная, я присоединилась к нему, вымыв руки в раковине.

— Что мне нужно делать?

— Ты сможешь измельчить базилик и нарезать помидоры?

— Конечно. Нож? — Я огляделась вокруг в поисках ножа, но ничего не нашла.

— Ножи в шкафу над холодильником. Сейчас принесу.

— Какого чёрта они там делают?

— Просто так. — Он открыл шкаф, и я увидела подставку с ножами, спрятанную внутри.

Лжец.

— Эй, — сказала я. — Захвати всю подставку.

Он замер.

— Я серьёзно. Достань все.

На мгновение он ущипнул переносицу, но затем подошёл и достал подставку, устанавливая её на столешнице.

Мы оба уставились на неё.

Я вытащила самый большой разделочный нож.

— Возьми его.

Сморщив лицо, он взял нож в свою руку.

— Ты собираешься ударить меня ножом?

— Нет.

— Хорошо. Ты собираешься зарезать кого-нибудь?

— Нет. — Он пристально смотрел на лезвие. — Нет, не собираюсь.

— Тогда какого хрена ты хранишь свои ножи там?

Он пожал плечами.

— Старая привычка.

— Что ж, избавься от неё. Если я когда-нибудь снова буду здесь готовить, мне необходимо будет иметь доступ ко всем кухонным принадлежностям. У меня проблема с высокими шкафчиками.

Вздохнув, он протянул мне нож.

— Ты права. Я переставлю их вниз.

— Спасибо. — Я нашла разделочную доску и приступила к работе, пока он растапливал масло в сковороде на плите.

— Тебе когда-нибудь говорили, — сказал он, — что из тебя вышел бы хороший психотерапевт?

Я засмеялась.

— Нет. Но я рада, что ты так думаешь.

— Эй, ты любишь шампанское? — Он открыл холодильник и вытащил зелёную бутылку с длинным горлышком. — Мой брат и невестка подарили мне эту бутылку, когда хижина была готова, но я так и не открыл её.

— Мне нравится шампанское, — заверила я. — Откупоривай.

У Себастьяна не было обеденного стола, поэтому мы ели омлет Капрезе и пили шампанское, сидя рядом за барной стойкой, лимонная свеча из пчелиного воска горела между нами.

— Пахнет вкусно. Мне нужна контактная информация твоей невестки, — сказала я перед тем, как положить в рот очередной кусочек. — Напомни мне об этом.

— Я видел её вчера. Она передала образцы и визитную карточку для тебя. А, — сказал он, будто вспомнил о чём-то. — У меня тоже есть кое-что для тебя. — Положив вилку, он встал и потянулся за бумажником на столешнице. — Вот, — сказал он, вручая мне визитку.

— Что это? — Я взяла карточку и стала изучать её. — Виноградники Абеляр, Миа Фурнье.

— Я познакомился с ней и её мужем вчера в офисе. Мой брат Малcolm помогает им урегулировать имущественный спор. — Он снова сел и продолжил есть. — Они владеют виноградниками последние пару лет или около того, и они расширили свой бизнес. Миа беременна и ищет ассистентку. Кого-то, кто может помочь с дегустационным залом и организацией специальных мероприятий. — Он покосился на меня. — Я сразу подумал о тебе.

Я не могла сдержать улыбку.

— Спасибо. Это так мило.

— Её муж сказал, что она придирчива, но я знаю, что ты ей понравишься.

Моё сердце на мгновение замерло.

— Придирчива? Бьюсь об заклад, она хочет нанять кого-то с дипломом колледжа. Или с хорошим опытом работы. — Я опустила карточку и взяла своё шампанское.

— Её муж не говорил ничего подобного. Он только сказал, что она избирательна к тем, кто там работает. Тебе стоит позвонить ей.

Я закусила губу.

— Ты так думаешь?

Себастьян снова опустил вилку, схватил меня за шею и притянул к себе для крепкого поцелуя.

— Я знаю это. Все вокруг обожают тебя!

Меня залил румянец.

— Это в самом деле звучит идеально. Я подумаю об этом.

Закончив есть, мы разлили остальное шампанское по бокалам и вышли на патио. На этот раз мы делили один из стульев, которые Себастьян собрал, я сидела на его коленях.

— Тебе холодно? — спросил он, и мне понравилось, что его лоб сморщился от беспокойства. — Мне очень жаль. Я вот в костюме, а у тебя голые руки и ноги.

— Я в порядке. Я дам тебе знать, если замёрзну. — Я поцеловала его в лоб, правая рука обернулась вокруг его плеч, левая — держала бокал с вином.

На мгновение мы замолчали, и это была комфортная тишина. Я даже не собиралась прерывать её.

— Я рад, что ты здесь, — сказал он. — Я думал, что, возможно, слишком сильно облажался в ту ночь.

— Я чувствовала себя брошенной, — призналась я. Сделав глоток шампанского, я спросила. — Расскажи мне, что случилось?

Он не сразу заговорил, а я не настаивала.

— Я запаниковал.

Я взглянула на него.

— Почему?

— Потому что ты... сделала со мной что-то, чего я не ожидал. Что-то, чего я даже не понимаю. — Он отвёл взгляд от воды и посмотрел на мои ноги. — Прости, я знаю, что задолжал тебе объяснение получше, — начал он, но я остановила его поцелуем.

— Знаешь что? Нет, прямо сейчас ты мне ничего не должен. — Я снова поцеловала его. — Действительно не должен. Я знаю, что ты имеешь в виду.

Честно говоря, я даже не понимала, что происходит между нами, и я чертовски уверена, что также не ожидала этого. Возможно, завтра мы поговорим. Сегодня я просто хотела быть с ним.

Мы снова поцеловались сладко и неторопливо, и, в конце концов, Себастьян опустил свой бокал и убрал волосы с моего лица.

— Знаешь, — прошептал он, — сколько ночей я мечтал о тебе?

Я покачала головой, мой пульс ускорился.

— Бесчисленное множество. И в этих многочисленных снах ты была не столь красива, как в реальной жизни. И я имею в виду не только твою внешность.

Я улыбнулась.

— Тебе понравился минет.

Он застонал.

— Чёрт возьми, да. Но мне нравится в тебе нечто большее. Ты заставляешь меня идти на риск, на который я бы никогда не решился.

— Какой именно риск?

— Быть рядом с кем-то. Для меня это не просто, но с тобой всё иначе. И каждый раз, когда я с тобой, всё становится намного проще.

После глубокого вздоха я спросила:

— Итак, сегодня в машине... не было плохих мыслей?

Он покачал головой.

— Ни одной. Тебе удалось полностью усмирить мой мозг — по крайней мере, ту часть.

— Ты думал о чём-то другом? — спросила я игриво.

— Это чертовски удивительно. Я вообще не думал. Я просто чувствовал. — Затем он поцеловал меня снова, и снова, и снова. Его язык раздвинул мои губы, его рука поднялась по моей ноге к талии. — Ты понятия не имеешь, каково мне — просто чувствовать. Это блаженство. — Он положил руку на мою щеку и проложил дорожку из поцелуев к другой, а затем прошептал мне на ухо. — Ты ангел.

Я улыбнулась от этих сладких слов, покалывания между ног, и того, что его член шевелился подо мной.

— Ангел, да? — Мои глаза закрылись, когда его губы прошлились по моей шее с одной стороны, а его рука — с другой. Его тёплый, влажный язык на моей коже пускал стрелы похоти в самое сердце.

— Да, — сказал он, его голос низкий и грубый. — Но этот маленький ангел должен ответить за неповинование.

Моё сердце остановилось на мгновение, а затем пустилось вскачь.

— В самом деле?

— Да. — Он просунул руку под мои колени и встал, прижимая меня к своей груди в то время, как мы шли к двери. — И на этот раз тебе лучше не спорить со мной.

Я рассмеялась, хотя где-то глубоко внутри зародилась крупинка страха.

— Куда ты меня несёшь?

— Тс-с-с. Моя очередь играть. — Он поднялся по ступенькам, открыл дверь и поставил меня на ноги в хижине. — Никаких вопросов. Поднимись на чердак и жди меня. Не раздевайся и не снимай обувь. — Его светлые глаза стали чёрными и яркими в темноте.

— Ладно, — прошептала я, недоумевая от того, что он собирался сделать со мной. — Мне следует волноваться? — Это была шутка... вроде как.

— Надо было думать об этом до того, как из-за тебя мы чуть-ли не съехали с дороги этим вечером. — Он наклонился, его руки были по обе стороны от дверного проёма. — И перед тем как упоминать, что тебе нравится, когда жёстко.

Мой рот распахнулся, когда он закрыл раздвижную дверь и ушёл. Боже мой, куда он собрался? И что же он задумал? В его голове время от времени всплывали довольно жестокие образы... Превращались ли они когда-нибудь в его фантазии? Я укусила костяшку пальца, засомневавшись на мгновение, а затем поспешила к лестнице.

Моё сердце бешено колотилось, когда я аккуратно поднималась по лестнице на каблуках, размышляя на тем, было ли неправильно чувствовать себя настолько возбуждённой из-за того, что я не была на сто процентов уверена, что быть объектом чьих-то фантазий — абсолютно безопасно. Я доверяла Себастьяну... но всё же.

Что он собирался сделать со мной?

25 глава

Себастьян

Сквозь потёмы я поспешил к своему сарайчику с инструментами. Я знал, там у меня были остатки толстой хлопковой верёвки, на которой я подвесил гамак. Моё сердце колотилось одновременно от волнения и возбуждения. Я собирался последовать своим желаниям, и надеялся, что мозг не подведёт меня. Фантазия о связанной Скайлар Никсон не была в моём списке СУД, но она определённо была тем, о чём я мечтал и никогда бы не осмелился воплотить в жизнь.

Это было рискованно, но я понемногу привыкал к этой идеи.

Забрав бокалы с патио, я пошёл к входной двери исключительно для того, чтобы заставить Скайлар ждать немного дольше и подогреть её интерес. Она была чертовски очаровательной, и выражение её лица, когда я сказал ей подняться наверх и ждать меня, было бесценным.

Мне чертовски нравилось то, что она любит грязные словечки, фантазировать вслух и немного пошалить. Я никогда раньше не был с такой девушкой, как она, и я никогда не чувствовал себя с кем-либо достаточно комфортно, чтобы показать свою другую сторону. Учитывая мою борьбу с чувством вины и стыда, я всегда так сильно волновался, что они могли бы подумать, что я сексуально озабоченный или извращенец.

Хотя, прямо сейчас я чувствовал себя немного извращённым, прокрадываясь сквозь собственную входную дверь с мотком верёвки в руке, оставляя бокалы на столе и выключая всюду свет. Почему у меня вообще была такая фантазия, это желание сделать её беспомощной ради удовольствия?

«Не переборщи с этим, Прайс. Просто сделай это».

Я медленно поднялся по лестнице, растягивая ожидание. Когда я забрался наверх, то обнаружил, что она сидит на краю кровати, её руки лежали на коленях, а ноги касались пола. Она не включила свет, и так как этой ночью было немного пасмурно, луна особо не освещала комнату. Тем не менее, она взглянула прямо на верёвку в моей руке, и я услышал, как она перевела дыхание.

Но она не задавала вопросов.

Боже, она была чертовски идеальной. Моё сердце колотилось, а промежность была разгорячённой и напряжённой. Я положил верёвку на тумбочку и снял пиджак,бросив его рядом с ней на кровать.

— Я говорил тебе сегодня, как сильно мне нравятся твои туфли? — спросил я, снимая запонки. Сунув их в карман, я засучил рукава в попытке побороть желание сорвать с неё это чёрное платье, поднять её ноги вверх и трахать её до беспамятства, обернув руки вокруг её лодыжек.

Она покачала головой.

— Я обожаю их. — Подойдя к ней поближе, я включил прикроватную лампу.

— Спасибо. — Она посмотрела на меня, её глаза были большими и доверчивыми, но немного взволнованными.

— Ты нервничаешь, ангел?

Она взглянула на верёвку на столике.

— Возможно, немного.

Она играла или была серьёзной? В конце концов, она была актрисой. Возможно, она знала, как горячо было строить из себя недотрогу. В любом случае, её ответ сделал мой член ешё жёстче. Я поднял её подбородок.

— Встань.

Она встала и взглянула вверх на меня сквозь ресницы.

— Повернись.

Она развернулась ко мне спиной, а я отодвинул волосы в сторону и медленно расстегнул платье. Чёрная тесьма показалась из-под него, и я затаил дыхание.

— Что это?

— Это корсет.

— С подвязками?

— Да. Он помогает сгладить и поддерживать форму под таким приталенным платьем... К тому же, мне нравится красивое бельё. — Платье скользнуло вниз, и она вышагнула из него, положив его на кровать.

Я чувствовал, что мои ноги могут в любой момент подкоситься — под корсетом со шнурковкой на спине у неё были подходящие чёрные стринги. Я позволил своим глазам пройтись от её длинных светлых волос и шнурочки корсета к идеальным изгибам задницы цвета слоновой кости и стройным ногам в этих «трахни-меня-я-возхитительна» туфлях. Иисусе. Меня не волнует, кто что говорит, ни один мужчина не может быть достойным этого.

Но так как я был здесь...

Я встал позади неё и поцеловал спину, мягко потирая губами о её кожу. Её духи были слегка цветочными, сладковатыми, как цветение апельсина, и я сделал глубокий вдох, жаждно вдыхая её запах.

— Ты пахнешь так хорошо, что хочется съесть, — сказал я, пробежав ладонями по её рукам от плеч до кончиков пальцев. — Но сначала... — Остановившись, чтобы схватить верёвку с тумбочки, я завёл её руки за спину и скрестил запястья. Обмотав верёвку вокруг них, я стал говорить с ней низким, мягким голосом. — Ты такая красивая, ангел. Самая красивая женщина, которую я когда-либо знал. Такая красота имеет странную власть над мужчинами — она заставляет нас чувствовать себя сильными и в то же время слабыми. Защищёнными от неё и всё же беззащитными. — Её дыхание ускорилось, грудь поднималась и опадала. Я закончил завязывать узел и повернул её к себе лицом. — Понимаешь, о чём я?

Она сглотнула.

— Я не понимаю.

Я запустил пальцы в её волосы, опустил свой рот на её и провёл языком по губам. Это разожгло мой аппетит. Я опустился на колени перед ней, как следует поступать всем мужчинам.

— Раздвинь ноги.

Она поменяла позу, и я проделал дорожку из поцелуев вверх по внутренней части бёдер, прикасаясь своей жёсткой щетиной к её гладкой коже.

— Ты должна оставаться на месте. Это мое правило. — Затем я опустил губы на это чёрное кружево, прижимаясь ртом к киске, мои руки пробежали вверх по её ногам.

Она захныкала, её ноги дрожали.

— О боже. О боже. Твой рот...

Я отодвинул языком кусочек кружева в сторону, удерживая руки на её заднице. На вкус она была словно мёд и апельсины, и я не мог насытиться ею. Зарывшись лицом между ног, я погрузился в неё языком, а затем стал ласкать её центр, наконец, отодвинув кружево рукою, чтобы я смог добраться до клитора.

Как только я провёл по нему языком, её колени немного подкосились. Я обхватил руками бёдра, чтобы поддержать её, в то время как она стонала и проклинала меня.

— Хватит, пожалуйста, — умоляла она. — Я больше не могу стоять.

— Кончи для меня, и я позволю тебе лечь, — прошептал я.

— Я не знаю, смогу ли я, стоя вот так. Мои ноги... — Её голос отчаянно молил.

— Ты хочешь кончить. Я знаю, это так. Ну же, ангел. — Я обвёл языком вокруг клитора и стал посасывать его. Так же, как и в прошлый раз, я скользнул в неё двумя пальцами, заставляя её ловить ртом воздух, вздыхать и стонать. Тот факт, что я знал её тело и разум, опьянял меня. «Я знаю, как заставить её кончить».

И она кончила, киска сжималась вокруг моих пальцев, голос выкрикивал в такт ритмичным спазмам. Когда её ноги, наконец, не выдержали, я перевернул её на живот,

чтобы верхняя часть её тела лежала на кровати, запястья были всё ещё связаны за спиной. Бледная кожа тонких рук резко контрастировала на фоне чёрного атласного корсета.

«Боже, её задница принадлежит мне. И чёрт, эти ноги. Эти туфли».

— Не двигайся, — приказал я, рывком сняв её мокрые трусики. Затем я встал и расстегнул ремень и штаны.

— Да, — тяжело дышала она. — Я хочу этого.

— Да, чего? Чего именно ты хочешь, ангел? — О боже, я, вероятно, отправлюсь в ад за то, что связал Скайлар Никсон и заставил её умолять меня трахнуть её.

Но прямо сейчас вечные муки моей души казались довольно справедливой ценой.

— Я хочу тебя, Себастьян, — сказала она, задыхаясь. — Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Жёстко.

— Жёстко? — Я обхватил член рукой, поглаживая его, наблюдая за тем, как она склонилась над моей кроватью, руки связаны, ноги разведены. Я подразнивал её киску кончиком члена, размазывая влажность по её заднему проходу.

— Да. — Она закрыла глаза, её рот был открыт.

— Извинись.

— А? — Она широко распахнула глаза.

— Извинись, — зарычал я, толкаясь в неё. — За то, что ты такая красивая. За то, что заставляешь меня так сильно хотеть тебя. За то, что сломила меня. За то, что заставляешь меня всё время быть чертовски твёрдым. — Слова вылетали изо рта, когда я схватил её за бёдра и медленно входил и выходил из неё. — С момента нашей встречи я понял, что ты можешь разрушить меня. Я знал, что должен держаться от тебя подальше, но не смог. Я не могу. Единственное, что я могу, это сделать тебя своей.

— Я не сожалею об этом, — прохрипела она, её связанные руки сжимались в кулаки также, как её киска сжималась вокруг моего члена. — Я не собираюсь извиняться. Никогда.

— Значит ты хочешь этого? — Я притянул её обратно к себе, медленно, но грубо. Загипнотизированный, я наблюдал, как исчезаю внутри её тела.

— Да, — сказала она. — Да, я хочу этого. Я хочу сломить тебя. Я хочу быть твоей. Я хочу, чтобы ты был внутри меня. — Её голос превратился в шёпот. — Я хочу всё это.

— Чёрт. Чёрт. — Всё это было слишком для меня. Верёвка вокруг её рук, бледная кожа и соблазнительное тело, её слова и воспоминания о ней, возможность быть с ней. Я вцепился в бёдра и трахал её быстро, жёстко и глубоко. Никогда, никогда за всю свою жизнь я не чувствовал себя так хорошо. Сила, власть и нерушимая уверенность в том, что я мог сделать всё, что угодно разлилась по моим венам. Как только я дошёл до предела, всё мое тело оцепенело, а затем я взорвался глубоко внутри неё. Всё, о чём я мог думать, это желание вбить её внутрь себя, заключить её в своём теле, сделать её частью своего потрёпанного, несовершенного, запутанного сердца.

Моя.

Позже, после того как я развязал запястья и поцеловал слегка красные следы от верёвок на её алебастровой коже, мы раздели друг друга и скользнули под холодные белые простыни моей постели, крепко обнимаясь. Она уснула первой, а я лежал, поглаживая её волосы в попытке прогнать призраков, которые пытались заполнить мою голову карающим страхом. Я старался сосредоточиться на запахе её кожи, мягкости её дыхания, ощущении её тела на своей груди. Затем я закрыл глаза и держал её в объятьях, погружаясь в сон.

Утром я проснулся, лёжа спиной к ней, её рука раскинулась на моём торсе. Я поднял и поцеловал её руку, прежде чем выскользнуть из кровати и натянуть на себя пару джинсов и футболку. Мягкие, золотые лучи утреннего солнца едва появлялись в окне на крыше, и я улыбнулся, глядя, как они очерчивали её силуэт. Так легко было привыкнуть видеть первые лучи утреннего солнца на её лице.

Это напомнило моё любимое стихотворение Роберта Фроста о мимолётной красоте новых начинаний.

Было ли это нашим началом? Будем ли мы всегда помнить первую ночь, проведённую вместе? Первое утро здесь, в хижине?

«Не будь таким чертовски драматичным», — раздался голос. — «Ты понятия не имеешь, что она чувствует. Думаешь, то, что она сказала тебе, когда была связана и беззащитна, было всерьёз? Это была долбаная игра».

Дерьмо. Это была своего рода игра, но я не чувствовал в ней лукавства или притворства. Казалось, что она говорит правду. Я хотел, чтобы это было правдой.

Сможет ли всё это между нами сработать? Я никогда ни в чём не был уверен, но что-то заставило меня подумать, что возможно Скайлар Никсон могла быть той единственной женщиной, достаточно сильной, достаточно милой, достаточно прощающей, чтобы быть со мной. Эта мысль была одновременно ужасающей и великолепной.

Я тихо спустился по лестнице, воспользовался ванной, приготовил кофе и вышел с блокнотом на крыльцо. Я чувствовал себя отдохнувшим, но на протяжении ночи я неоднократно просыпался. Слова были разбросаны в моей голове, и я хотел посмотреть, смогу ли я собрать их на бумаге. Иногда я позволяю голосу расшифровать их смысл — это сближает нас. Это были мои мысли, мои слова, мои чувства, и я владел ими. Я не был их жертвой. Вытащив карандаш из спирального переплёта блокнота, я несколько минут смотрел на лес, позволяя отдельным словам сплестись воедино.

Скайлар

Ты мягко падаешь
словно снег
моя

Я прямо под тобою (я падаю тяжело, будто камень)
поэтому я поймаю тебя
языком
Ты растаешь, словно печаль
моя

Я связал твои руки (мои)
тщетный, сильный порыв
сломить тебя
мою

Осколки души и тела
моих
разбросаны по спальне этим утром
Я осторожно обошёл их,
боясь поранить
себя,
но, думаю, ты храбрая

Ты соберёшь их воедино
и попытаешься сгладить их острые края
мои
с бесстрашной, бесконечной благодатью
твоего безрассудного сердца

МОЯ

26 глава

Скайлар

Думаю, он не шутил насчёт рассвета.

У меня был выходной, поэтому пробуждение на рассвете не было в моих планах, но когда я проснулась одна в постели Себастьяна, то сразу же заскучала по нему. Чёрт возьми, прошлая ночь была потрясающей. От минета в машине — я даже не знаю, что на меня нашло, я никогда не делала этого раньше — до секса в его спальне и того, что он говорил... Моя голова шла кругом. Господи, он действительно связал меня? Себастьян Прайс, который так боялся причинить вред людям, что спрятал свои острые ножи над холодильником, в самом деле связал мне руки за спиной?

Обнаружив на полу верёвку, я поднесла простыню ко рту и тихо захихикала. Боже. Он был полон противоречий. Но мне нравилось, что ему было достаточно комфортно со мной, чтобы решиться на такое. Мне нравились слова, которые он говорил в процессе. Я всё ещё слышала его низкий, глубокий голос в своём сознании.

«Извинись... За то, что сломила меня... Единственное, что я могу, это сделать тебя своей».

Каждая секунда с ним была идеальной. Я была серьёзной, когда сказала, что не собираюсь извиняться за то, что желала его, и я не думаю, что сломила его. И насчёт того, чтобы принадлежать ему... Мой живот напрягся от этой мысли. Что он имел в виду? Принадлежать ему? Навсегда? Или это был просто отличный секс? Может, он был из тех парней, которые ночью говорят одно, а днём — совсем другое. Мне хотелось поговорить об этом, но, вероятно, ничего хорошего из этого не выйдет. Выдернув простыню, которая, несомненно, была идеально заправлена, я обернула её вокруг себя и чудом смогла спуститься по лестнице, при этом не упав.

Запах свежего кофе ударили в нос, как только я начала спускаться. Я не увидела его на кухне или в гостиной, но заметила, что входная дверь была открыта. Сквозь сетчатую дверь я услышала утреннее пение птиц и вспомнила, что он обожал любоваться рассветом с крыльца. Я отложила простыню в сторону и помчалась в ванную, где обнаружила новую зубную щётку и мочалку. «Боже. Он самый милый и непредсказуемый засранец на свете. Возможно, это всё действительно сработает между нами... Он же попытается?» Воспользовавшись ванной комнатой, почистив зубы и смыв остатки вчерашнего макияжа, я налила две чашки кофе и побрела к двери, крепко прижимая простыню руками.

— Привет, — сказала я сквозь сетку. Он сидел и что-то писал, но внезапно подскочил от звука моего голоса. — Извини, не хотела тебя беспокоить.

— Нет, всё в порядке. — Он быстро закрыл блокнот, воткнул карандаш в спираль и оставил его на полу крыльца, прежде чем встать. — Я не ожидал, что ты встанешь так рано. Сейчас, я придержу дверь.

— Спасибо, — сказала я. — Ничего себе, здесь так красиво.

Он открыл дверь и забрал у меня чашки.

— Мне нравится твой наряд.

— Ты не злишься за то, что я стащила простыню с кровати? — Я прошла мимо него на крыльцо и взяла одну чашку.

— Эм, нет. — Он позволил сетчатой двери захлопнуться и поднёс свой кофе к губам.

— Я дотошный, но не сумасшедший. — Он остановился. — Обычно.

Улыбаясь, я подошла к другому креслу-качалке, села и огляделась.

— Итак, это восход солнца.

Себастьян засмеялся.

— Это восход солнца. Когда-нибудь видела раньше?

— Да. Но не после сна. Ты же знаешь, бары закрываются поздно в Нью-Йорке, поэтому, если я работала до закрытия, то иногда солнце уже вставало к тому времени, когда я уходила. Но тогда всё выглядело по-другому. Или звучало по-другому, или ощущалось

по-другому. — Я сделала глубокий вдох, аромат тёмного жареного кофе смешивался со свежим, древесным воздухом. — И пахло по-другому.

Кивнув, он сел в другое кресло, и я попыталась — действительно попыталась — не забрасывать его личными вопросами. Но я так много всего хотела узнать о нём! Всё, от «Что ты любишь есть на завтрак?» и «О чём ты пишешь в блокноте?» до «Что ты имел в виду прошлой ночью, когда сказал, что хочешь сделать меня своей?» и «Ты готов к ещё одному раунду?»

Но я не хотела так сразу пугать его, и в любом случае было приятно просто сидеть здесь. Я могу привыкнуть к этому.

«Тпру. Погоди».

Где-то внутри меня внезапно заговорил здравый смысл.

«Вы только что провели первую ночь вместе, так что не привязывайся к нему, или ко всему этому, или к чему-то ещё. Он уже сказал тебе, что переехал сюда, чтобы сбежать от всего, и не хочет серьёзных отношений, поэтому не думай, что одна ночь отличного секса изменит его мнение об этом. Ты не особенная».

Я поднесла чашку к губам.

— Эй. Не смотри так хмуро на рассвет.

Я сделала маленький глоток и улыбнулась ему.

— Извини. Не хотела этого. Я просто погрузилась в размышления.

— О чём?

Вдох. Выдох.

— Насчёт прошлой ночи.

Мрачное выражение опустилось на его лицо, и он посмотрел на деревья.

— Для тебя это было слишком?

— Нет! Совсем нет. Мне понравилось.

— Правда?

На крыльце было прохладно, но мне было тепло.

— Вообще-то, мне понравилось. — Я опустила взгляд на свой кофе. — Я никогда не делала этого раньше.

— Я тоже.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Нет? Боже мой, ты точно знал, что делаешь! Ты казался таким уверенным в себе.

— Я знаю, как завязать хороший узел. И, естественно, я много раз думал об этом. —

Он на мгновение отвернулся от меня. — Я просто никогда не встречал никого, с кем бы мне было достаточно комфортно.

— Даже твоя невеста? — Я не смогла сдержаться.

— Тем более не она.

Боже мой, что это значит? Я пыталась переварить это в своей голове, когда он вытянул руку и потянул за простыню.

— Эй. Хватит анализировать. Прошлая ночь была весёлой. Давай оставим всё как есть.

Что? Он что, издевается? Я не могу просто так оставить это! Как насчёт всего, о чём мы говорили? Разве это ничего не значит?

— Но...

— Никаких «но». Иди сюда.

Немного расстроенная, я поднялась, взяла с собой кофе, простыню и всё остальное, и подошла к его креслу, где он раскрыл свои объятия и движением предложил сесть к нему на колени. Его грудь была тёплой, и я откинулась на неё, стараясь подавить разочарование оттого, что он больше ничего мне не скажет.

Затем блокнот у наших ног привлёк моё внимание.

— Ты ещё и писатель? — осмелилась спросить я.

— Нет. Не особо.

— Я заметила, что ты повсюду носишь с собой этот блокнот.

Он запнулся.

— Это часть моей терапии.

— О. — Я сделала паузу, чтобы отпить кофе, жалея, что не могла видеть его лица. Стоит ли мне продолжать расспрашивать или я слишком давлю на него? — Как дневник?

— Вроде того.

И на этом всё закончилось. Мы немного поговорили о встрече выпускников и работе на винодельне, о которой он рассказывал, но больше ничего личного. Когда наши чашки опустели, Себастьян предложил наполнить их снова, и я встала. Он поцеловал меня в щеку.

— Ты выглядишь ещё красивее без макияжа. Ты же знаешь об этом?

Я засияла краской.

— Спасибо. Я ценю то, что ты подготовил всё для меня в ванной. Ты делаешь это для всех своих девушек?

— Перестань. Я никогда не приводил сюда женщин, Скайлар. Ты первая.

Когда я наблюдала за тем, как он входит в дом, мысль о другой женщине здесь с ним вызвала во мне настолько лютый порыв ревности, что мне стало трудно дышать. Дерьмо. Он действительно очень нравился мне. Я хотела, чтобы это что-то значило. Почему он не разговаривал со мной? Я снова посмотрела на блокнот, острое желание заглянуть внутрь переполняло меня.

«Нет. Не делай этого».

Но услышав, как открылась и закрылась дверь в ванную, я начала действовать решительно. Мне хотелось знать, чувствовал ли он то же, что и я? Может он просто был слишком напуган, чтобы сказать? Присев, я быстро открыла последнюю страницу и посмотрела, что там написано. Моё сердце стало бешено колотиться, как только я увидела своё имя.

Скайлар

Ты мягко падаешь
словно снег
моя

Я быстро пробежала глазами по странице, мурашки покрыли мою кожу. Не услышав, как снова открылась дверь в ванную, я ещё раз прочла написанное, на этот раз смакуя каждое слово. Мои глаза наполнились слезами — я хотела собрать его осколки воедино. Но что он имел в виду под моим «безрассудным» сердцем? Он полагает, что я слишком глупа, если думаю, что всё это может сработать?

Я перевернула пару страниц назад, и слово «щелую» привлекло моё внимание. Когда я начала читать, мой желудок сжался.

Я целую её. Мы на диване, она сидит рядом со мной. Мои руки в её волосах, и мне пришло в голову, что у меня может появиться желание положить руки на её шею и сжать горло, перекрывая ей воздух. Я слаб и поэтому поддамся этому желанию. Я прекращаю наши поцелуй, и она улыбается мне. Я обхватываю её горло руками и наблюдаю, как выражение замешательства появляется на её лице, а голубые глаза округляются от беспокойства. Она уязвима, беспомощна и доверчива. Не в силах контролировать свой порыв, я так сильно сдавливаю горло, что она не может дышать. Её бледное лицо багровеет, когда она изо всех сил пытается вдохнуть, и её глаза полны ужаса. Через секунду, всё заканчивается. Я разрушил жизнь этого прекрасного создания, и заслуживаю смерти за это.

Распахнулась сетчатая дверь.

— Какого хрена?

Я вскочила, моё лицо горело, мою кожу покалывало от стыда.

— О боже, Себастьян. Прости, я...

— Чёрт, Скайлар. Это личное. — Он поставил чашки на деревянный пол так быстро, что кофе перелился через край, и взял блокнот, который был всё ещё открыт на странице, которую я читала. Когда он взглянул на неё, то поменялся в лице. — Чёрт. Чёрт!

— Прости, — сказала я сквозь слёзы. — Я просто хотела знать, что ты чувствуешь, и ты бы не стал говорить об этом. Но... Что это за чушь с удушением? Эти слова... Какого чёрта? Это какая-то фантазия? Или это — лишь часть терапии?

Он захлопнул блокнот и уставился на меня. Я никогда не видела такой ярости в его глазах.

— Ты хотела убедиться, что я был тем монстром, которым себя считаю? Ты получила грёбаный ответ на свой вопрос, не так ли?

— Пожалуйста. Я не думаю, что ты монстр. — Я натянула простыню повыше и вытерла слёзы, бегущие по моим щекам.

— Нет, ты считаешь меня монстром. Это написано у тебя на лице.

— Нет. Я была неправа, заглянув туда, Себастьян, и я никогда не сделаю этого снова. Пожалуйста, скажи, что простишь меня.

Он закрыл глаза, вдохнул и громко выдохнул.

— Поговори со мной!

Он открыл глаза и пристально смотрел на меня.

— Я собираюсь спросить тебя кое о чём, и хочу знать правду. Ты заглядывала в него в прошлый раз? Когда я оставил его в магазине?

О, чёрт. Я действительно облажалась. На мне даже не было одежды. Глубоко вздохнув, я кивнула.

— Да. Я сделала это.

— Что ты видела?

Я тяжело сглотнула.

— Я увидела список вещей с цифрами, и я также прочитала «Разговор со Скайлар Никсон».

— Что-нибудь ещё? — Холодная ярость в его голосе снова и снова рвала меня на части.

— Да. Я видела стихотворение, которое ты, должно быть, написал обо мне в тот день, когда мы снова встретились на пляже. Оно такое прекрасное, Себастьян. Прочитав его, я не могла перестать думать о тебе.

Он горько рассмеялся.

— Ну да.

— Да! По крайней мере, я честна с тобой!

— Тебя поймали. Теперь у тебя нет другого выхода.

Я прикусила губу, разрываясь между жаждой ответов и пониманием того, что мне следует заткнуться.

— Что насчёт того удушения? Это была терапия? Это было обо мне?

— Отвали. Не всё в моей жизни связано с тобой. — Он развернулся и ворвался в хижину, оставив меня безудержно рыдать на крыльце.

Боже, я же могла просто не лезть не в свои дела! Почему я просто не спросила его напрямую о том, что хотела знать? Почему мы с ним не смогли справиться с этим, и стоило ли вообще пытаться? Если наше начало было таким трудным, может нам следует просто забыть об этом?

Я рухнула на ступеньки крыльца и зарыдала, закрыв лицо руками.

27 глава

Себастьян

В доме я бросил чёртов блокнот на пол и усёлся на краю кровати. Я был чертовски зол, и я также был в ужасе. Скайлар видела действительно ужасные вещи, написанные мною — вещи, которыми я не был готов поделиться с ней, поэтому я так взбесился. Список СУД — это ещё полбеды, со временем я мог бы поговорить с ней об этом, но то, что я написал о ней... Боже. Она видела упражнение, которое порекомендовал Кен, где я представляю себе худшее — я написал это в ту ночь, когда увидел её на пляже, пытаясь уменьшить влияние этой навязчивой идеи, лишить её контроля. Я написал в мельчайших подробностях о том, как душу её. Боже мой, что она должна подумать? Наверное, она уже позвонила в полицию!

«В любом случае, это был вопрос времени».

Я крепко зажмурил глаза. Возможно, это было правдой.

Тем не менее, я отнёсся к ней жестоко. Как будто я не знал, каково это — облажаться и жалеть об этом. К тому же, она извинилась и попросила прощения.

Я был чудовищем.

«Ты предупреждал её. Она не сможет отрицать это».

— Так что теперь, засранец? — пробормотал я, потирая лицо руками.

Снизу я услышал, как закрылась сетчатая дверь, и через минуту я увидел, как её лохматая белокурая голова поднимается по лестнице. Поднявшись, она стала возиться с простыней, затем выпрямилась. Её лицо было заплаканным, а глаза — красными, но подбородок был гордо приподнят вверх.

— Вот в чём дело, — заявила она. — Я не позволю нам разрушить это.

— Что разрушить?

— Наше начало. Мне всё равно, что ты написал в этом блокноте, ты не монстр, и я никогда так не подумаю. Так что, если это именно то, что тебя напрягает, то давай просто покончим с этим.

Я был слишком ошеломлён, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— И я была совершенно неправа, когда вот так подсмотрела в твой блокнот. Прости меня. — Она подняла плечи. — Я хотела знать, что ты чувствуешь.

«Я влюблена в тебя».

— Себастьян. — Она подошла ко мне, и я сосредоточился на простыне, обёрнутой вокруг неё. — Как ты себя чувствуешь?

— Я не знаю, — сказал я грустно. Я смотрел на её босые ноги.

— Да, ты знаешь. Тебе страшно. Мне тоже. — Её рука опустилась на мой подбородок, заставляя встретиться с ней взглядом. — Я была здесь прошлой ночью, помнишь? Я слышала всё, что ты говорил. Я тоже кое-что сказала тебе, и я говорила серьёзно.

Наконец, я посмотрел вверх и встретил её взгляд.

— Я тоже был серьёзен.

— Хорошо. — Она погладила мою руку. — Тогда у нас есть то, за что стоит бороться, что-то новое и немного хрупкое, но оно может стать крепче.

— Что, если для этого понадобится слишком много усилий? — выпалил я, ненавидя себя за то, что говорю, как трус.

— Для кого?

— Для нас обоих. Что если я продолжу всё портить, а ты устанешь каждый раз прощать меня?

— Эй. — Она опустилась на колени у моих ног. — Я хочу, чтобы ты был тем, кто ты есть. Я не знаю, как ещё тебе это сказать. И слушай, сегодня это я облажалась и нуждалась в прощении, верно?

— Наверное, да.

— И я больше никогда так не поступлю. Твой дневник — это твоё личное дело. Твоя терапия — это твоё дело. Я была совершенно неправа, когда взглянула в него. — Она запнулась. — Даже если от твоих слов обо мне моё тело покрылось мурашками.

Смущённый, но довольный, я хмыкнул:

— Неужели?

— Да. — Она посмотрела на меня широкими, умоляющими глазами, и я почувствовал, как мой член начал твердеть. — Но почему ты сказал, что у меня безрассудное сердце? Ты считаешь меня глупой? Иногда мне кажется, что я недостаточно умна для тебя.

Моя грудь опустилась.

— Скайлар. Я не это имел в виду. — Наклонившись, я обхватил её голову руками и мягко поцеловал, затем потянул за простыню. Она встала и позволила простыни упасть, а я схватил её за руки, опустив на кровать. Я растянулся над нею, накрывая её обнаженное тело своим, убирая волосы с её лица.

— Я не считаю себя достаточно хорошим для тебя, ты знаешь это. И я буду разочаровывать и сбивать тебя с толку, как ты и сказала. Возможно, это ОКР, возможно, я просто сложный — понятия не имею. Но я не заслуживаю всех шансов, которые ты мне дашь.

Она обхватила меня ногами и обрамила моё лицо руками.

— Несмотря на это, я дам их тебе. И если это выставит меня дурочкой, что ж... — улыбнулась она. — По крайней мере, я буду твоей дурочкой.

Я зарылся лицом в её шею, едва сдерживая эмоции.

— Моя, — хрипло сказал я, прокладывая путь поцелуями вниз по её груди.

— Твоя, — прошептала она, выгибая спину, когда я взял вершину её груди в рот. — Твоя, — хныкала она несколько минут спустя, когда я облизал два пальца и провёл ими по клитору, скользнув внутрь её киски. — Твоя, — закричала она через несколько минут, когда я довёл её до оргазма рукою, покусывая затвердевший сосок.

Даже на мгновение мне не хотелось отрывать губы от её кожи, но каким-то образом ей удалось снять с меня футболку и расстегнуть джинсы. Стянув их, я снова устроился между её бедер, скользя членом по клитору.

Она прижалась ступнями к моим ногам, а её ногти царапали мою спину.

— Войди в меня. Пожалуйста. Я уже скучаю по тебе внутри меня.

В другой раз я бы, возможно, подразнил её, заставляя подождать ещё немного, но этим утром мне просто хотелось сделать всё так, как она просила. Горячее и тяжёлое дыхание вырывалось из наших грудей, когда я скользнул в неё и начал медленно двигаться, наслаждаясь каждым дюймом гладкого, плотного трения. Она извивалась и выгибалась подо мною. Схватив мою задницу обеими руками, она притянула меня к себе и вскрикнула от боли, когда я вошёл слишком глубоко.

— Слишком жёстко? Я не хочу причинять тебе боль, — прошептал я, но мои бёдра двигались быстрее и энергичнее, подчиняясь её рукам.

— Мне не больно, не больно, — сказала она, со страстью и блеском в глазах. — Я люблю, когда ты так глубоко во мне. Ты понятия не имеешь, как мне сейчас хорошо.

Я практически рассмеялся.

— Поверь мне, я знаю.

— Боже. — Она подняла голову, полизывая мою шею, её бёдра подавались вперёд к моим, толчок за толчком, доводя меня до предела. — Ты заставляешь меня кончать так легко, это чёртова магия.

— Да. Кончи со мной, — я зарычал ей в ухо, ощущая прилив уверенности в себе. — Кончи прямо на мой член, дай мне почувствовать это.

— Да! — Мощный оргазм накрыл её, и она вонзила ногти в мою спину. Нижняя часть её тела напряглась, когда я входил в неё снова и снова. Затем я вошёл так глубоко, насколько это было возможно, кончая долго и жёстко, но я всё ещё хотел её, и мне хотелось дать ей

больше. «Я уже скучаю по тебе внутри меня», — сказала она, когда я ещё даже не был внутри неё. Но я точно знал, что она имела в виду.

Крепко прижимая её дрожащее тело к своему, я с горечью понимал, что потеряю её.
«Всё золотое зыбко». (прим. ред. Это название стихотворения Роберта Фроста)

28 глава

Скайлар

— Алло?

— Здравствуйте, мне нужна Миа Фурнье. — Я пыталась звучать менее взволновано. Себастьян и даже Натали посоветовали мне позвонить в понедельник, но мне понадобилось целых три дня, чтобы решиться. Я хотела быть готовой на случай, если она спросит об опыте работы, высшем образовании, почему я была уволена из «Ривард», или даже об «Оседлай лошадь», если вдруг она это смотрела.

— Это Миа.

Я вздохнула.

— Я — Скайлар Никсон. Мой друг Себастьян Прайс передал мне вашу визитную карточку, и...

— О, в юридической фирме! Да! Лукас упоминал, что вы можете позвонить.

Я улыбнулась, почувствовав облегчение оттого, что она знала, кем я была.

— Да. Как я понимаю, вы ищите помощника?

— Так и есть. Вас интересует эта должность?

— Да, — сказала я, прикусив язык, прежде чем добавить: «Но не уверена, что я достаточно компетентна».

— Прекрасно. Сможете ли вы прийти на собеседование на следующей неделе?

Я ответила, что смогу, и мы договорились о собеседовании в «Абелляр» во вторник, в девять утра. Мне нужно было убедиться, что в тот день я смогу взять выходной в «Дарлинг», но, учитывая то, что Натали так сильно поддерживала меня, не думаю, что она будет против.

В ту ночь, счастливая, но раздражённая, я отправилась в кровать и принялась составлять в телефоне список всего того, что мне нужно сделать — распечатать резюме, выбрать подходящую одежду, изучить виноградники «Абелляр». Хмуро глядя на экран, я пыталась понять, о чём я могла забыть.

— Хватит беспокоиться. Она полюбит тебя. — Себастьян откинулся на спину и забрался в свою кровать, где я сидела, скрестив ноги, мой телефон лежал на коленях.

Я не подняла взгляда.

— Возможно. Посмотрим.

— Прекрати. — Он схватил мой телефон и спрятал его за спину.

— Эй! — Я встала на колени и попыталась вернуть его назад.

— Достаточно, — сказал он, держа телефон за пределом досягаемости. — Тебе нужно слишком рано вставать, а ты сейчас занимаешься этой ерундой.

— Да ладно, отдай. Он мне нужен. — Я сделала несколько неудачных попыток достать его, и он засмеялся.

— Не нужен. Тебе нужно отдохнуть, я вижу это по твоему лицу. Не заставляй меня связывать тебя.

Вздохнув, я села поджав ноги.

— Очень смешно.

— Ты чертовски привлекательная, когда делаешь вид, что сердишься на меня.

Он положил мой телефон на прикроватную тумбочку и, схватив меня, бросил на спину. Теперь, когда мы проводили вместе так много времени, я знала, почему его тело было таким горячим — он ходил в спортзал каждый божий день! Я была слизняком по сравнению с ним. И он также много работал в юридической фирме. Он трудился полный рабочий день на протяжении всей этой недели, и затем занимался в спортзале. Мы не виделись до самого ужина, а иногда и позже, поэтому я, в конечном итоге, проводила с ним много ночей.

Не то чтобы я сильно скучала по нему, когда две ночи, которые мы провели порознь, я не могла уснуть. Нет. Ни в коем случае.

Упав, я завизжала, пытаясь бороться с ним, но засмеялась, когда он прижал мои запястья к кровати у моих плеч.

— Это не совсем честный бой.

— Не-а. — Он поцеловал меня, его губы и язык мягко контрастировали с грубой силой его рук, прикованных к моим запястьям. — Моя невестка хочет встретиться с тобой.

— О? — Некое волнение пробежало по моему телу.

— Да. Она заходила в офис после обеда. — Он снова поцеловал меня, сначала губы, а затем шею и грудь сквозь его футболку, в которой я спала. — Она спрашивала, не хочу ли я прийти с тобой к ним на ужин.

— И что ты ответил?

Его губы едва касались меня.

— Я сказал нет, у тебя ужасные манеры за столом.

Я закатила глаза и пнула его ногой.

— Ты такой грубый. Слезай с меня.

— Хорошо. — Он перевернулся на спину, усадив меня на себя сверху, удерживая мои запястья над своей головой. — Так лучше?

— Мм-м-м-м.

Злилась ли я на него? Я уже и забыла. Я оседлала его бёдра и прижалась своим ртом к его. По мере того, как углублялся наш поцелуй, я двигала бёдрами вдоль его растущего члена, ощущая прилив желания внутри себя. Боже, я уже начала думать, что стала извращенкой, потому что мы занимались этим почти каждую ночь на этой неделе. Прошлой ночью я спала одна в своей постели, и мне было так одиноко без него, что мне пришлось ласкать себя пальцами, словно я была похотливым подростком, но так и осталась совершенно неудовлетворённой.

Я добросовестно принимала таблетки, но даже если и так, в глубине своего сознания я размышляла, будет ли какое-либо гормональное средство достаточно сильным, чтобы защититься от его безумно умной, суперразрывной спермы. И, святое дермо, что я тогда буду делать?

— Я скоро вернусь, — прошептала я.

Он не остановил меня на пути к лестнице, и это подсказало мне, что он наверняка знал, за чем я иду. Мои таблетки были в сумочке, которая находилась внизу, так что всего через пару минут я снова поднялась наверх. Лампа всё ещё горела, и я увидела полуобнажённого Себастьяна, который ждал меня в постели лёжа на спине. Простыня прикрывала его бёдра, очертания члена ясно виднелись под нею, практически сбивая меня с ног.

Ухмыляясь, я набросилась на него, снова оседлав его бёдра и положив руки на его тёплую, твёрдую грудь. Он схватил за подол футболки, которая была на мне.

— Не то чтобы мне не нравилось видеть тебя в моей одежде, но мне нравится даже больше, когда ты голая.

Я с радостью сбросила футболку и отшвырнула её в сторону, оставив только лишь трусики. Я обнаружила, что Себастьян всегда спал голым.

Я нисколько не возражала.

Его руки переместились на мою задницу, когда я наклонилась, чтобы поцеловать его, мои груди касались его груди. Он застонал, его язык поглаживал мои губы, его бёдры поднимались, чтобы прижаться ко мне. Я поменяла своё положение, скользнув клитором вдоль его толстого, твёрдого члена, ощущая, как мои трусики становятся влажными.

— Сними их. — Его голос был низким и решительным.

Я улыбнулась.

— Извращенец.

— Только для тебя.

Я прикусила губу.

— Ты скучал по мне прошлой ночью?

— Так сильно, что едва мог вынести это.

Покачав головой, я сказала:

— Я тоже. Что с нами происходит? Всё это из-за хорошего секса? — Затем я запаниковала. — Я имею в виду, мне он очень нравится... Надеюсь, что тебе тоже.

Он слегка шлёпнул меня.

— Хватит. Для меня он удивительный, и ты это знаешь. Мне всегда мало.

Это заставило меня снова усмехнуться, и я перекинула ногу назад, чтобы снять трусики. Мне так хотелось почувствовать его член на своём сладком местечке, что, оставив трусики висеть на лодыжке, я вновь оседлала его. Но у него была другая идея.

Спустившись вниз по кровати, пока его голова не оказалась между моих колен, он посмотрел на меня.

— Я не спал по ночам и думал об этом. — Он поцеловал внутреннюю часть одного бедра, а затем другого, потирая щетинистой щекой о чувствительную кожу, а затем прошёлся языком по моему центру.

Я вздрогнула, подаваясь вперёд, чтобы схватиться за деревянную спинку кровати.

— О боже, Себастьян. Твой язык — это просто...

Но я даже не могла подобрать слово. Свет и краски танцевали под моими закрытыми веками, когда я откинула голову назад, покачивая бёдрами у его рта. Его руки обхватили мои ноги, притягивая меня сильнее к своему лицу, и, посмотрев вниз, я едва не утратила рассудок при виде этих чарующих зелёных глаз между ног.

— Чёрт, — вздохнула я в то время, как он обрабатывал клитор кончиком языка. — Я даже не могла представить себе такое. Я даже не знала, что можно чувствовать себя настолько хорошо.

Это была чистая правда — у меня было несколько действительно привлекательных парней, но, так или иначе, невероятная внешность не всегда соотносилась с их навыками в постели. У нас с Натали была теория, что менее привлекательные парни были, вероятно, лучшими любовниками, потому что им приходилось больше стараться. Как однажды она призналась, у Дэна был небольшой член, но его руки были очень искусными.

У Себастьяна, однако, было всё.

Всё.

В том числе его язык, погружённый в мою киску.

И когда напряжение внутри меня закружило моё тело в водовороте слишком сильно, чтобы выдержать, он застонал вместе со мной, когда я кончила над ним, беззастенчиво прижимаясь к его лицу.

Когда спазмы прекратились, я спустилась вниз по его телу, готовая взять его в рот, но он ловко перевернул меня на спину и прижал мои запястья возле головы. В свете лампы я могла разглядеть его блестящие губы и подбородок, и моё нутро снова сжалось от возбуждения. Он поцеловал меня крепко и глубоко, его рот широко раскрылся над моим. Я пробовала на вкус себя, и его, и нас, и наше возбуждение, и этот вкус был таким тёплым и сладким, что я раздвинула ноги для него, отчаянно пытаясь почувствовать, как он входит в моё тело и уносит нас в неистовое безумие.

Он легко скользнул в меня, и я повернула свои бёдра так, чтобы глубоко принять его. Погрузившись внутрь, он остановился и посмотрел вниз на меня, и я подумала, что он собирается что-то сказать, но он молчал. Продолжив двигаться, он удерживал на мне свой взгляд, его бёдра накатывались на меня, словно океанские волны. Моё тело напряглось, груди прижались к нему, а бёдра приподнялись.

— Я так скучала по тебе прошлой ночью, — прошептала я, каждое нервное окончание в моём теле пылало. — Я трогала себя и думала о тебе.

— Я делал то же самое, — сказал он, мышцы на его руках напряглись, когда он приподнялся надо мною. — Дважды.

Безумно счастливая, я улыбнулась.

— Твоя взяла.

Я провела выходные, работая у Натали и готовясь к собеседованию. В субботу, после работы, я заглянула в квартиру Джиллиан, и она помогла мне составить резюме и распечатать его на хорошей бумаге. Я даже не была уверена, что Миа Фурнье спросит о нём, к тому же оно всё равно не особо впечатляло. Но, по крайней мере, в резюме есть какие-то рекомендации, информация о моём образовании и последних пяти лет моей жизни.

Как ни грустно, но мне понадобилось всего лишь полстраницы для этого.

— Ты уверена, что мне следует упоминать Миранду Ривард? — Я сморщилась, когда увидела её имя на тестовом экземпляре, который мы распечатали.

— Она же сказала, что будет не против, верно? — Джиллиан поставила чашку чая для меня.

— Ага. Наверное. — Я позвонила ей днём раньше, чтобы спросить разрешения, и она сказала, что всё нормально, и она честно расскажет о хорошем качестве моей работы и о том, почему меня попросили уйти. Мне не понравилась вторая часть, но мне нужно было упомянуть кого-нибудь из шато «Ривард», если я хочу обозначить этот короткий период времени в своём резюме. — Что ты думаешь?

Джиллиан взглянула поверх моего плеча, потягивая чай.

— Давай немного увеличим шрифт твоего имени и перенесём контактные данные сюда. — Она указала на другое место на странице.

— Хорошо. — Это была банальная мелочь, но всё, что касалось моей самопрезентации было важным, я понимала это. После внесения предложенных правок, я снова распечатала резюме. — Как оно выглядит теперь?

Она достала его из принтера и внимательно изучала некоторое время в то время, как я встала, чтобы достать мёд из кухонного шкафчика. Я опустила ложку с мёдом в свой чай и размешала его, затем облизала ложку. Господи. Мой язык болел. Я тихонько посмеялась про себя, поворачиваясь спиной к Джиллиан, когда вспоминала о впечатляющем мастерстве орального секса, которое я показывала прошлой ночью в лодке, когда мы отправились на ночную прогулку по воде.

Когда я обернулась, Джиллиан забавно смотрела на меня.

— Что?

— Почему ты там смеёшься?

— Да так, ничего.

Я опустила взгляд на свой чай и снова поспешила сесть.

— Это выражение лица определённо что-то означает. Оно говорит: «Я сделала что-то зорное». Поверь мне, я — старшая сестра. Я знаю это выражение лица.

Я усмехнулась и поднесла чай к губам.

— Виновата.

— Итак?

— У меня сегодня очень болит языковая мышца.

Тёмные, высокие брови Джиллиан взметнулись вверх.

— Правда? А что насчёт его языка?

— Я буду удивлена, если он сможет нормально разговаривать. Я едва могу нормально ходить.

— О, мой Бог, — застонала она, обмахивая лицо. — Тебе так повезло. Чёрт побери.

— Знаю. — Я взяла резюме. — Так ты думаешь, оно выглядит неплохо? — Не то чтобы я не хотела выложить ей всё, я просто чувствовала, что защищаю то, что было у нас с Себастьяном. Всё было таким новым, и, кажется, таким хрупким.

— Да. Оно нормальное. Расскажи мне подробнее об этом парне. — Она подпёрла рукою подбородок и мечтательно посмотрела на меня. — Я хочу узнать, каково это.

— Джил. Да ладно тебе. Ты красивая. Ты — врач. Куда подевались все красивые мужчины-врачи, которых я вижу в мыльных операх?

Она закатила глаза.

— Женаты. Или трахают медсестёр. Или трахают кого-то ещё, потому что они слишком заняты для отношений. — Вздохнув, она снова выпрямилась. — И, видимо, я тоже. Просто иногда становится немного одиноко.

— Так трахи горячего доктора ради удовольствия.

— Год или два назад я бы так и сделала. Я так и поступала. Но теперь я думаю, что заслуживаю лучшего. А что насчёт тебя? Ты думаешь, это к чему-то приведёт?

Я пожала плечами, но не смогла сдержать улыбку.

— Не знаю. Возможно.

— Возможно? Есть ли надежда на что-то долгосрочное? — Она поднесла чашку к губам.

Я закатила глаза.

— Джиллиан, прошло всего десять дней. Я даже не знаю, что он думает по поводу долгосрочных отношений. И он... однажды сказал что-то о том, что не верит в это.

Её лоб сморщился.

— Не верит в это?

— Ага, ну ты понимаешь. В саму идею о том, что существует единственный идеальный для тебя человек, и тебе нужно найти его или её.

— Ах, родственная душа, — сказала она. — Очень романтичная идея. Но я также не уверена, что это реально.

Взглянув на её чистую, современную квартиру, я подумала, представляла ли она когда-нибудь, что живёт здесь с кем-нибудь ещё, или ей нравилось жить одной.

— Я не знаю, чему верить. Но я знаю, что он посылает смешанные сигналы... Когда он впервые рассказывал о своей хижине, у меня сложилось впечатление, что он действительно любил одиночество. Но сейчас он постоянно хочет, чтобы я ночевала там, даже если мне приходится вставать чертовски рано утром на работу, и ему нужно подвозить меня.

— Похоже, ты действительно нравишься ему.

— Наверное. Надеюсь.

— Também похоже, что тебе нужна собственная машина.

Я застонала, откинув голову назад.

— Да. Машина. Квартира. Работа. Всё, что нужно взрослым.

— Ну так, вперёд. — Она положила резюме передо мною. — Шаг первый. Иди и получи работу.

Я сделала глубокий вдох.

— Думаешь, я смогу?

— Я знаю, что ты сможешь. — Она подняла свою кружку обеими руками. — Откуда такая неуверенность? С каких пор тебе не хватает уверенности в чём-то?

Я крепко зажмурилась.

— С тех пор, как мама сказала мне, что я не особенная.

Джиллиан поперхнулась своим чаем.

— Что?

— Не смейся! Я знаю, это звучит смешно, но мама толкнула мне «ободряющую речь», — я сделала воздушные кавычки, — в прошлые выходные, в день, когда я съехала из гостевого дома. Она, по сути, сказала, что мне нужно перестать ныть и взять жизнь в свои руки, потому что я потратила все эти годы, живя на всём готовом и получая комплименты по поводу своей внешности.

Джиллиан пожала плечами.

— В какой-то степени она права.

— Спасибо, — сказала я решительно. — Господи, неудивительно, что мне нравится быть рядом с Себастьяном. Он всегда говорит мне, насколько я удивительная и красивая.

— Так и есть. — Джиллиан погладила мою руку. — Но тебе также придётся работать, чтобы получить всё, чего ты хочешь. За всё нужно платить.

29 глава

Скайлар

Позже той ночью и весь день в воскресенье я потратила приличное количество времени на изучение виноградников «Абеляр», и, следовательно, Фурнье. На странице их сайта, я обнаружила, что они познакомились, когда она отдыхала в Париже, и поженились в Провансе. Там даже была свадебная фотография, и я ахнула, увидев её.

— Какая красивая пара! — Я повернула свой ноутбук в сторону кухни Себастьяна, чтобы он смог увидеть. Он готовил для нас ужин, когда я делала заметки о винодельне. — Это она? Женщина, с которой ты познакомился?

— Это она, — подтвердил он, возвращаясь к нарезке картофеля.

— Смотри, они поженились на его семейной вилле. Разве это не романтично? Вилла, — сказала я мечтательно.

— Может, тебе следует начать с квартиры, — поддразнивал он, бросая картофель на противень.

— Ха-ха-ха. Мне бы не хотелось там жить — было бы замечательно просто посетить такое место. — Я кликнула на изображение, чтобы увеличить его. — Я всегда хотела побывать во Франции. Ты когда-нибудь был там?

— Не-а. Для этого мне нужно лететь на самолёте.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Ты не летаешь на самолётах?

Он покачал головой.

— Никогда.

— Как ты добирался до Нью-Йорка и обратно?

— Я путешествовал не так уж и часто, но, когда было нужно, я ездил на машине. — Он засунул противень в духовку и установил таймер.

— О. — В течение минуты я пристально смотрела на фотографию. Я была в каком-то смысле расстроена. — Ты боишься летать? Или тебе просто не нравится?

— Мне не нравится. В общем, все виды транспорта заставляют меня нервничать. Слишком большая вероятность несчастного случая. Но за рулём автомобиля я, по крайней мере, могу контролировать ситуацию. В моей жизни достаточно беспокойства и без самолётов.

Его движения стали скованными, а голос звучал немного вспыльчиво, поэтому я решила оставить эту тему.

— Поняла. Ладно, здесь сказано, что она изучала бизнес и получила степень магистра в Мичиганском государственном университете, а также занималась организацией мероприятий в Детройте на протяжении многих лет. А он был профессором в Нью-Йорке. Степень магистра, — задумалась я. — И вышла замуж за профессора. Уверена, что она хочет нанять кого-то более образованного.

— Прекрати. Или сегодня ты останешься без мяса. — Он угрожающе посмотрел на меня через плечо, переворачивая стейки в маринаде.

Я подняла руки.

— Это серьёзная угроза. Прекращаю.

— Расскажи мне, о чём там ещё пишут. — Он смешал куски картофеля с оливковым маслом.

— Ладно, давай посмотрим. Здесь есть кое-какие вырезки из газет и журналов о винодельне.

Я прочитала некоторые отрывки вслух, затем открыла ссылки на полные статьи и сделала достаточно много заметок. По всей видимости, Лукас Фурнье приобрёл землю у фермера, который пытался расширить участок под красное вино в Северном Мичигане, но оно не было таким же прибыльным, как белое. Лукас был особенно заинтересован в выращивании гаме и пино-нуар, так что следующим, что я сделала, было детальное

изучение этих сортов винограда. Я также узнала, что Лукас Фурнье открыл успешный абсент-бар в Детройте, и прочла интервью, в котором рассказывалось о том, как быть современным без ущерба для аутентичности. О готовности рисковать. О доверии собственной интуиции, даже когда здравый смысл говорит обратное.

Прежде чем я закончила, прошёл целый час, и Себастьян спросил, готова ли я есть.

— Да, извини, — сказала я, сползая со стула у барной стойки. — Что мне взять? — Мы собирались поесть на террасе, в маленькой столовой на открытом воздухе, мебель для которой он приобрёл в антикварном магазине на этих выходных.

— Всё уже готово. — Он открыл мне дверь, и я вышла, задыхаясь от восторга, когда увидела маленький обеденный стол под деревом в углу патио. Он положил голубую скатерть на круглый стол, поставил свечи, и развесил фонари на ветвях дерева. — Это не вилла во Франции, но я надеюсь, тебе понравится.

— О боже мой! Это прекрасно! — Я захлопала в ладоши и улыбнулась ему. — Огромное спасибо за то, что устроил такой ужин. Извини, что я не самый лучший собеседник этим вечером.

— Я просто рад, что ты здесь. Я знаю, что твои мысли сейчас в другом месте. — Он отодвинул для меня стул, и я села.

— Я столько всего узнала. Ты знал, что герцог Бургундский истребил сорт гаме в своём королевстве в 1395 году, потому что тот слишком хорошо конкурировал с его любимым пино-нуар? Он называл его злым, вероломным растением. — Я засмеялась, расстилая салфетку на коленях. — Забавно, что Лукас Фурнье выращивает именно эти два сорта винограда.

— Я не знал об этом, — сказал Себастьян, садясь напротив меня. — Расскажи мне больше, раз уж сегодня мы пьём любимое вино герцога, «Пино Нуар Абеляр».

Моё сердце затрепетало, когда он стал наполнять бокалы. Мне нравилось, как свет горящих свечей играл со светлыми изумрудами его глаз. Мне нравилось, что он подготовил для нас стейк, картофель и салаты, а также обустроил это красивое, романтическое место. Мне очень нравилось, что он поддерживал меня по поводу этой работы. И теперь я знала немного больше о дальновидных молодых владельцах, почему я была безумно рада. Мне нравилось то, как Себастьян прикасался ко мне, как он всё ещё не мог поверить, что я была там, и могла исчезнуть в любой момент. Мне даже нравилось, как он иногда смотрел на меня с грустью в глазах, ведь я знала, что он борется с собственными мыслями в голове, но позволяет своему сердцу одержать верх. У него не было приступов на протяжении всей недели.

По крайней мере, он их не замечал.

Но я устала, пытаясь разгадать каждое выражение его лица, каждое молчание, в которое он погружался, каждый натянутый однозначный ответ на вопрос, на который я надеялась получить ответ в мельчайших подробностях. Я принимала его таким, каким он был, и одобряла его старания. Его попытку быть со мной. Я понимала, как трудно ему было, и я любила его за это.

Святое дермо, что?

«Ты слышала меня. Я люблю его за это. Немножко. Заткнись и не мешай».

Я подняла вилку, опуская взгляд на свою тарелку. Это же было нормальным, верно? Признаться самой себе в том, что влюбилась в кого-то? То есть, в этом нет ничего такого. Это же просто чувство. Приятное чувство, к тому же. Приятное, глубокое чувство. Кто бы не смог влюбиться сильно и быстро в такого человека, как Себастьян?

И Бог знает, что я люблю всё глубокое, сильное и быстрое.

Я подавила смешок, когда набивала рот картофелем, и Себастьян забавно посмотрел на меня, но ничего не сказал, что только усилило мои чувства.

Но я не буду ничего ему говорить. Иисусе, могу только представить, что бы он сделал, если бы я сказала, что люблю его. У меня не было никаких проблем в этом плане — я была частью театрального мира, где все любили всех бурно и величественно (конечно, можно

также ненавидеть кого-то в этом мире и по-прежнему любить его бурно и величественно, но это уже другая история) — но я чувствовала, что Себастьян был не из тех, кто легко воспринимает слова о любви.

— Так что ты думаешь мне следует надеть на собеседование? — спросила я с напускной серьёзностью. — Юбку в сине-белую полоску или чёрное платье? Это вопрос жизни и смерти, так что хорошенко подумай. Мне действительно хочется получить эту работу.

— Хм. — Он отрезал кусочек стейка и стал жевать, раздумывая над ответом. — Я немного неравнодушен к чёрному платью по понятным причинам, но мне также нравится полосатая юбка. Ты была в ней, когда я увидел тебя на пляже.

Моя челюсть отвисла.

— Ты помнишь?

— Конечно, я помню. В белой блузке и с босыми ногами.

— Ну, на самом деле у меня была обувь, просто не тогда, когда я ела песок прямо у тебя на глазах. Боже, это было так неловко. Хотелось бы мне вернуться в прошлое и изменить его.

— Даже не думай. — Он поднял свой бокал. — Если бы ты не упала на песок, я бы никогда не заговорил с тобой.

— Никогда? — спросила я недоверчиво. — Да ладно тебе. Ты бы заговорил. Ты зашёл в кофейню в тот же день.

Он покачал головой.

— Я зашёл в кофейню, как только покинул кабинет своего врача. И причиной, почему я назначил внеочередную встречу с моим психологом, была встреча с тобой.

Я опустила вилку.

— Так ты говоришь, что если бы я не упала на пляже, и ты бы не заговорил со мной, то тебе не понадобилась бы та встреча, и ты бы не был в кофейне в тот день?

— В точку.

Я отпила вино и позволила ароматам смешаться на своём языке.

— Как ты думаешь, мы бы в конце концов нашли друг друга?

Он пожал плечами.

— Трудно сказать. Я бы, наверное, сделал всё возможное, чтобы избегать тебя.

— Почему? — Я опустила свой бокал. — Я думала, что всегда нравилась тебе.

— Страх. Это мощная штука.

— Ага. Могу представить. — Но я ненавидела саму мысль, что мы были так близки к провалу. По-моему, нам было суждено встретиться. Судьба — тоже мощная штука, верно?

— Так может быть... То, что меня уволили — к лучшему? Я имею в виду, из-за этого я оказалась на пляже.

— Возможно.

Мой мозг уже работал в обратном направлении. Если у нас с Себастьяном всё было по-настоящему, значит не только то, что меня уволили было к лучшему, но и также участие в «Оседлай лошадь», и то, что я возненавидела Нью-Йорк, и то, что моя карьера актрисы не удалась. Более того, также было к лучшему то, что он не женился на той потаскуне с Манхэттена. Мой Бог — Себастьян мог быть женатым прямо сейчас! Ужинать в нью-йоркской квартире с другой женщиной! С кем-то, кто вообще не понимал его.

Впервые я почувствовала благодарность за хреновые поступки, которые я совершила в прошлом году, ведь все они привели меня к этому столу, этому мужчине, этому моменту. Это дало мне небольшой толчок — возможно, где-то глубоко внутри была женщина, которая знала, чего хочет, и более того, она знала, что делать, чтобы получить это.

Утро вторника выдалось ярким и солнечным. Я подумала, что это — хорошее предзнаменование. По совету Себастьяна, и потому что это могло принести мне удачу, я надела синюю полосатую юбку и подобрала к ней ярко-розовую блузку. Основываясь на веб-сайте и гардеробе, который я видела на фото, Миа Фурнье казалась женщиной, которая ценит цвет.

Я провела вечер понедельника дома, так как мне хотелось хорошоенько выспаться и выглядеть свежей, тогда как мы с Себастьяном, как правило, ложились спать слишком поздно. Моя мать заставила меня съесть завтрак (вишнёвый турнover, который я ела стоя, наклонившись над тарелкой, чтобы не запачкать блузку) и пожелала мне удачи перед уходом.

Пока я чистила зубы, мой мобильный загудел, извещая о сообщении от Натали.

«Ни пуха, ни пера! Люблю тебя!»

Когда я уже собиралась выходить, то ответила «Спасибо» и заметила пропущенное сообщение от Себастьяна.

«Тебе сегодня не нужна удача, но я уверен, она с тобой. Дай мне знать, как всё пройдёт. Я думаю о тебе».

Я улыбнулась, закрывая за собой дверь. Я чувствовала удачу на своей стороне, и я также чувствовала себя уверенной впервые за несколько недель.

Виноградники «Абеляр» — как я узнала из интервью с Фурнье, были названы в честь средневекового французского учёного, у которого был трагический, но страстный роман с его молодой ученицей — были всего в десяти минутах езды от фермы моих родителей, примерно на полпути между ней и хижиной Себастьяна. Когда я подъехала на усаженную деревьями подъездную дорожку, моё сердце начало колотиться. Место было совершенно потрясающим.

Архитектурный стиль был французским, но в отличие от тёмной, формальной имитации стиля шато семьи Ривард, у Фурнье была вилла в прованском стиле, построенная из светлого кирпича, с выцветшей красной, черепичной крышей и нежно-голубыми ставнями. Она была роскошной, но не вычурной, аутентичной, но не скучной.

Гравийная дорожка кружила напротив главного здания, и я последовала указателям на парковку для посетителей. Когда я вышла из машины и осмотрелась, то увидела, что виноградники растянулись позади зданий, большой красный амбар располагался слева от меня, а знак, указывающий на дегустационный зал, был прямо передо мной. Поскольку наша встреча с Миа Фурнье должна была состояться в дегустационном зале, я последовала указателю вниз по узкой гравийной дорожке вокруг виллы, по пути любуясь цветами и травами.

Позади дома находилось большое патио со столами и стульями, где гости могли сидеть и созерцать закат над полями. Перед каменным зданием располагалась покрытая кафелем площадка с мягкими скамейками и длинными столами для пикника по обеим сторонам от двойных дверей. Шесть стульев стояли по другую сторону от столов, а рядом в глиняных горшках стояли восхитительные деревья с фигурной стрижкой. Всё было совершенно великолепным, и мне уже так сильно хотелось получить эту работу.

Стеклянные двери в дегустационный зал были приоткрыты, пропуская внутрь естественный свет и лёгкий ветерок. Когда я зашла в зал, то сразу заметила, как двухэтажные потолки и большие окна пропускали много естественного света, а цвет светлого камня на стенах гармонировал с нейтральными тонами диванов и кресел, которые были объединены в одну большую зону отдыха перед огромным камином в конце комнаты. Большой квадратный журнальный стол и несколько маленьких стояли на деревянном дощатом полу. Огромное цветочное украшение было ярким цветным пятном на журнальном столике — оно состояло, по крайней мере, из трёх десятков роз различных оттенков розового.

«Полагаю, я оделась правильно», — подумала я с улыбкой.

— Здравствуйте! Вы должно быть Скайлар.

Я обернулась и увидела миниатюрную женщину с длинными, волнистыми каштановыми волосами, которая шла ко мне с другого конца комнаты, где изогнутая деревянная барная стойка со стульями располагалась вдоль всей стены.

Я улыбнулась, направляясь к ней.

— Да. Доброе утро.

— Доброе утро. — Мы встретились в центре комнаты, и она протянула руку. — Меня зовут Миа. Добро пожаловать в «Абеляр».

Я пожала её руку и встретилась с ней взглядом, замечая, что мы, вероятно, были примерно одного роста, хотя я была в туфлях на каблуках, а она — в балетках.

— Так приятно встретиться с вами. Это место просто восхитительное. Я влюбилась в него.

— Спасибо. Нам пришлось через многое пройти, чтобы добиться всего этого, но мы довольны. Могу ли я предложить вам что-нибудь? Кофе или чай? Бокал вина? — Она засмеялась, положив руку на свой слегка округлившийся живот. — Я не смогу присоединиться к вам, но для вина никогда не бывает слишком рано.

— Мои поздравления. Себастьян упоминал, что вы в положении. Это чудесно.

— Да, это будет наш третий. Я думала, что мы остановимся на двух, но у моего мужа были другие планы. — Она закатила глаза. — Когда мы впервые встретились, он даже не хотел детей. Теперь он хочет целую кучу!

Я рассмеялась, раздумывая над тем, сколько ей лет. Она была лучезарно красива, с прекрасной кожей, маленькие морщинки вокруг глаз были единственным признаком старения на лице. Мне стало интересно, каково это быть такой же счастливой, какой она выглядела.

— Так или иначе. — Она взмахнула рукою. — Могу ли я вам что-нибудь принести?

— Нет, Спасибо. Я люблю «Пино Абеляр», но мне, наверное, следует сначала закончить собеседование, прежде чем позволить себе бокальчик.

Она улыбнулась и пошла в сторону диванчиков.

— Давайте присядем. Я собираюсь сделать это в своём кабинете, но сегодня такое прекрасное утро. — Она села на краю большого дивана, а я выбрала кресло с высокой спинкой рядом с ним.

— В самом деле. И мне нравится, что вы обустроили всё так, что ваши гости могут наслаждаться великолепным видом, даже находясь внутри. А этот воздух! — Я сделала вдох, вбирая в себя запах полей. — Похоже, вы сделали эти виды и запахи земли, на которой растёт виноград, частью процесса дегустации. Вы задействовали все эти чувства.

— О боже, мой муж полюбит вас. — Она улыбнулась, устроившись поудобнее на диване. — Итак расскажите мне о себе.

Вздохнув, я начала со своих корней на Олд Минен и своим детстве здесь. Я рассказала вкратце о работе на круизных судах и времени в Нью-Йорке, но подчеркнула, что я очень скучала по дому и семье, и поэтому этой весной я решила вернуться.

— Мне не очень нравится жизнь в большом городе, — призналась я. — За исключением походов по магазинам, а в остальном я предпочитаю жизнь здесь.

— Согласна. — Она кивнула. — Лукас, мой муж, жил в Нью-Йорке, когда мы только начали встречаться, но, когда мы решили жить вместе, я была очень рада, что мы сошлись на Детройте. Это интересный город, но там меньше народу и пафоса, чем в Нью-Йорке.

— Да, я читала, что он открыл там абсент-бар. «Зелёный час»?

Её брови приподнялись.

— Выполнили свою домашнюю работу, как я вижу.

Я пожала плечами, почувствовав тёплый румянец на щеках.

— Я решила, что так будет лучше. Вы тут проделываете довольно впечатляющую работу. Если я хочу быть вашим помощником, то мне нужно знать своё дело.

Она рассмеялась.

— Спасибо. Так о чём ещё вы узнали?

— Ну, я знаю, что вы управляли успешным бизнесом по организации торжеств в Детройте, так что я подумала, что вы, возможно, захотите расширить расписание событий здесь... Возможно начать продвигать «Абеляр» в качестве места для проведения свадеб? Возможно, проводить небольшие корпоративные мероприятия?

Она выглядела изумлённой.

— Продолжайте.

— Я изучила пино-нуар и гаме, красные вина, которые изготавливает ваш муж, и узнала немного о том, почему эти вина можно производить даже в таком холодном климате, как наш, и как наше месторасположение подражает условиям роста в других частях мира, где эти виды винограда хорошо растут. Я немного разбираюсь в этом, потому что выросла на вишнёвой ферме, — призналась я. — Вишня также хорошо растёт здесь в основном по тем же причинам — из-за почвы, холмистой местности, воды, окружающей нас.

— Боже мой. Вы действительно выполнили домашнее задание. — Она склонила голову и скрестила руки. — И вы работали в «Ривард»?

Я неловко заёрзала. Я знала, что этот момент настанет, и была готова к нему, но всё равно было неловко.

— Да, около месяца. Мне очень нравилась эта работа, и я там многому научилась, но миссис Ривард не одобрила моё появление в реалити-шоу, в котором я предстала не в лучшем свете.

«Пожалуйста, пожалуйста, не смотрите это шоу».

— Серьёзно? — Она моргнула. — Какое шоу?

Я сморщилась и сжалась.

— «Оседлай лошадь» (Объезды Ковбоя).

Мия расхохоталась и хлопнула в ладоши.

— Боже мой, это забавно. Bay. — Хихикая, она поджала ногу под себя и подмигнула мне. — Так вы сделали это? Объездили ковбоя?

— Нет. — Я покачала головой. — Единственным, что я объездила, был механический бык, и это длилось всего семь секунд.

Она с сочувствием взглянула на меня.

— Ой.

— Ага. Весь этот опыт был довольно неловким, и я бы предпочла забыть обо всём этом. Я спросила миссис Ривард, сможет ли она дать мне рекомендацию, и она согласилась. Не думаю, что у неё были какие-то проблемы по поводу качества моей работы — это был всего лишь вопрос моей репутации на шоу, которая не соответствовала её критериям хорошего работника. — Я достала своё резюме из сумки и протянула его ей. — Вы можете найти её контактную информацию здесь.

— Спасибо. — На мгновение она взглянула на резюме. — Ах, вы были «Вишнёвой королевой».

Я вздохнула, почувствовав, что должна всё объяснить.

— Да, я была ею, но меня просили не афишировать это. Я написала об этом в резюме, потому что горжусь этим, но после шоу меня фактически свергли за плохое поведение.

— Правда? — Её глаза округлились. — Какого чёрта вы сделали на этом шоу?

— Я просто была не в себе, — сказала я. — Я вела себя определённым образом, потому что продюсеры хотели поднять рейтинги, и они решили, что я смогу привлечь больше внимания, если притворюсь хитрой и подлой.

— И это сработало?

Я пожала плечами.

— На какое-то время. Но это, конечно же, отразилось на моей жизни. Мне не следовало этого делать, но... Век живи, век учись. Давайте сменим тему.

Она кивнула.

— Согласна. Мы все совершаляем ошибки.

— Вот вы где.

Глубокий голос раздался из дальнего конца комнаты, и я оглянулась, чтобы увидеть невероятно привлекательного мужчину, идущего к нам. Думаю, что моя челюсть отвисла на мгновение, прежде чем я додумалась закрыть её.

Мия оглянулась на него через плечо.

— Да, я решила устроиться здесь. Мне не хотелось снова взбираться по этой лестнице, и здесь так красиво этим утром.

Он подошёл к спинке дивана и опустил руку на её плечо.

— Ты в порядке?

— Да. — Она погладила его руку и указала на меня. — Это Скайлар Никсон, подруга Себастьяна Прайса. Скайлар, это мой муж, Лукас.

Я встала, и он склонился над головой Мии, чтобы пожать мне руку. У него были тёмные глаза, слегка длинные, лохматые волосы и фантастическая улыбка. Иисусе, как же выглядели их дети?

— Очень приятно познакомиться, — сказала я. — У вас здесь очень красиво.

— Наш маленький Прованс. — Он взглянул на Мию. — У моей семьи там есть виноградник, и мы попытались воссоздать его очарование здесь.

— О, уверена, она знает об этом. — Глаза Мии сверкали. — Она провела исследовательскую работу.

— Правда? — Лукас посмотрел на меня.

— Да. — Я улыбнулась. — Я знаю о том месте, знаю, что вы выращивали в основном гренаш, и знаю, что вы там поженились.

— Видишь? — Мия взглянула на мужа и указала на меня. — Это то, что мне нужно. Кто-то, похожий на неё, и у кого хватает мозгов, чтобы подготовиться к собеседованию.

— Спасибо.

От счастья я привстала на носочках.

— Похоже, всё идет хорошо. Не буду мешать. Скайлар, очень приятно с вами познакомиться, а ты, — он наклонился, чтобы поцеловать её, запустив руку в её волосы, — береги себя.

— Хорошо.

Она потянулась вверх и прикоснулась к его щетинистой щеке, и что-то внутри меня ёкнуло. У них всё было так легко, и, несомненно, они были очень близки и очень сильно любили друг друга. Мне стало интересно, как они познакомились, и решила, что если я получу эту работу, и мы достаточно подружимся, то обязательно спрошу об этом. Лукас ещё раз помахал мне рукой, прежде чем выйти сквозь стеклянные двери.

— Ладно, — сказала Мия, поднимаясь. — Полагаю, мне нужно позвонить по поводу ваших рекомендаций, и если я не узнаю, что вы ограбили Ривард, то мне бы хотелось дать вам шанс. Работа включает в себя помочь в различных сферах — от организации поездок и планирования мероприятий до обустройства дегустационного зала и помощи с маркетингом и пиаром. Я очень практична, и собираюсь обучать вас самостоятельно, но вам также придётся пройти курс виноделия у Лукаса.

— Звучит здорово.

— У вас будет почасовая оплата, для начала 18 долларов, но через три месяца мы пересмотрим эту сумму и даже обсудим полноценную зарплату. Я позвоню по поводу ваших рекомендаций на этой неделе и затем приму окончательное решение. — Она скривила гримасу. — Не то чтобы мне хотелось разговаривать с этой старой летучей мышью Мирандой Ривард, но мне придётся.

Я засмеялась.

— Спасибо.

Она провела меня на улицу и помахала рукой кому-то, кто поливал клумбы.

— Как скоро вы могли бы приступить к работе?

— Сейчас я работаю у своей сестры, но она сказала, что сможет найти мне замену в течение недели.

— Значит с понедельника? — с надеждой спросила Миа. — Простите, что тороплю вас, я просто хочу, чтобы вам здесь было максимально комфортно, прежде чем малыш появится на свет этой осенью.

— Нет проблем, — уверила её я. — С понедельника будет нормально.

— Отлично. — Она протянула руку, и я пожала её. — Было приятно с вами познакомиться, Скайлар. Я рада, что Себастьян отправил вас ко мне. Мне кажется, что у нас всё получится.

Я улыбнулась.

— Взаимно.

Позже тем вечером Миа Фурные позвонила и сказала, что работа была моей, если я хочу этого. Она рассказала, что Миранда Ривард хвалила мои трудолюбие, исполнительность и отношение к работе, и даже призналась, что немного сожалеет о том, что отпустила меня. Услышав это, Миа сразу же решила нанять меня и спросила, смогу ли я приехать в пятницу, чтобы оформить документы.

Я была у Натали, когда мне позвонили, и мы обе завизжали и запрыгали, как только я закончила разговор. На следующий день Натали повесила объявление о поиске помощника в кофейню, и к вечеру пятницы она уже наняла студентку колледжа, которая приехала домой на лето.

Себастьян был рад за меня, и поэтому в субботу он пригласил меня на ужин в «Мишен Тейбл», чтобы отпраздновать. Когда он появился у дома моих родителей, то вручил мне поздравительный букет медовых леденцов, перевязанных яркой розовой лентой. Я обняла его, и он поднял меня, смеясь в мои волосы. Если бы он отпустил меня, то, клянусь, я бы улетела к небесам.

За ужином тем вечером я рассказывала ему о своих планах на лето, а он внимательно слушал.

— Я собираюсь рвать свою задницу, чтобы показать, чего стою, и надеюсь договориться о прибавке через три месяца. На тот момент, я думаю, мне удастся накопить достаточно денег, и я смогу достаточно зарабатывать, чтобы позволить себе хорошую квартиру и, возможно, купить или арендовать автомобиль. Ещё я подумала, что смогу арендовать гостевой дом своей матери этой осенью, когда закончится туристический сезон. Тогда я смогу откладывать деньги, и, возможно, куплю что-нибудь в следующем году.

— Звучит неплохо.

Внезапно я поняла, что говорила без умолку. Я внимательно посмотрела на него.

— Ты крайне молчаливый сегодня.

— Правда?

— Да. Что случилось?

Он одарил меня лёгкой улыбкой.

— Ничего. Думаю, у меня был тяжёлый день. Но я чувствую себя лучше, когда вижу, как ты счастлива. Я рад, что ты получила эту работу.

— Да. Огромное спасибо. Это всё благодаря тебе, ты же знаешь.

Он отверг эту мысль, махнув рукой.

— Не-а.

— Так и есть! Я так благодарна. И я планирую показать тебе позже, насколько сильно я благодарна. — Я многозначительно провела языком по зубцам вилки.

— В таком случае, я приму благодарность.

Самодовольная и счастливая, я улыбнулась.

— Хорошо.

30 глава

Себастьян

Каждый день тем летом она была первой, о ком я думал по утрам, и последней, о ком я думал перед тем, как заснуть, независимо от того, была ли она рядом или нет. Шли недели, и я всё больше хотел, чтобы она была рядом со мной. Я скучал по ней, когда её не было рядом — мне не хватало её улыбки, её смеха, её запаха, её голоса, её поцелуев, её прикосновений.

С июня я начал работать полный рабочий день в фирме отца, и я хорошоправлялся. Нагрузка была приемлемой, достаточно сложной, чтобы мне было интересно, но в то же время я не был перегружен; я ходил в тренажёрный зал по утрам перед работой и чувствовал себя лучше, чем за последние несколько лет; и я придерживался еженедельных встреч с Кеном, иногда у нас были внеочередные встречи, когда я чувствовал, что голос в голове пытался лишить меня уверенности в себе, моей работы, или моих отношений.

В эмоциональном плане я чувствовал себя более стабильным, чем когда-либо. Навязчивые мысли не мешали нашей близости со Скайлар, и она пыталась помочь мне раскрыться, не будучи напористой. Она была такой честной, такой понимающей, что я впервые заговорил с ней о том, чем никогда ни с кем не делился — моих любимых детских воспоминаниях о матери, моей любви к поэзии, особенно о природе, и о том, как я иногда завидовал братьям, их счастливым бракам и семьям, хотя я никогда не был уверен насчёт своей собственной. Одним жарким августовским вечером я рассказал ей о том, как сильно завидовал их вере в себя — тому, как они без лишних сомнений могли принимать решения, например, о женитьбе или детях.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказала она, посасывая медовый леденец. Сейчас в моём доме было много таких про запас. Мы лежали в противоположных концах гамака, наши тела прижимались друг к другу. — Эти вечные ценности также пугают меня.

Я усмехнулся.

— Вечные ценности?

— Ага. Брак, семья. То есть, мне нравится сама идея семьи, но не уверена, что смогу стать хорошей матерью. Натали уверена, что хочет детей, и, похоже, Джиллиан также хочет — но всякий раз, когда я думаю об этом, то всё это кажется таким далёким будущим. Вечные ценности для настоящих взрослых. — Она тихо засмеялась. — Я пока ещё не такая. Возможно, после того, как у меня появится машина, я буду чувствовать себя взрослеей.

На минуту мы замолчали, и я положил руки за голову в надежде, что мой голос будет звучать непринуждённо.

— Что насчёт брака? Ты когда-нибудь думала об этом?

К собственному удивлению, я немного думал об этом в последнее время, воображая, каково это быть женатым на ней, сопоставляя нашу мирную жизнь здесь с безумной, шумной жизнью, которая могла бы у меня быть в Нью-Йорке. Как я только мог подумать, что та жизнь смогла бы понравиться мне?

— Рано или поздно все девушки думают об этом. — Она пожала плечами. — Думаю, я не исключение. А что насчёт тебя?

— Не-а, — соврал я. Эта идея, видимо, не зацепила её, поэтому я решил, что будет лучше не выражать особого восторга по этому поводу. Возможно, она думала о нас, как о чём-то временном, пока у неё не появятся серьёзные отношения? Эта мысль раздавила меня, не то чтобы я осуждал её. Она могла добиться гораздо большего. — Из меня вышел бы ужасный муж.

Она вынула леденец изо рта и указала им на меня.

— Здесь я совершенно согласна с тобой. Ты же не умеешь готовить, твой дом — помойка, а твой член — так себе.

Я набросился на неё, и она завизжала, спрыгивая с гамака и заставляя меня бежать за ней на причал, где я перекинул её через плечо и понёс назад в хижину. Она смеялась, визжала и колотила мою спину в тщетной попытке вырваться из моих объятий.

— Беру свои слова обратно. Я хотела сказать, что твой член такой великолепный.

— Слишком поздно, ангел. Ты сбежала от меня. Ты знаешь, что это значит. — Я бросил её на диван в гостиной, и она усмехнулась, затаив дыхание.

— Но у тебя нет верёвки.

— Нет, — сказал я, расстёгивая свой ремень и снимая его. — Но это подойдёт.

Её челюсть отвисла.

— Подойдёт?

— Угу. Встань.

Бедный маленький ангел. Думаю, её ноги в самом деле дрожали, когда она стояла голая на краю дивана, а я связал её лодыжки и перекинул её через свою руку.

Мои дрожали. Они дрожали от похоти, когда я скользнул пальцами в её киску, а затем в её рот, наблюдая, как она посасывает их. Они дрожали от благоговения, когда я сжал её волосы в кулак и подразнивал её тугую маленькую попку кончиком члена, поражённый тем, что она позволила мне опорочить себя. Они дрожали от эйфории, когда я трахал её у стены, одной рукой потирая клитор, когда она кончала и выкрикивала моё имя снова и снова.

«Мой Бог, я люблю её», — подумал я, заполняя её тело, моё зрение слегка помутнело. «Я так сильно влюблён в неё, что мне даже трудно видеть. Она чертовски идеальна».

На самом деле, вся моя жизнь была чертовски близка к идеальной. Я никогда не был счастливее.

И я никогда не был настолько неуверенным в том, что смогу удержать это.

31 глава

Скайлар

— Да ладно, — сказала я, надувшись. — Посмотри на листок. Я всё правильно сделала?

Был конец августа, и мы сидели на покрывале на причале с бутылкой «Абеляр Пино Гри», и Себастьян должен был проверять мои дегустационные навыки. Недавно Миа и Лукас спросили, будет ли мне интересно представлять их вина на Среднем Западе, встречаться с дистрибуторами, торговцами и сомелье, так как Миа будет слишком занята детьми, чтобы путешествовать. Мне нравилась эта идея, но я понимала, что мне нужно было ещё много узнать о винах «Абеляр» и отрасли в целом, прежде чем я смогла бы взяться за это.

— Да, ты сделала всё правильно. — Себастьян убрал свой бокал и папку в сторону. — Но хватит занятый на сегодня.

— Мне нужно выучить это за выходные, — заныла я. — Ты сказал, что поможешь.

— Я знаю. — Он взял бокал из моих рук и поставил его рядом со свечными фонарями, которые мы зажгли. — И я сдержу своё слово. Я помогу тебе расслабиться.

— О? — Я облокотилась на руки, вытянув ноги к нему. Озорной огонёк в его глазах заставил мои внутренности перевернуться.

Лето проходило в счастливом вихре работы, вина и отличногоекса... Определённо, это лучшее лето в моей жизни. Я любила свою работу в «Абеляр», мне нравилось работать на Фурнье, и каждый день я становилась более уверенной в том, что хорошо выполняла свою работу. Миа была требовательной начальницей, но справедливой, отзывчивой и такой организованной, что я была в полном восторге. Если у меня случались ошибки или трудности, то она относилась ко мне с пониманием, и она всегда хвалила меня, когда я делала всё правильно или брала на себя инициативу в отношении чего-либо. У неё наверняка были свои мысли о том, как всё должно быть выполнено, но после того, как мы узнали друг друга немного лучше, она также хотела выслушать мои идеи и призывала меня быть храброй в высказывании своего мнения.

Я выполняла функции как её личного ассистента, так и помощника управляющего дегустационным залом. Многие идеи, которые я предлагала в «Ривард», были одобрены в «Абеляр». Лукасу понравилась идея о создании канала на Ютуб для неформальных видео об их винах, и он подумал, что я буду чувствовать себя естественно перед камерой. Вместе с его главным виноделом, французом по имени Габриэль Алляр, Лукас и я записали несколько видео по поводу мероприятий, которые Миа запланировала в течение всего лета. Я часто задерживалась допоздна, изучая вина, и брала на дом кучу дополнительного материала про виноград, почву и процесс виноделия. Много ночей я засыпала с книгами на груди или открытым ноутбуком рядом со мной.

Я частенько бывала в постели Себастьяна.

Мы проводили вместе три или четыре ночи в неделю, а также виделись на моих выходных, которые всегда были в течение недели. Себастьян старался приходить домой пораньше, и мы ходили на прогулку в парк или плавали у его причала или спускали лодку на воду. Когда я беспокоилась о том, что посягала на уединение, которого он так хотел, когда мы впервые встретились, то он успокаивал меня поцелуем или закрывал мой рот рукой, а однажды он сбросил меня с лодки прямо в воду.

Он понемногу рассказывал мне о своём прошлом, о его трудном детстве и последних десяти годах жизни. Я старалась не допытываться, но поглощала каждое его слово, каждое воспоминание, которым он делился. Постепенно я начинала угадывать его настроение, и понимала, когда я могла задавать ему вопросы, когда я могла пошутить, а когда мне следовало просто заткнуться и поцеловать или обнять его, или вообще ничего не делать, а лишь тихонько слушать. Я привыкла к его спокойствию, эпизодическим вспышкам гнева и его раздражающей скрытности о чувствах, и, в свою очередь, он терпел мою неуверенность

по поводу работы, мои тонны косметики в ванной и мою непрерывную болтовню о сортах, сборе винограда, кислотности, плодах, минеральности и месте сбора урожая — хотя он и говорил, что если я ещё раз произнесу «цветочные нотки», то он запретит мне пить вино в его присутствии.

— Да. Отдых очень важен для дегустации вин. — Он повернул мои лодыжки и развёл их в стороны, прежде чем лечь на живот между моих ног. Затем он устроился так, что его голова оказалась у меня под юбкой. — Приподними бёдра.

Ухмыляясь, я сделала, как он просил, и позволила ему снять с себя трусики, затем я акнула, когда он раздвинул бёдра и обвёл языком мою щель.

— Мм-м-м-м. — Он сделал это снова, задерживаясь вверху. — Чертовски восхитительна на вкус.

Я расхохоталась, откинувшись на локти и согнув колени.

— Так лучше?

— Да. — Его язык скользил, и кружил, и смаковал меня. — Боже мой, это вино великолепно. Лёгкое и освежающее, с потрясающим фруктовым послевкусием и сбалансированной кислотностью.

— Иисусе. — Я хлопнула в ладоши и полностью легла на спину, смеясь и одновременно постанывая от удовольствия.

Он всосал клитор в рот и стал покусывать его, заставляя мои ноги покалывать до самых кончиков пальцев, которые вцепились в покрывало.

— М-м-м, да. Неповторимый вкус и изысканный аромат. Насыщенный и восхитительный. — Два пальца с лёгкостью скользнули в меня.

— Я думала, ты сказал, что вкус был лёгким, — вздохнула я, раздвигая ноги ещё шире, пытаясь нащупать его голову.

— Как же мне всё это нравится. Стоит ли мне упоминать элегантные цветочные нотки? И затяжное послевкусие, ну... это неописуемо, — поддразнивал он, глубоко и медленно вбиваясь в меня своими пальцами, и моё тело выгнулось над пирсом. Когда он снова прильнул ко мне ртом, я кончила так сильно, что слишком громко закричала, и мой голос эхом прокатился над водой. Я снова прикрыла рот, но Себастьян лишь рассмеялся, слизывая затяжное послевкусие до последней капли.

— О, боже, я такая громкая, — прошептала я смущённо. — Что, если кто-то услышал?

— Мне действительно наплевать. — Себастьян встал на колени и расстегнул свои брюки. — Так иди же сюда и садись на мой член. Если хочешь, я буду закрывать твой рот рукой.

Я привстала, замерев на мгновение, чтобы насладиться видом, где он стоит на коленях, его твёрдый член ожидает меня, его тёмные глаза светятся в свете свечей. Мне нравилось, как выглядели его руки, когда он расстёгивал свою рубашку. Забравшись на его колени, я положила руки на плечи и медленно опустилась на него, наслаждаясь каждым гладким, тёплым дюймом, скользящим всё глубже и глубже в меня. Когда моя задница опустилась на его бёдра, член проник настолько глубоко, что я почувствовала эту чертовски приятную боль и обернула руки вокруг его шеи.

Мы остановились на мгновение, не отводя глаз друг от друга и раскрыв рты, наше дыхание слилось воедино. Свет и игривое настроение, которые были всего минуту назад, исчезли, оставив взамен что-то более серьёзное. Я запустила руки в его волосы, не веря своим глазам, что такой красивый, такой умный, такой сильный мужчина всё ещё думал, что он не был достаточно хорошим для меня. Моё сердце колотилось так сильно, что эхом отзывалось в голове. Чувства настолько переполняли меня, что я собиралась взорваться прямо там — не от оргазма, а от эмоциональной разрядки.

— Я так сильно влюблена в тебя, — прошептала я, начав покачивать бёдрами. — Я так сильно влюблена в тебя, Себастьян. — Мои глаза заслезились, хотя я была счастлива сказать ему об этом. Меня не волновало, ответит он взаимностью или нет — это были мои чувства, и я хотела, чтобы он знал о них.

— Скайлар. — Он крепко прижал меня к себе, зарывшись лицом в мою шею. — Ты — всё, чего я хочу. Всё, о чём я мечтаю. Думаю, что я всегда любил тебя.

Слёзы покатились по щекам, хотя я улыбалась.

— В самом деле? Всегда?

— Да. — Руками, он переместил меня ближе к себе, двигаясь в медленном, волнообразном ритме, который заставил мои внутренние мышцы снова сжаться вокруг него. — Потому что я не могу вспомнить, каково это — не любить тебя. Не болеть тобою. Не желать тебя.

Слова, которыми он описывал свои чувства, разбивали мне сердце.

— Ты не должен болеть мною или желать меня, любимый. Я здесь. — Я покрыла его лоб поцелуями, оттягивая голову назад, чтобы заставить посмотреть на меня. — Я здесь, и я не уйду.

— Ты уйдёшь, — сказал он с необъяснимой грустью в глазах. — Ты должна. А я должен страдать из-за тебя.

— Тс-с-с. — Я поцеловала его, прежде чем он смог сказать что-то ещё, погружаясь своим языком в его открытый рот, оборачивая ноги вокруг него.

Он выпрямился так, что основание его члена упёрлось мне в клитор, и крепко схватил меня за задницу, потираясь об меня своим телом.

— О боже, — выдохнула я у его рта. — Мне так хорошо, так чертовски хорошо.

Застонав, он толкнулся жёстко и глубоко в меня в последний раз, помогая мне скользить по его длине. Одновременно кончив, наши тела запульсировали в чудесном блаженстве.

Затем он спрятал лицо у моей груди, и когда его плечи вздрогнули от лёгкого всхлипывания, мне стало трудно дышать. Почему он был так уверен, что я оставил его? Почему он думал, что ему нужно страдать из-за меня? Было ли это потому, что никто не понимал его в прошлом? Разве никто не пытался разрушить его стены? Собирался ли он закрыться от меня и снова уединиться, чтобы защитить себя?

— Малыш, — успокаивала я, когда его слёзы впитывались в мою блузку. Я провела руками по его плечам, спине, покрывая поцелуями его макушку. — Тебе никогда не придётся страдать из-за меня. Я не позволю.

— Ты не можешь этого обещать. Ты пожалеешь об этом.

— Нет, не пожалею. В чём дело? Что произошло?

— Чёрт. Прости. — Он быстро вытер глаза.

— Себастьян. Поговори со мной.

— Всё в порядке. Думаю, я просто не понимал, что был слишком напряжён. — Он вышел из меня, и затем я села, сдвинув ноги, накрывая их своей юбкой.

— О. — Ну, это было разочарованием. Он в самом деле сейчас закрывался от меня? После того, что мы только что сказали друг другу?

— Извини за юбку. Я заплачу за химчистку.

Я уставилась на него, дважды моргнув.

— За юбку?

— Ага. Я немного... испачкал её. — Он встал и надел штаны.

— Иисусе, Себастьян. — Я поднялась, чувствуя, как тепло стекает по моей ноге. — Меня не волнует эта чёртова юбка. Меня волнует то, что ты закрываешься от меня после того, как я сказала, что люблю тебя.

— Я не закрываюсь. — Он даже не взглянул на меня.

— Ты закрываешься. Почему?

На мгновение он замолчал, глядя на воду, и я узнала это упрямое движение челюстью. Он не собирался говорить.

— Ладно. Продолжай в том же духе. — Вместо того чтобы спорить, я наклонилась, чтобы подобрать свои туфли и папку, а затем зашагала в сторону хижины.

В ванной я привела себя в порядок влажной мочалкой, борясь со слезами, когда я посмотрела на себя в зеркало над раковиной.

«Такова его натура. Это то, с чем ты будешь иметь дело каждый раз, когда ваши отношения выйдут на определённый этап, и он начнёт паниковать».

Но о каких этапах может быть речь? Он ведь однажды сказал, что не хочет жениться, заводить детей. Но если так подумать, то после этого разговора мы отвлеклись на секс — удивительный, головокружительный, громкий секс, — а позже, когда мы лежали рядом в его постели, мне стало грустно оттого, что, скорее всего, он не хотел этих «вечных ценностей» со мной. Возможно, он просто испугался такой ответственности — многих парней это пугает. Или, может быть, он беспокоился о передаче ОКР своим детям, если они у него будут.

«Возможно, он боялся, что всадит в меня нож для нашего свадебного торта. Но чёрт его знает, ведь он не собирался разговаривать со мной!»

Раздался мягкий стук в дверь.

— Секундочку, — сказала я. — Хотя, просто заходи. Мне всё равно.

Дверь открылась, и подавленный Себастьян появился позади меня в зеркале. Я встретила его полный раскаяния взгляд прежде, чем сполоснула мочалку в раковине.

Он вошёл и встал рядом, взяв у меня мочалку. Не говоря ни слова, он выжал её, опустился на колени и развернул меня к себе лицом. Затем он нежно провёл прохладной, влажной тканью по внутренней части моей ноги.

Я вздохнула.

— Я уже сделала это, — сказала я, хотя это было так мило с его стороны, поэтому я была не против, когда он встал, сполоснул и снова выжал мочалку, а затем опустился на колени, чтобы нежно вытереть другую ногу и между ними.

Он посмотрел на меня.

— Я люблю тебя. Сильнее, чем когда-либо.

Я обхватила его подбородок рукою.

— Тогда откройся и позволь мне остаться.

— Я хочу этого. — Страх в его глазах разбивал моё сердце. — Я буду стараться.

32 глава

Себастьян

Я начал идти по наклонной в ночь, когда Скайлар сказала, что любит меня. Я знал, что так случится.

Я также знал, что полностью облажался. Потому что я говорил правду — я люблю её больше, чем когда-либо кого-то любил. Моё сердце знало правду, но, казалось, будто моя голова не хотела соглашаться с этим. Отказывалась верить в будущее с ней. Не позволяла мне чувствовать себя в безопасности оттого, что она была счастлива со мной.

Скайлар не взяла с собой рабочую одежду, поэтому мне пришлось отвезти её домой той ночью. На полпути мне пришлось вернуться и проверить замки на двери хижины. Отправившись в путь во второй раз, мне снова пришлось возвратиться, чтобы проверить их. В четверти пути от фермы я почувствовал необходимость вернуться и ещё раз проверить замки, я уже был готов развернуть машину. Я был слишком взволнован, мои руки дрожали.

— Эй. — Скайлар положила три пальца на моё запястье. — Перестань. Ты запер двери. Я всё видела.

Я сглотнул.

— Ладно.

— Что происходит? Поговори со мной.

— Ничего.

— Это... из-за того, что я сказала? Возможно, это было слишком для тебя. — Беспокойство в её голосе было словно удар в живот.

— Нет, Скайлар. — Я взглянул на неё и увидел, как она прикусила нижнюю губу. Я взял её руку и поцеловал. — Я так рад, что ты рассказала мне об этом, и то, что я сказал тебе — чистая правда.

Поэтому я считал линии в центре дороги по пути к ферме и обратно.

И поэтому я убедился, что поцеловал её на прощание восемь раз и дважды сказал, что люблю её, молясь, что она не поймёт, что я делаю.

Именно поэтому я вёл счёт, когда чистил зубы, и убедился, что перестал читать книгу на чётной странице, и восемь раз нажал на выключатель лампы в спальне.

В темноте я опустил голову на подушку, и беспокойство накрыло меня, словно невыносимая боль.

Я любил её, а она любила меня.

Теперь её безопасность была под моей ответственностью.

её безопасность.

её безопасность.

её безопасность.

её безопасность.

её безопасность.

её безопасность.

Через три дня я встретился с Кеном, и он сразу понял, что со мной было что-то не так.

— Как дела? — спросил он, глядя на меня с опаской.

— Нормально. — Я кратко отвечал и толком ничего ему не рассказывал. Когда он спросил о Скайлар, я ответил, что всё было в порядке, но по ходу разговора я похлопал по ноге восемь раз, а затем опустил голову и восемь раз моргнул. Уверен, Кен понял, что я был сам не свой, по крайней мере, я вёл себя не так, как в последние несколько месяцев. Но он не стал давить на меня. Покинув здание, я убедился, что сделал чётное количество шагов

по пути к своей машине. Я ненавидел то, что делал, мне стало плохо, и стыдно, и противно, но я не мог остановиться.

Скайлар была со мной строже, чем Кен.

— Что с тобой? — прошептала она спустя две недели, увидев, как я передвигал столовые приборы в доме брата. Я пытался сделать так, чтобы две вилки были на одинаковом расстоянии друг от друга, а тарелка лежала ровно между ними. То же самое с ложкой и столовым ножом по другую сторону.

— Ничего. — Я улыбнулся, когда она протянула руку и сжала мою ладонь под обеденным столом.

— Ты переживаешь из-за чего-то? — В отличие от меня, она казалась спокойной и расслабленной, хотя сегодня она впервые встретилась со всей моей семьёй.

— Нет. — Наклонившись к ней, я поцеловал её в щеку, чтобы успокоить.

Мне не хотелось, чтобы она подумала, что я беспокоился о её встрече с моей семьёй. Меня это совершенно не волновало — на самом деле, это была моя идея. Ну, моя и моей невестки. Они уже встречались со Скайлар, когда та организовала встречу Келли с миссис Никсон по поводу поставки товаров в её гостевые дома. Скайлар также организовала встречу с Миа Фурнье, и теперь «Абеляр» хранил и продавал медовые изделия Келли. Она обожала Скайлар и призывала меня пригласить её на ужин, чтобы познакомить со всей семьёй. Отец был здесь со своей давней подругой, мой брат Дэвид был с женой Джен, а мои племянники с племянницами сидели за детским столом на кухне.

Скайлар вела себя как обычно — она была красивой, спокойной и общительной, и я наслаждался тем, как она замечательно вписывалась в мою семью. Диана дважды прилетала в Мичиган в течение наших двухлетних отношений, и ни разу я не был так спокоен или горд, как сегодня. На самом деле, я вполне наслаждался впечатлённым видом своих братьев, когда они впервые увидели её. Мой отец уже однажды видел её в офисе, он постоянно наблюдал за нами со странным выражением лица, будто задавался вопросом: «Как, чёрт возьми, этот парень смог заполучить такую девушку?» В принципе, я также думал об этом каждый раз, когда смотрел на неё.

— Твоя семья замечательная, — сказала Скайлар позже, когда я вёз её домой.

— Они без ума от тебя. — Я старался говорить спокойно, хотя и был ужасно напряжён за рулём. В последнее время у меня была навязчивая идея о том, что она может попасть в автомобильную аварию. На прошлой неделе она приобрела свой собственный автомобиль, «Мини Купер», и я боялся, что он не был достаточно безопасным. Он был таким маленьким. Даже в своём грузовике, я беспокоился по поводу аварии. Затем я почувствовал себя ужасно из-за своих мыслей, так как мой мозг убедил меня в том, что я могу стать причиной аварии, просто думая об этом.

— Я люблю тебя. — Она потянулась и погладила мою ногу. — Ты уверен, что всё в порядке? В последнее время ты кажешься рассеянным.

— Я в порядке. Просто устал.

Множество голосов кричали в моей голове. Один предупреждал меня, что, закрываясь от неё, я пытался избежать проблемы рецидивов и способствовал гибели наших отношений, если не моей собственной. Другой кудахтал в «я-же-тебе-говорил» манере, наслаждаясь тем, как я облажался, чего и следовало ожидать. Ещё один умолял меня продолжать в том же духе, потому что это было единственным способом убедить себя в том, что ничего плохого с ней не случится.

— Похоже, это больше, чем просто усталость. — Её тон был настороженным. — Я кое-что заметила в последние пару недель, и я беспокоюсь.

— О? Что, например?

Она вздохнула.

— Например, проверка замков.

Я немного ощетинился.

— Я всегда так делаю.

— И розеток?
— Я живу в хижине. Я беспокоюсь о пожаре.
— И ты снова поставил ножи над холодильником?
Я надеялся, что она этого не заметит.
— Я просто сделал это, чтобы освободить столешницу. Ненавижу, когда всё заставлено вещами.

Она молчала, пока мы не подъехали к дому её родителей. Сразу же после Дня труда она вернулась в гостевой домик, где жила в мае, и я провёл там пару ночей, хотя в хижине я чувствовал себя гораздо комфортнее. Моя постель была единственным местом, где я чувствовал себя совершенно комфортно наедине с собой или с ней.

— Хочешь зайти? Мне завтра рано на работу, но мне бы хотелось, чтобы ты остался на ночь. — Она взяла мою руку в свою. — Если ты устал, то можем просто лечь спать, обещаю.

Я выдавил улыбку.

— Это редко случается с нами.
— Знаю, — ухмыльнулась она. — Но мне это нравится.
— Почему бы тебе не взять свои вещи и не поехать со мной в хижину?
Она задумалась.
— Тогда, мне понадобится моя машина с утра.
— Я отвезу тебя на работу и заберу оттуда, — сказал я быстро. — Завтра суббота. Я не работаю.

— Нет, это глупо. Я возьму свою рабочую одежду, и мы встретимся в хижине. — Она наклонилась и быстро поцеловала меня, и, прежде чем она смогла выйти из машины, я схватил её и снова поцеловал.

Она всё поняла и улыбнулась.

— Знаю, знаю. Два лучше, чем один.

— Попался. — Я слегка рассмеялся, но в глубине души я был совершенно серьёзен. Ничего нельзя делать нечётное количество раз. Ничего.

33 глава

Себастьян

Шла осень, и я с каждым днём всё больше влюблялся в Скайлар. И будь я хоть в чём-то по-настоящему уверен, то это определённо были бы наши с ней чувства. Но чувство обречённости и иррациональный страх того, что это случится по моей вине, мучили меня.

Я постарался утаить своё беспокойство от Скайлар, но далеко не все мои навязчивые привычки можно было легко скрыть. Она знала, что-то происходило со мной, но, когда она спрашивала, всё ли со мной в порядке, я лгал и говорил, что был расстроен из-за работы, или устал, или просто был голоден. Она либо верила мне, либо просто делала вид, наверное, для того, чтобы дать мне самому разобраться с этим, из-за чего я чувствовал себя ещё более виноватым. Я лгал женщине, которую любил, и она заслуживала лучшего.

«Не верь мне», — хотел я сказать ей. — «Не позволяй мне отдалиться от тебя. Не принимай моё молчание за ответы. Не дай моему страху всё разрушить».

В плохие дни было такое ощущение, словно у каждого моего шага были последствия, каждая радикальная мысль могла осуществиться, и с каждой минутой я был на шестьдесят секунд ближе к тому, чтобы потерять её.

«Конечно, ты потеряешь её», — насмехался голос. — «Когда ты был в состоянии придерживаться чего-то хорошего?»

Но были и хорошие дни.

В середине октября у Мии Фурнье появился малыш, а Скайлар получила повышение, прибавку к жалованию и коробку с визитками виноградников «Абеляр», где Скайлар Никсон была указана в качестве представителя торговой марки. На следующий день я отправил ей на работу две дюжины розовых роз и тем же вечером сказал, как сильно горжусь ею. Она спросила, может ли она рассчитывать на какое-нибудь вознаграждение, и я ответил «конечно».

Маленькая вредина спросила, можем ли мы вместе принять душ, во время которого она умоляла меня ласкать себя при ней и кончить на её грудь.

Что я сделал.

Позже я завязал ей глаза и бесконечно мучил её своим языком за то, что она была такой непослушной девочкой. Её руки были связаны, а её тело растянулось на полу спальни.

В такие дни я чувствовал себя богом. Я мог бы сделать всё, что угодно, пока она была со мной. В один промозглый осенний вечер мы вытащили мой спальный мешок на пирс и провели там всю ночь. Мы шептали, целовались и занимались любовью, пока не взошло солнце, а затем мы, наконец, отправились в хижину и проспали несколько часов в моей постели. Той ночью я практически решился предложить ей переехать ко мне, но я был слишком напуган — если она постоянно будет находиться рядом, то мне будет гораздо сложнее скрывать от неё свои ритуалы.

Но, Боже, как же сильно я люблю её. Безумно. Страстно. Мне всё время хотелось быть с ней. Я жаждал её всеми фибрами своего существа. В ту ночь на пирсе я, несомненно, знал, что хотел провести остаток своей жизни с ней.

Наконец-то я был хоть в чём-то уверен.

В ноябре я начал задумываться о том, чтобы сделать ей предложение. Именно так должен чувствовать себя мужчина, который хочет попросить кого-то стать его женой — дикая влюблённость, бурлящая кровь, каждое биение сердца подобно взрыву. Но чем больше я думал об этом, тем скорее я приближался к тому, чтобы спросить её, хочет ли она навсегда остаться со мной, тем более хрупкой она казалась в моих глазах, тем больше навязчивых мыслей появлялось в моей голове, и тем лучше я понимал, что был недостаточно хорош для неё. Она не будет счастливой со мной, не так ли? Она не сможет. Я был лжецом. Я был трусом. Я был подлецом, который связывал и трахал её лишь бы заставить её почувствовать себя беззащитной и уязвимой, каким я сам был.

Но я не мог остановиться.

Страх, чувство вины и стыд мучили меня, и чем больше я боролся, тем хуже я чувствовал себя. Моя жизнь превратилась в фарс. Я скрывал свой рецидив от Кена, отменяя встречи четыре недели подряд. Мне удавалось скрывать это на работе, так как мой отец позволил мне работать в удобное для меня время, поэтому не имело значения, когда я появлялся в офисе. Я перестал делать записи в своём дневнике в попытке скрыть всё это от себя, и я отчаянно пытался утаить это от Скайлар — но, в конце концов, это стало невозможным.

— Что с тобой? — спросила она однажды в холодный, дождливый ноябрьский вечер после того, как я поехал обратно в хижину, чтобы проверить розетки и бытовую технику уже во второй раз. Мы ехали на ужин к Фурные и уже опаздывали, но днём я приготовил суп, а этот день был нечётным. И хотя я помнил, как выключил конфорку, я не доверял себе. Что, если это было воспоминанием другого дня, и газ был всё ещё включён? Я выдумал историю о том, что забыл свой бумажник, а затем о том, что мне нужно было принять лекарство, но эти отговорки были неубедительными, и она это понимала. — И если ты скажешь «ничего», то я выхожу из этой машины. Я слишком долго мирилась с таким поведением.

Я сжал губы и промолчал. Подъехав к хижине, я сказал ей подождать в машине. Пробежав под проливным дождём, я зашёл внутрь и начал проверять бытовую технику, а, когда я повернулся, она стояла позади, скрестив руки.

— Себастьян. Прекрати.

— Я, бл*дь, не могу, — выпалил я, вцепившись в край столешницы.

«Ты не проверил тостер».

— Тогда скажи мне, что случилось. Ты ведёшь себя странно уже несколько недель, и ты не желаешь разговаривать со мной. Я не знаю, что делать, когда ты вот так закрываешься от меня. Я чувствую себя беспомощной! — На ней было чёрное приталенное пальто и новая пара туфлей на высоких каблуках с леопардовым принтом. Даже сердитая на меня, она была невероятно красивой.

«Слишком красивой для тебя».

Повернув голову, я уставился в окно. Я не мог смотреть на неё.

«Ты — грёбаный трус».

— Боже, в тебе как будто два разных человека, — сказала она, начиная плакать. — Один ложится со мной в постель каждую ночь, говорит такие сладкие речи и даёт мне надежду, тепло и безопасность, а другой просто...

— Сумасшедший? — закончил я, осмелившись искоса взглянуть на неё. — Я же говорил тебе.

— Сложный, — сказала она, покачав головой. — Я понятия не имею, что с тобой происходит, но пока ты не расскажешь мне обо всём, я просто не смогу помочь тебе!

«Помоги мне. Останься со мной. Не уходи». — Но я лишь промолчал.

— Боже, ты такой невыносимый! — Её руки взлетели в воздух. — Почему ты не разговариваешь со мной? Похоже, ты хочешь, чтобы я оставила тебя!

Я сглотнул, часть меня отчаянно хотела упасть на колени и умолять её остаться, а другая часть стремилась покончить с этим.

«Ты всегда знал, что она уйдёт, не так ли? По крайней мере, пусть это будет на твоих условиях».

— Господи, всё кончено, да? Ты нарочно провоцируешь меня, чтобы потом не чувствовать себя виноватым. — Она покачала головой. — Почему ты думаешь, что не заслуживаешь счастья?

— Потому что это так! — наконец, взорвался я. — С моей головой не всё в порядке, Скайлар. Я облажался. — Правда съедала меня изнутри, и я почувствовал облегчение, высказывая всё.

Слёзы катились по её лицу.

— Боже мой, ты так стремишься наказать себя за то, что не в состоянии контролировать, ты не можешь мыслить ясно, — сказала она. — Ты ходил к психологу?

Я снова отвернулся.

— Посмотри на меня. Ходил?

Неохотно и стыдливо, мой взгляд встретился с её.

— Нет.

Выпрямившись, она вытерла слёзы и положила обе руки себе на сердце.

— Ты не знаешь, как это всё влияет на меня. Я люблю тебя, Себастьян, так сильно, что твоя боль просто убивает меня. Я хочу дать тебе всё самое лучшее, и моё сердце разбивается оттого, что я не в состоянии дать тебе это. И я хочу жить с тобой, но я не могу быть единственной, кому это нужно.

— Это и есть жизнь со мной, разве ты не понимаешь? — рявкнул я, прячась за гневом.

— Вот какой я на самом деле.

— Чушь. Ты не такой, и ты это знаешь. — Она ткнула пальцем в меня. — Ты не придурок, ты не урод и ты не монстр. — Она шагнула ко мне, и слёзы в её глазах заставили мою грудь сжаться, словно тиски. — Ты красивый, умный, сложный человек, Себастьян Прайс. И я тебя обожаю. Но если ты хочешь страдать наедине со своей израненной душой, потому что ты думаешь, что по какой-то грёбаной причине ты это заслужил, будь по-твоему. Выбирай страдания вместо меня. Но я не могу спокойно смотреть на это. Это уничтожит меня.

Она развернулась и вышла за дверь, а я смотрел сквозь окно, как она достала свою сумочку из моей машины и села в свой автомобиль, даже не пытаясь укрыться от ливня. Вместо того, чтобы умчаться в бешенстве, она сидела, рыдая на водительском сиденье несколько минут, что было ещё хуже, и я сжал цементную столешницу так сильно, что, казалось, она могла бы сломаться.

В конце концов она уехала, а я был так зол на себя, что едва ли не выбил кулаком кухонное окно.

Голоса вели сражение в моей голове.

«Верни её, мудак».

«Отпусти её. Ей будет лучше без тебя».

«Ты любишь её. Ты будешь несчастен без неё».

«Ну и что? Это лучше, чем делать её несчастной».

«Знаешь, такие женщины, как она, не дают вторых шансов. Возьми себя в руки и догони её».

Мне хотелось рвать на себе волосы. Выцарапать себе глаза. Сорвать кожу с костей. Мне хотелось наказать своё тело, наказать свой мозг за то, что он заставлял меня думать и чувствовать. И хотя я уже ходил в зал с утра, я вернулся туда и заставил себя выполнить ещё одну изнурительную тренировку. Затем я вернулся в хижину, где всё напоминало мне о Скайлар. Крыльце. Диван. Душ. Кухня. Спальня.

Я сделал бутерброд, но даже не смог съесть его, потому что увидел медовый леденец рядом с арахисовым маслом в кладовке. Мысль о том, как она сладко целует другого парня, разбивала меня на части. Я стоял, уставившись на раздвижные стеклянные двери на мокром патио, вспоминая ту ночь прошлой весной, когда я купил стулья, и следующий день, когда она наблюдала, как я собираю их. Сейчас гамак был внизу, но я всё ещё мог видеть, как она лежит в нём, всё ещё мог чувствовать её тело на своём, когда мы вместе лежали в гамаке прошлым летом. Я посмотрел на пирс, где она впервые сказала, что любит меня. Чёрт, почему я просто не могу быть нормальным? Любой другой парень уже давно купил бы кольцо и сделал ей предложение. Такая женщина, как она, была единственной на миллион.

Мой телефон загудел, и я вытащил его из кармана. Это был номер Скайлар.

Слава Богу. Ни капли не сомневаясь, я нажал «принять». Даже если она просто хотела накричать на меня, по крайней мере, я услышу её голос.

— Чёрт. Я такой мудак, — прохрипел я.

— Что? Себастьян?

Моё сердце замерло. Голос был знакомым, но это не Скайлар.

— Да. Кто это?

— Это Натали.

Серая дымка окутала мой взор, и я опустил руку на столешницу, чтобы удержать равновесие. Почему Натали позвонила мне с телефона Скайлар? Она была настолько зла, что даже не хотела слышать мой голос? Или с ней что-то случилось?

— Что произошло? Скайлар в порядке?

— Она в порядке. Но с ней произошёл несчастный случай.

— О мой Бог. — Комната завертелась, и на секунду я подумал, что сошёл с ума.

«Это случилось из-за меня. Это случилось из-за меня. В этот раз всё произошло по-настоящему».

— Она попала в аварию?

— Нет. Она поскользнулась и упала на мокрой цементной лестнице возле ресторана. Она сломала запястье и довольно сильно ударилась головой, но сейчас она в порядке.

— Господи. — Я схватился за волосы и потянул их.

«Итак, это не авария, но это всё равно твоя вина. Она пошла в ресторан одна, а ты должен был находиться с ней».

— Где она?

— Она в Мансон. Но она не хочет тебя видеть.

— Что? Почему?

«Ты знаешь, почему, придурок».

— Не знаю. Она не вдавалась в подробности, к тому же она уставшая и невменяемая из-за обезболивающих. А когда я спросила, стоит ли мне позвонить тебе, она ответила «нет» и добавила, что не хочет тебя видеть. Она также сказала, что никогда не заговорит со мной снова, если я позвоню тебе.

— К чёрту это. Я еду к ней. — Я оглянулся в поиске ключей. Я ненавидел больницы даже больше, чем нечётные числа, но ничто не могло удержать меня от неё.

— Нет! Пожалуйста, не надо, — сказала она в отчаянии. — Слушай, я позвонила тебе, потому что понимала, что тебе бы хотелось знать об этом, и, думаю, она, в конце концов, заговорит со мной, когда я скажу ей, что натворила. Но, по правде говоря, у неё сейчас довольно сильные головные боли. Что бы не происходило между вами, придётся разобраться с этим в другой раз.

Моё горло так сильно сжалось, что я не знал, смог бы я заговорить.

— Хорошо. Спасибо.

Мы завершили разговор, и на раздумья о моём следующем шаге ушло меньше двух секунд.

Скайлар было плохо. Мне нужно быть рядом с ней.

Несмотря на дождь, я ехал быстро, молясь, чтобы Натали сказала правду, и чтобы травмы Скайлар не были серьёзными.

Прибыв в Мансон, я припарковался и без всяких раздумий помчался в вестибюль. Озираясь вокруг, я заметил регистратуру и бросился к ней. Получив информацию о палате Скайлар, я направился к лифтам, и мой желудок немного скрутило от больничного запаха. Забудь об этом. Это не имеет значения. Единственное, что имеет значение — это она. Я заставил себя сделать глубокий вдох. Снова, и снова, и снова. Через минуту, дверь лифта распахнулась, и я увидел Натали.

— Себастьян. — Её глаза округлились. — Что ты здесь делаешь?

Я расправил плечи.

— Ты должна позволить мне увидеть её.

— Она наконец-то заснула. Пожалуйста, не заходи к ней сейчас.

Мои плечи слегка поникли.

— Ты уверена, что с ней всё в порядке?

— Да. — Она смотрела на меня, покусывая нижнюю губу. — Ты выглядишь ужасно. Что происходит с вами, ребята?

— Я облажался. — Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Не знаю, почему я вот так просто рассказал об этом сестре Скайлар, но, как ни странно, от этого мне стало легче. — Я всё испортил, и теперь ей больно из-за меня.

— Что? Она поскользнулась и упала, Себастьян. У неё были нелепо высокие каблуки, а тогда шёл дождь. Разве в этом есть твоя вина?

Мои глаза заслезились, и от стыда я прикрыл глаза рукой.

— Да, есть. Я знаю это.

— Боже праведный. Да ладно тебе. — Она взяла меня под локоть и развернула в обратную сторону. — Пойдём выпьем по чашечке кофе. Он не будет таким же хорошим, как мой, но, возможно, сносным.

Я позволил ей вести себя дальше по коридору, затем мы пару раз свернули и сели за столик в почти пустом кафетерии. Удручённый, я опустился на стул.

— Оставайся здесь, — сказала она.

Я сидел, опустив голову на руки, и спустя несколько минут она вернулась с двумя дымящимися белыми пластиковыми стаканчиками и поставила их на столик. Боже, разве я мог пить из больничного стаканчика? Моя кожа покрылась мурашками.

— Спасибо.

— Не за что. — Она села напротив. — Теперь продолжай. Что случилось?

Я пожал плечами и уставилсь на свой кофе. С чего мне начать?

Она молчала с минуту, и я мог чувствовать её взгляд на себе.

— Надеюсь, ты не думаешь, что Скайлар предала твоё доверие, но она рассказала мне об ОКР.

— Я догадался. Я знаю, что вы близки.

Она взяла кофе и подула на него.

— Это как-то связано с вашейссорой?

Я вздохнул, чувствуя себя полностью разгромленным.

— Да.

Снова тишина.

— Ты посещаешь психотерапевта?

— Да. Но я не был честен с ним насчёт наших отношений со Скайлар. И я избегал его в течение месяца.

— Почему?

Я тяжело выдохнул.

— Потому что, когда она призналась мне в своих чувствах, я начал срываться, и я был слишком напуган, чтобы признать это.

Она склонила голову набок.

— Почему ты был напуган? Разве ты не любишь её?

Я встретился с ней взглядом.

— Конечно же, я люблю её. Слушай, я даже не знаю, как всё это объяснить, но достаточно будет сказать, я думал, что защищал её своим молчанием. Поступая именно таким образом.

«Железная логика, мудак».

Медленно кивнув, она отпила свой кофе.

— Что теперь? Теперь ты можешь поговорить с ним?

— Я не знаю. Не знаю, сможет ли он помочь мне. — Я тяжело сглотнул горькую желчь, которая подобралась к горлу. Я так устал от этого голоса в моей голове, что мне захотелось кричать. Почему он просто не оставит меня в покое? — Я не знаю, сможет ли хоть кто-нибудь помочь мне.

— Мне жаль. — Она подалась вперёд, поставив локти на стол. — Потому что, знаешь, Скайлар безумно любит тебя. Она постоянно говорит от тебе. И не думаю, что она сможет отпустить тебя.

— Я тоже люблю её. Но она уже ушла от меня, и правильно сделала.

— Кто сказал?

«Я», — ответил голос в моей голове.

— Ты прав. Ты облажался. — Её голос был так похож на голос Скайлар, что я резко взглянул на неё. — Прости за прямоту, но я с тобой согласна. Я буду первой в очереди, кто скажет, что Скай — завидная партия, но с ней также непросто. Ты когда-нибудь пробовал делить с ней ванную? Господи, она такая неряха. Косметика и волосы буквально повсюду. А её коллекция обуви — это просто уму непостижимо! Эти коробки! Удачи тому мужчине, которому понадобится немного места в шкафу в её доме.

Уголки моих губ слегка приподнялись.

— Ага. У неё на самом деле много обуви.

— Она также любит перетягивать на себя всё одеяло. Ты когда-нибудь замечал это?

Я замечал, но это не беспокоило меня. Я бы скорее покрылся коркой льда, чем позволил ей замёрзнуть ночью.

— Она симпатичная и всё такое, но ты когда-нибудь замечал, какие у неё смешные маленькие уши? Они торчат, словно у обезьяны.

Я обнаружил, что начал улыбаться, вспоминая, как Скайлар вынырнула после прыжка в озеро, прижав ладони к ушам, когда мы впервые купались вместе. Конечно же, я считал их очаровательными, но она ненавидела их.

— Ага. Но, вообще-то, они мне нравятся.

— А что насчёт её одержимости вином? Никогда не думала, что заскучаю с вином, но Боже, если мне снова придётся выслушивать её разговоры о «виноградной лозе, и месте сбора урожая, и фруктовых нотках», я задушу её.

Я выпрямился, почувствовав необходимость защитить её.

— Она предана своей новой работе. Я люблю это в ней.

— Ну тогда, предлагаю тебе лучше стараться преодолеть чувство того, что ты не заслуживаешь её, потому что, поверь, всё, чего она хочет, это ты, и любой мужчина, который сможет смириться с её бардаком в ванной, беспорядком в гардеробе, перетягиванием одеяла, «фруктовыми нотками» и ушами Никсонов... — Она пожала плечами. — Похоже, вы, ребята, должны справиться с этим.

Поникший, я откинулся на спинку стула и снова взглянул на Натали.

— Её недостатки ничтожно малы по сравнению с моими. Мои сводят нас обоих с ума, и так, вероятно, будет всю нашу оставшуюся жизнь.

Она склонила голову в одну сторону, затем в другую.

— Возможно. Думаю, ты не узнаешь, пока не попробуешь. Никто не идеален, Себастьян. Дай себе передышку.

С минуту я сидел, размышляя от том, что делать дальше.

— Она даже не станет говорить со мной.

Натали поджала губы.

— Она упрямая. Конечно же, она захочет увидеть тебя, просто не признает это. Если быть точной, то она сказала: «До тех пор, пока он не возьмёт себя в руки. И я не могу быть той, кто сделает это за него».

Я нахмурился. Она была права — я должен был разобраться во всём сам. Но я так волновался о ней.

— А что насчёт её травм? Они ведь не серьёзные?

— Нет. Как я уже сказала, перелом запястья и шишка на голове, вот и всё. Так как она ненадолго потеряла сознание, они держат её под наблюдением, но, кажется, с ней всё в порядке.

Мысль о сломанном тоненьком запястье и шишке на голове взбесила и огорчила меня. Хотел бы я каким-то образом взять её боль на себя.

— Насколько ей больно? Её новая страховка сможет покрыть расходы? Она только получила пособие в прошлом месяце, — забеспокоился я.

Натали сморщилась, поставив свой стаканчик.

— Да, мы ждём новостей. Возможно, нашим родителям придётся помочь ей.

Я схватил её за руку.

— Пожалуйста, позволь мне заплатить за это. Я так хочу. Мне хочется заботиться о ней. Всегда.

Всегда.

Всегда.

Всегда.

Всегда.

Всегда.

Всегда.

Я даже не расстроился из-за счёта. Я бы продолжал считать до бесконечности, но Натали покачала головой.

— Она ни за что не позволит.

Я поставил локти на стол, опустив голову на руки. Мне предстояло так много работы. Так много всего, что нужно исправить.

Натали прикоснулась к моему запястью.

— Сходи к психотерапевту, Себастьян. И попытайся снова. Она того стоит.

— Она того стоит. — Я посмотрел на Натали, совершенно уверенный в своих словах.

— Она — единственная.

34 глава

Скайлар

Проснувшись, я увидела, как Натали читала журнал в кресле у моей кровати.

— Привет, — прохрипела я.

— Привет. Ты проснулась. — Она отложила свой журнал в сторону. — Как ты себя чувствуешь?

Я поморщилась в попытке сдвинуться с места.

— Мне не было так больно с тех пор, как я упала с механического быка. Ай. Запястье болит. — Я осторожно подняла левую руку. — Боже, я такая неуклюжая. Это правда отстойно.

Натали сочувственно кивнула.

— Как твоя голова?

— Болит. Но всё ещё на месте. — Я попыталась пошевелить шеей, которая довольно сильно затекла. — Почему ты не на работе?

— Я попросила Майкла подменить меня.

— Ты говорила с Миа?

— Да. Они с Лукасом очень волнуются за тебя и сказали не беспокоиться о работе в «Абеляр». Я не удивлюсь, если Миа зайдёт сюда сегодня или навестит тебя дома завтра, если тебя отпустят. Она хочет повидаться с тобой.

Я кивнула, но мне стало больно, поэтому я просто лежала и постанивала.

— Уууууф, зачем я только надела эти чёртовы дорогие туфли?

Натали грустно улыбнулась.

— Вероятно, это падение было чертовски дорогим. Полагаю, твоя страховка покроет это?

Я застонала.

— Надеюсь.

— Если нет, то мама с папой помогут тебе. Мама скоро будет здесь. — Она затихла на секунду, теребя подол своей толстовки. — Себастьян был здесь прошлой ночью.

От звука его имени у меня перехватило дыхание.

— Он приходил? Он же ненавидит больницы! — На мгновение я пожалела, что была такой категоричной с Натали по поводу него.

«Должно быть, ему было трудно находиться здесь, но он сделал это. Возможно, ещё есть надежда».

— Он предложил оплатить больничный счёт.

— Нет. Мне не нужны его подачки. — Это было мило с его стороны, но я никогда не приму его помошь. На данный момент мы не были вместе. — От этой мысли моё горло пронзила острыя боль. Мою грудь. Моё сердце. Всё.

— Он был очень расстроен. Он хотел увидеть тебя.

Осторожно, я повернула голову, чтобы посмотреть на сестру. Я могла сказать по её голосу, что это было не всё.

— Что ещё он сказал?

Она пожала плечами.

— Не так много. Только то, что он облажался. Он, казалось, был согласен с тобой насчёт того, чтобы взять себя в руки.

— В самом деле? Он рассказал тебе об этом? — Закрыв глаза, я выдохнула, боясь позволить себе быть слишком оптимистичной, но, кто знает, возможно, прошлым вечером я смогла достучаться до него. Правда была в том, что я хочу быть с ним всю свою жизнь, и я сделаю всё возможное, чтобы помочь ему — но он должен позволить мне.

— Думаю, он собирается поговорить со своим психотерапевтом. Он сказал, что сделает это.

— Он так сказал? Слава Богу. — От облегчения моя боль немного утихла, по крайней мере, эмоциональная. Возобновление терапии было лучшим первым шагом. Мои глаза наполнились слезами. — Он так строг к себе. И я также была строга к нему. Но я люблю его — а он не понимает, насколько меня огорчает видеть, как он борется, и не знать, что у него в голове.

— Я не знаю, что у него в голове, Скайлар. Но я знаю, что ты в его сердце.

В моём горле появился ком, а в голове раздалась пульсация от необходимости заплакать. Я закрыла глаза, и слёзы скатились вниз по моим щекам.

— Я поступила неверно, бросив его? О боже, я ужасна. Я должна была остаться с ним. Тогда бы я не упала. В конце концов, это знак, что я ужасный человек.

Натали встала, схватила салфетку с прикроватной тумбочки и промокнула мои щёки.

— Перестань. Я не думаю, что ты поступила неверно, бросив его. Как по мне, ему нужен был этот толчок. И любить кого-то не значит, что ты должна любить всё, что этот человек делает. Но это значит, что ты прощаешь его немного чаще, немного легче.

Я шмыгнула носом.

— Однажды я сказала, что дам ему шанс, что бы ни случилось, а он назвал меня дурочкой.

— Мы все дураки, когда любим, не так ли? — сказала она задумчиво.

Я взглянула на неё.

— У вас с Дэном всё по-прежнему? — Я слышала, что он признался по поводу флирта в офисе, но не более того.

— Не знаю. Полагаю, так и есть. Он утверждает, что с интрижкой, или чем бы это ни было, покончено, и просит ещё один шанс. Мы уже через столько прошли. Я не хочу вот так просто перечеркнуть всё это. — Она сидела на краю кровати и на мгновение закусила губу. — Но я также не хочу, чтобы наше прошлое было единственной причиной дать ему ещё один шанс. Когда я вижу, как ты говоришь о Себастьяне, когда я слышу его рассказы о тебе, когда я увижу выражение его лица в тот момент, когда он сказал, что ты для него — единственная, я...

— Подожди, что? Что он сказал? — Я не хотела перебивать Натали, и я глубоко заботилась о её чувствах, но я не могла позволить ей утаить это. Я всё правильно услышала? Мои мысли были словно в тумане.

— Он сказал, что ты — единственная. — Беспокойство отразилось на её лице. Она схватилась за голову. — О нет, я надеюсь, что не испортила один из тех прекрасных моментов, который должен произойти между вами двумя. Разве он никогда не говорил тебе этого раньше?

— Нет, — сказала я медленно, моё сердце забилось чаще. Было ли это одной из тех самых вечных ценностей? — Он же не верит в это. К тому же, единица — это нечётное число. Он ненавидит такие.

— Что? — Она опустила руки с озадаченным выражением лица.

— Не бери в голову. Просто одна из особенностей, которая делает Себастьяна таким, какой он есть. — Но в тот момент эти закидоны по поводу чисел показались мне даже милыми. — Значит, он действительно так сказал?

Она кивнула.

— Да. Он определённо сказал: «Она — единственная». Но ты не можешь сказать ему, что узнала об этом от меня! — В её огромных глазах читалась паника.

— Всё нормально. Я не скажу. — Я поджала губы. — Но лучше бы ему, наконец-то, сказать это. Иначе я точно уйду.

Моё сердце пропустило удар — единственная! единственная! единственная!

Натали рассмеялась.

— Что-то я сомневаюсь. Дай ему немного времени, сестрёнка. Он хочет сделать всё, как положено.

В палату зашла медсестра, чтобы посмотреть мои показатели, и Натали слезла с постели.

— Не уходи, Нат. Ты ещё не закончила свой рассказ о Дэне.

— Да больше и нечего рассказывать. Полагаю, я просто завидую вашим с Себастьяном чувствам. Но я знаю, над отношениями нужно работать. Возможно, нам просто нужно работать немного усерднее. — Она закрыла тему своих отношений фальшивой улыбкой и снова села на стул. Если бы я не была такой уставшей, то заставила бы её сказать больше, но меня одолевали боль и лекарства.

Я снова легла, позволив медсестре осмотреть себя, и хотя мои глаза были закрыты, клянусь, я могла чувствовать, как она сверлит меня взглядом. Открыв один глаз, я поняла, что мои подозрения подтвердились.

— Вы... — начала она нерешительно, — случайно... не из того реалити-шоу?

О, боже. Действительно? Спустя столько времени я встретила фанатку «Оседлай лошадь»? На секунду я крепко зажмурилась.

— Да.

— Я так и подумала! — Она была настолько радостной, что я даже подумала, что она перепутала меня с другой участницей.

— Я — Скайлар Никсон, — сказала я, как будто она не могла прочитать это в истории болезни.

— Я знаю! — Она качнулась на каблуках от возбуждения. — Мы с моей подругой болели за вас на шоу! Вы были такой забавной! Особенно, когда вы выплюнули напиток на Плаксивую Уитни! Это бесценно!

Я уставилась на неё. Это происходило в самом деле? Или это было эффектом от болеутоляющих?

— Серьёзно?

— Да. — Улыбаясь, она закончила мерить моё давление. — Мы так расстроились, когда вы покинули шоу.

— Но я вела себя так ужасно.

Она пожала плечами.

— Пусть так, на это было интересно смотреть. Кто захочет смотреть на кучку вежливых людей?

— Вот и я говорила ей то же самое, — вставила Натали.

Вздохнув, я покачала головой.

— Как скажете. Я просто рада, что это осталось в прошлом. Но спасибо, — улыбнулась я молоденькой медсестре. — Я ценю это.

Во второй половине дня меня выписали и отправили домой с кучей лекарств и рекомендациями побольше отдыхать. Моя мама настояла на том, чтобы я осталась в её доме, хотя мне хотелось провести немного времени в одиночестве. Но признаю, приятно, когда все вокруг трясутся и ухаживают за тобой. Она приготовила для меня спагетти с фрикадельками, которые я ела с подноса, уютно устроившись на диване. Зашла Джиллиан с медовыми леденцами, шоколадным печеньем, и моими любимыми шампунем с кондиционером. После ужина она помогла мне вымыть и высушить волосы, затем сделала мне массаж ног, пока я ела сладости и смотрела по телевизору игру Тайгерс с папой.

Я проверила свой телефон всего лишь раз и увидела сообщения от Мия и Келли Прайс, которые должно быть узнали о моём падении от Себастьяна. Но от него не было никаких новостей. Разочарованная, я отложила телефон в сторону и попыталась насладиться временем со своей семьёй, несмотря на боль в голове и руке.

Но, прежде чем я впала в наркотический сон в своей кровати, меня мучили сомнения о том, что он мог передумать и прийти к выводу, что для него отношения были слишком сложными, даже если я и была единственной.

35 глава

Себастьян

— Я лгал вам.

Кен спокойно принял моё признание, молча рассматривая меня в ожидании продолжения. Даже если это встревожило его, он не подал вида, не было ни единого намёка на удивление на его лице. Он должен был понимать, что что-то не так, ведь раньше я бы никогда не попросил его о встрече в субботу.

— И я отменил все приёмы в прошлом месяце, потому что боялся взглянуть правде в глаза. — Устроившись на краю дивана, я водил руками вверх-вниз по своим ногам, нервничая по поводу этого признания, но понимая, что я должен был это сделать.

— Меня это обеспокоило. — Он пристально посмотрел на меня. — У тебя был рецидив?

— Да. В последние несколько месяцев у меня был регресс.

Он достал блокнот и щёлкнул шариковой ручкой.

— Навязчивые мысли?

— Да. И ритуалы. И самая ужасная тревога, которую я когда-либо испытывал.

Он сделал пометку и перелистнул несколько страниц назад.

— Ты сказал месяцев? Когда примерно это началось?

— Двадцать пятого августа.

Кен взглянул на меня.

— И что же спровоцировало это?

— Скайлар сказала, что любит меня. — На секунду я обвинил Скайлар в том, что та призналась мне в любви в нечётный день. Разве она не знала, что ничего хорошего не происходит со мной в нечётные дни?

— А почему это так тебя задело?

Я уставился на свои руки на коленях.

— Это огромный груз для меня. Большая ответственность.

Он сделал ещё одну пометку.

— Расскажи мне про ответственность любить кого-то.

Боже, неужели он совсем не понимает меня?

— Это не из-за ответственности любить кого-то. Любить её просто. Легко. — Я вздохнул и попытался выразить словами всё, что я чувствовал. — Это ответственность, которая приходит, когда позволяешь кому-то любить себя. Это значит, что нужно быть признательным за эти чувства. Нужно поддерживать эту любовь.

— Нужно заслужить эту любовь.

Ага. Он понимал меня.

— Да, — сказал я тихо. — И неважно, насколько моё сердце любит её, мой разум просто убеждает меня, что я обречён разочаровать её или ещё что похуже.

— Ты разочаруешь её, Себастьян. Такова человеческая натура. В любых близких отношениях бывают обиды и разочарования. — Он отложил блокнот в сторону. — Но также бывает и прощение. Искупление. Никто не ожидает, что ты будешь идеальным.

— Кроме меня самого.

— Ты должен отпустить это, Себастьян. Мы все знаем, каково это — хотеть быть лучшим для кого-то, но стремится к совершенству — это ошибка. — Он поёрзкал на стуле, выпрямившись. — Вспомни время, когда мы только начали наши сеансы. Ты поставил цели. У тебя был прогресс. Всё изменилось теперь, когда ты влюбился, но нет никаких причин, почему мы не можем скорректировать эти цели, скорректировать твою терапию, чтобы помочь тебе. Ты хорошо поддаёшься терапии, Себастьян. Ты дисциплинирован, решителен и строг к себе. Давай использовать эти качества с целью помочь тебе вернуться в прежнее русло.

Я кивнул, довольный его верой в меня.

— Теперь скажи мне, что случилось в прошлом месяце.

Откинувшись на диване, я подробно описал ему последние несколько месяцев, объясняя, как моя влюблённость в Скайлар вызвала мысль в моей голове о том, что все эти ритуалы смогут защитить её.

— Вместо этого они оттолкнули её от меня, — сказал я. — Она обвинила меня в том, что я делал это нарочно, и я не знаю, была ли она права. Возможно, я делал это не с целью защитить её — возможно, я делал это, чтобы заставить её уйти, потому что так было бы менее болезненно. Я бы смог контролировать это, понимаете?

Кен кивнул.

— Ты бы предпочёл быть одиноким, но не брошенным.

— Верно. — Я выдохнул, закрыв на мгновение глаза. — Понимаете, я провёл всю прошлую ночь думая, правы ли были все эти мозгоправы насчёт моих проблем, причиной которым послужила смерть моей матери. Может, в глубине души я просто боюсь остаться один? Неужели я отстранился от всех в школе, потому что боялся заводить друзей? Выбрал ли я Диану, потому что подсознательно знал, что моё сердце не сможет принадлежать ей? И смогли ли мои чувства к Скайлар спровоцировать рецидив, чтобы миновать эту опасность?

— Это хорошие, интроспективные вопросы, Себастьян.

Я вздохнул, потирая затылок.

— Но тогда получается, что вся эта хрень происходит на нервной почве, а не из-за психологических проблем?

Кен кивнул.

— Это действительно хороший вопрос.

Я пригвоздил его взглядом.

— Мне нужны ответы, Кен. Мне нужна помощь. Я не хочу потерять её. Скажите мне, что делать.

Вместе с Кеном мы обсудили стратегии для того, чтобы я смог вернуться в прежнее состояние, некоторые из которых были успешными в прошлом, а некоторые были для меня новыми. Он посоветовал мне назначить встречу с моим врачом, чтобы пересмотреть некоторые мои лекарства, и попросил упомянуть лечение от депрессии и беспокойства. Я пообещал, что так и сделаю. Затем он спросил, насколько всё серьёзно у нас со Скайлар.

— Абсолютно серьезно, — сказал я. — Учитывая происходящее, единственное, в чём я не сомневаюсь — это в своих чувствах к ней.

Кен улыбнулся.

— Превосходно. Так давай пригласим её сюда и обсудим, что она может сделать, чтобы помочь тебе.

Настроенный оптимистично, я покинул офисное здание, поднимая воротник пальто, чтобы защититься от холода. Мне так хотелось побежать прямо к Скайлар, извиниться и сказать ей, что я делаю всё возможное, чтобы поскорее исправиться, но затем я подумал, что, возможно, будет лучше провести немного времени над самоанализом, определить новые цели для себя и найти способ показать ей, что я хочу провести с ней всю жизнь, если только она даст мне ещё один шанс.

Вернувшись в хижину, я всё же написал ей.

«Я скучаю и каждую минуту думаю о тебе. Если я затихну на какое-то время, это не значит, что я отстраняюсь от тебя. Я сделаю это для того, чтобы прийти в себя и впустить тебя в свою жизнь, чтобы больше никогда не отпускать. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя».

36 глава

Скайлар

Я едва могла сдержаться, чтобы не позвонить ему на следующей неделе, но я понимала, что ему нужно время, чтобы разобраться во всём по-своему. Я ответила на его сообщение простым «Я тоже люблю тебя» и стала ждать, когда он вернётся ко мне. Я ужасно скучала по нему, но я была также рада, что он отнёсся к этому серьёзно. Если бы он сразу же вернулся ко мне, я могла бы решить, что у него не было достаточно времени, чтобы подумать о том, чего он хотел в будущем.

Я знала, чего хотела. Наконец-то.

То время, которое нужно было Себастьяну, я также провела с пользой, размышляя о том, чего я достигла этим летом и к чему я стремилась. Я испытывала гордость за то, какое направление приняла моя жизнь: у меня была работа, которая мне очень нравилась, и с которой я отличноправлялась; у меня были грандиозные планы накопить денег и купить собственную квартиру, как у моих сестёр; я оплачивала счета за аренду своим родителям, хотя они отказывались от денег, я вовремя оплачивала ежемесячные платежи за автомобиль, и у меня всё ещё оставалось немного денег на хорошую обувь. (Примечание для себя: не носить леопардовые туфли на каблуках в дождь).

Возможно, у меня не было обручального кольца или детей, как у некоторых в моём возрасте, но я была безумно влюблена... и это было хорошее начало, не так ли? Но чем больше времени от него не было вестей, тем сильнее я боялась, что он передумал. В своём сообщении он сказал, что всегда будет любить меня, и я начала задумываться о некоем финале, трагической нотке в его словах... словно у нас не будет счастливого конца, но у нас всегда будет то прошлое лето. Каждую ночь, отправляясь в постель в одиночестве, я томилась, и молилась, и надеялась, и скучала по нему.

«Пожалуйста, не позволяй мне потерять его навсегда. Пожалуйста, не позволяй мне ни о чём сожалеть. Пожалуйста, пусть он вернётся».

А затем, однажды в начале декабря, я пришла домой с работы и обнаружила конверт, приkleенный к двери гостевого дома со своим именем на нём. Почерк был Себастьяна. Удивлённая, я оглянулась вокруг, но никого не увидела, и услышала лишь порывы ветра в саду. Несколько снежинок сорвалось с иссиня-чёрного неба, когда я достала конверт и протиснулась внутрь, пинком закрывая за собою дверь.

Не снимая пальто, я бросила свои перчатки на стол и скользнула пальцем под край конверта. Внутри были два блокнотных листа, сложенных втрое. Дрожащими руками я развернула их. Слева на листах были следы от спирального переплётёта, словно он писал в своём дневнике, а затем вырвал страницы. Верхний лист был письмом.

Моя милая Скайлар,

Жаль, что это письмо написано не на самой лучшей бумаге — ты заслуживаешь всего самого прекрасного, и я обещаю дать тебе это. Но, думаю, эта бумага подходит мне. Немного грубая по краям, но слова на ней искренние.

Спасибо тебе за то, что дала мне время и пространство, чтобы оправиться. Я обещаю, что использовал его с умом. Не было ни одного дня (и, конечно, ни одной ночи), чтобы я не скучал по тебе, но проблемы, с которыми мне приходилось иметь дело, требовали полной концентрации на себе, разуме, душе и теле, и это то, чего бы мне не хотелось делать, будь ты рядом.

(Концентрация на твоём теле доставила бы мне гораздо большее удовольствия).

Я очень много узнал о себе за последний месяц, и чувствую себя сильнее, чем когда-либо. Достаточно сильным, чтобы признать, как я ошибался, когда закрывался от тебя. Достаточно сильным, чтобы увидеть, как я позволил себе стать жертвой сомнений и страха. Достаточно сильным, чтобы понять, что мне нужно делать дальше.

Могу ли я получить ещё один шанс?

Эта хижина, это сердце, эта жизнь — пусты без тебя.

Люблю,
Себастьян

P. S. Я кое-что написал для тебя.

Слова расплылись, когда слёзы затуманили мои глаза, и я зашмыгала носом, доставая второй лист бумаги.

Скайлар
В моей голове постоянно всплывают
сомнения

запер ли я дверь, выключил ли я плиту, проверил ли я розетки, наступил ли я на трещину, помыл ли я руки достаточное количество раз, выключил ли я свет, прошёл ли я по прямой линии, сделал ли я правильное количество шагов, выключил ли я телевизор на чётном канале, закрыл ли я книгу на чётной странице, завёл ли я машину на чётной минуте
что, если я не сделал этого
что, если я не сделал этого
что, если я не сделал этого
не знаю.

Но я знаю,
что на тебе был серый свитер
и у тебя в волосах был опавший лист
в день, когда у нас был тест по химии
прежде чем он начался, ты обернулась и спросила:
«Гидроксид натрия — это кислота или все-таки щёлочь?»

Тогда ты впервые что-то прошептала мне.
(Мне понравилось, что там было восемь слов).

Не знаю, почему восемь
лучше, чем семь, или девять, или двадцать один.
Не знаю, сколько раз я говорил, что
люблю тебя
Но я знаю, что число точно неправильное,
потому что этого недостаточно

Твоя любовь никогда не сможет заглушить мои сомнения,
но я бы променял тишину на твой смех,
спокойствие на твой гнев,
уравновешенность на твоё безумие,
прекрасный хаос звёзд

Бумага задрожала в моих руках, и слёзы сорвались с моих ресниц. Мне нужно было увидеть его. Этим вечером. Засунув письмо и стихотворение обратно в конверт, я спрятала его в свою сумочку и ринулась за дверь, снова рывком захлопнув её.

Дорога к хижине никогда не казалось такой бесконечной даже в нашу первую ночь вместе, когда рука Себастьяна скользила вверх по моему бедру. При мысли о его прикосновениях каждый мускул в нижней части моего тела напрягся. Это было так давно. Скучал ли он по моему телу так же сильно, как я скучала по его? Снегопад усилился, когда я ехала по шоссе, и я заставила себя сбавить скорость ради собственной безопасности.

Чем ближе я подъезжала к хижине, тем сильнее колотилось моё сердце. Свет горел — значит, он был дома, верно? Себастьян никогда бы не ушёл, не погасив в доме свет. Я едва не засмеялась, поднимаясь по ступенькам крыльца, осторожно, чтобы не поскользнуться на снегу.

Он распахнул дверь, прежде чем я успела постучать, и у меня перехватило дыхание. Он постригся, на нём были джинсы и голубой свитер. Волосы на его затылке были коротко и аккуратно пострижены, он был отдохнувшим, здоровым и великолепным. Сердце бешено колотилось, и я обняла его, а он засмеялся, крепко сжимая и поднимая меня вверх.

— Привет, — сказал он, зарывшись лицом в мои волосы. — Ты получила моё письмо.

— Да. Огромное спасибо. Я люблю твои слова. Я люблю тебя. — Я вдыхала его аромат — его кожа была пропитана дымом и деревом, словно он разводил костёр. — Боже, я скучала по тебе.

— Я тоже скучал по тебе. Я надеялся, что ты придёшь, но не хотел давить на тебя. Просто потому, что я был готов не означало, что и ты готова.

Он отстранился, чтобы поцеловать меня, и ощущение его губ на моих было таким волнующим, что я понятия не имела, касались ли мои ноги пола или нет. Когда поцелуй углубился, он попятился в хижину, где я могла слышать треск огня в камине. Я захлопнула дверь позади нас.

— Я готова. Очень. — Задыхаясь, я ослабила свою хватку на нём и начала расстёгивать своё пальто. — А теперь раздевайся.

Он улыбнулся.

— Я собирался предложить сначала поговорить, но... — Его глаза расширились и побежали вниз по моему телу после того, как я отбросила своё пальто, а затем принялась за шёлковую блузку, юбку-карандаш и туфли. — К чёрту разговоры.

Одежда одна за другой слетала с нас, и мы голышом свалились на ковёр у камина. Я легла на спину, а Себастьян встал на коленях между моих бёдер.

— Что ты хочешь в первую очередь? — спросил он, его голос был низким и игривым. — Мой язык? Мои пальцы? Мой член? — Он начал поглаживать себя, скользя пальцами по своей эрекции. — Чего тебе не хватало больше всего?

— О боже, всего, — вздохнула я. — Мне хотелось слышать тебя, видеть тебя и чувствовать тебя — каждую частичку тебя.

— Какая часть меня будет первой? Тебе придётся сказать мне, иначе я не дам тебе это. — Он потёрся кончиком члена о внутреннюю поверхность моего бедра.

Уфффф, он был таким горячим! В повседневной жизни его быстрая смена настроения могла бы свести меня с ума, но, когда дело касалось постели, она была словно бензин для огня.

— Твой член, — наконец-то я сделала выбор, пламя во мне искрилось и шипело. — Дай мне свой член.

— Хорошая девочка. Я буду нежен, — сказал он, едва касаясь меня кончиком члена, а затем размазывая мою влагу вверх и вниз по киске. Он остановился и посмотрел мне в глаза. — Сначала.

Моё сердце забилось в бешеном темпе, когда он скользнул в меня, а затем снова вышел, подразнивая, наполняя меня с каждым разом немного глубже, но всё равно недостаточно глубоко. Между мучительными толчками он поигрывал с моими сосками, облизывая, посасывая, покусывая, пощипывая их твёрдые маленькие вершины, которые покалывали от вожделения.

— Чёрт. Если бы не моё всё ещё слабое запястье, я бы показала тебе, насколько грубой могу быть, — сказала я, вздыхая, моя здоровая рука колотила ковёр, а повреждённая — раскинулась над головой. — Я бы выбила из тебя всю дурь за то, что мучаешь меня.

Он вошёл чуть глубже.

— Бедняжка.

— Пожалуйста, — умоляла я, схватившись здоровой рукой за его задницу. — Ты нужен мне там. Мне нужно, чтобы ты был внутри меня. Полностью.

Наконец, он вошёл в меня до упора так глубоко, что я чуть не заплакала от облегчения.

— Вот так?

— Да, да... — Я притянула его к себе, широко раскинув ноги. Боже, такое чувство, будто он был создан для моего тела. Каждый дюйм его горячего, толстого члена так чертовски идеально наполнял меня, что я даже забыла, как дышать. Его бёдра стали двигаться быстрее, толкаясь жёстко и глубоко, и мои внутренние мышцы начали сжиматься. — Я собираюсь кончить, — захныкала я. — Так сильно, так сильно. Кончи со мной. Кончи в меня... — застонала я, когда меня накрыл оргазм, а он зарычал низко и протяжно, вбиваясь в меня. Изливаясь, его член пульсировал, когда мои мышцы сжимались вокруг него.

Он рухнул на меня, прижимаясь губами к моему потному лбу.

— Боже, ты чувствуешься так хорошо, — прошептала я, закрывая глаза. — Скажи мне, что ты в порядке.

— Я в порядке. — Он поднял голову и посмотрел на меня. — Но раньше я не был. И я должен извиниться за то, что не был честен с тобой. Это было ошибкой.

— Извинения приняты.

Он улыбнулся.

— Ты слишком добра ко мне.

— Я люблю тебя. И однажды я сказала, что дам тебе шанс, когда это потребуется. — Я вздохнула. — Ты можешь рассказать мне, что случилось?

— Да. — Он перекатился на бок и подпёр голову рукой. Во время своего рассказа он играл с моими волосами, накручивая их на свои пальцы.

— Когда я впервые увидел тебя, то по началу всё было довольно хорошо. Я убедил себя, что единственный образ жизни был единственным способом познать спокойствие, и это казалось верной целью. Но затем появилась ты. — Он улыбнулся. — Ты была как всегда прекрасна, и те старые чувства нахлынули на меня с новой силой, будто никогда и не уходили.

Я покраснела.

— Ты хорошо это скрывал, по крайней мере, сначала.

— Мне пришло. Ты чертовски напугала меня. Впервые за эти годы я чувствовал себя как никогда сильным, я смирился с одиночеством в своей жизни, а затем вдруг этот красивый ангел появился передо мной — целуя меня. Прикасаясь ко мне. Принимая меня.

— Он покачал головой. — Я задался вопросом, что если...

— Я тоже, — сказала я. — Ты был не единственным.

— И этот секс. — Он выдохнул, закрыв глаза. — Чёртов секс.

— Знаю, — прошептала я, тепло покалывало по моей коже. — Меня тоже напугало то, насколько хорош он был.

— Я мог быть с тобой самим собой, ничего не бояться. Это было так невероятно. А после между моими сердцем и разумом разразилась нескончаемая битва — сердце говорило, что мне всегда было суждено быть с тобой, а разум отказывался верить в то, что я был достоин этого. Я был уверен, что причиняю лишь боль женщинам, и я не был способен открыться тебе.

— Но ты сделал это, — сказала я тихо. — Я это почувствовала.

Он кивнул.

— Так и было. Но чем больше я влюблялся в тебя, тем сильнее я боялся потерять тебя — когда, в конце концов, мне удавалось удержать своё счастье? Я не знал, как бы это произошло, но в своём подсознании я всегда был уверен, что ты уйдёшь, или что-то случится с тобой, и это произойдёт по моей вине.

— О, Себастьян. Жаль, что ты ничего не рассказывал мне.

— Я не мог. Особенno не после того, как ты сказала, что любишь меня. Тогда я почувствовал, что должен ещё сильнее оберегать тебя, но в итоге я должен был защитить тебя от самого себя. Я вернулся к своим старым ритуалам и перестал ходить на терапию.

Моё сердце разрывалось.

— Я всё понимала. Но не знала, что делать. И бывали дни, когда всё было так хорошо.

— И правда. — Он посмотрел на мои волосы, переплетённые с его пальцами. — И я должен был поговорить с тобой в один из таких дней — я просто был слишком напуган. И всё дело в том, что ты была права.

— Насчёт чего?

— Что подсознательно я отталкивал тебя своим поведением, потому что тогда, по крайней мере, я был бы готов к этому. Я бы ни за что не стал испытывать ещё одну внезапную, страшную утрату и чувство, когда тебя бросили.

— Ещё одну утрату? — Его слова ранили меня. — Твоя мама.

— Возможно. — Он продолжал смотреть на свою руку, и в свете огня его зелёные глаза оттенка морской волны засияли. — Я всё ещё работаю над этим. Не думаю, что это стало причиной моего ОКР, но терапия помогает мне увидеть, что страх потери и одиночества причиняет мне много беспокойства и горя, и, возможно, проявляется как поведение, связанное с ОКР. Кто знает? — Он вздохнул. — И не важно, насколько наука продвинулась в изучении мозга, некоторые вещи до сих пор остаются загадкой. Но, думаю, что внезапная и трагическая потеря матери может существенно отразиться на ребёнке. И, когда я понимаю, что выбрал изоляцию и отстранённость от людей, в этом есть смысл. И, наверное, звучит глупо, но я чувствовал, будто заслуживал одиночество. Как наказание. Было ли это наказанием за смерть моей мамы, мои мысли о насилии, моё холодное отношение к женщинам, моё расставание с Дианой... В моей голове всегда находилась причина винить себя в чём-то. Но я больше не хочу быть одиноким. Я хочу быть с тобой.

Моё горло сжалось, и я обняла его за шею, прижимаясь своим телом к нему.

— Ты не одинок, — всхлипнула я. — Я люблю тебя и не позволю тебе быть одиноким. Ты заслуживаешь быть счастливым, Себастьян.

Он притянул меня в свои объятия и откинулся на спину, позволяя мне всплакнуть на его груди.

— Спасибо. Не могу сказать, что со мной будет легко, и я знаю, что будут хорошие и плохие дни, но я обещаю обсуждать это с тобой.

Кивнув, я залилась слезами на приличные десять минут, а он поглаживал мои волосы и потирал спину. Я даже не знаю, почему так долго плакала — от облегчения? От жалости к ребёнку, которым он был? Мужчине, которым он стал? Прижавшись щекой к его груди, я слушала, как бьётся его сердце, и поклялась, что он больше никогда не будет одиноким.

— Ты пойдёшь со мной на терапию? — спросил Себастьян, как только я успокоилась.

— Конечно, — сказала я, подняв голову, чтобы улыбнуться ему. — Мне бы очень хотелось этого.

— Хорошо. — Он вытер мои слёзы большим пальцем. — Потому что я, наконец-то, понял, Скайлар. Ты — любовь всей моей жизни.

— Правда?

— Да. Я провёл почти все свои дни, охваченный сомнениями, не способный доверять себе — измученный тем, что говорил мой разум, и тем, что знало моё сердце. Но на этот раз я чувствую — я знаю — это настояще. Ты — единственная. — Он улыбнулся. — И это тот самый случай, когда единица всегда будет означать что-то хорошее для меня.

Я засмеялась.

— Я хочу быть единственной.

— Правда? — Он приподнял бровь. — Ведь ты же знаешь, что означает быть моей единственной.

— Расскажи мне.

— Это означает, что я буду целовать тебя дважды каждое утро и каждую ночь. — Он ухмыльнулся. — Это означает, что тебе придётся держать меня за руку, когда мы будем летать во Францию на нашу виллу. — От моего вздоха его улыбка стала ещё шире. — Все эти вечные ценности, Скайлар.

— Я хочу их. — Я тотчас поднялась и поцеловала его. — Я хочу всё это.

Он перевернул меня на спину и посмотрел мне в глаза.

— Тогда переезжай ко мне.

Моё сердце замерло.

— Что?

— Оставайся здесь. Живи со мной.

— Ты серьёзно?

— Да. Я на сто процентов уверен в этом, а сто — это хорошее число.

Я тихо рассмеялась, и слёзы снова наполнили мои глаза.

— Сегодня я слишком много плачу. С чего бы это?

— Я не хочу, чтобы ты плакала. Никогда. — Он поцеловал мои веки.

— Это слёзы счастья, Себастьян. Конечно, я буду жить с тобой.

— Хорошо. — Он опустился, положив голову мне на грудь, и так мы вместе лежали, огонь согревал нашу кожу, наше дыхание было медленным и глубоким. — Слёзы счастья — это хорошо, я могу справиться с этим. И даже если ты будешь плакать от грусти, я также справлюсь. Я буду заботиться о тебе, Скайлар.

— А я буду заботиться о тебе. — Я закрыла глаза и сделала вдох. Мне нравилось чувствовать тяжесть его головы на своей груди, тепло его кожи рядом, надежду, витающую в воздухе. — Всегда.

Эпилог

Скайлар

— Готов?

— Думаю, да. — Его выражение лица подсказывало мне, что он лжёт, но я запаслась достаточным количеством времени для его переживаний по поводу сегодняшнего маршрута. Прожив с ним последние два месяца, я знала, что нужно выделять дополнительное время почти всегда, когда мы занимались чем-либо вне дома. Онправлялся намного лучше со своим пунктиком по поводу проверок, но сегодня у него для этого был новый повод.

— Ну же. Я всегда буду рядом. — Я потянула его за руку, но он не сдвинулся с места. — Мы же ещё не садимся в самолёт, Себастьян. Это всего лишь вход в аэропорт. — Говоря это, я взяла его за локоть и аккуратно повела его сквозь автоматические двери. — Там будут хорошие люди, которые проверят наши посадочные талоны и скажут нам, к какому выходу следует направляться, а другие приятные люди сдерут с нас в тридорога за кофе и пожелают нам приятного полёта, а затем ещё одни милые люди покажут нам, как использовать ремень безопасности и поблагодарят нас за то, что выбрали их авиакомпанию.

К тому времени, как я закончила свою успокаивающую речь, мы оказались внутри терминала.

— Видишь? Ты здесь, и с тобой всё в порядке, — сказала я торжественно.

— Что теперь? — спросил он дрожащим голосом.

— А теперь мы зарегистрируемся и пойдём искать наш выход. Нам даже не нужно проверять багаж, так что всё пройдёт быстро и легко. Хорошо?

Он сделал глубокий вдох.

— Хорошо.

— Вот и замечательно. Ведь это небольшое путешествие на выходные в День святого Валентина было твоей идеей, и ты уже за всё заплатил, так что будет очень печально, если мне придётся отдать твой билет кому-то другому.

— Даже не думай. — Он поймал меня за талию и прижал к себе. — Напомни мне, сколько будет длиться полёт?

Я поцеловала его в щеку.

— Один час и десять минут, и я буду говорить с тобой всё это время.

Краски снова появились на его лице, когда он улыбнулся.

— Я не сомневаюсь.

Я вытащила наши посадочные талоны, которые распечатала на работе, и мы встали в очередь на регистрацию. Себастьян казался более-менее расслабленным, пока нам не сказали, что посадка на самолёт будет осуществляться с третьего выхода.

— Перестань волноваться, — сказала я, снова взяв его за руку. — Номер выхода не имеет значения.

Мы пришли к третьему выходу, взяли кофе за пять долларов и выбрали места у окна. Погода была мрачной и унылой, и я с нетерпением ждала вылета. Не то чтобы погода в Чикаго была намного лучше, но будет так круто остановиться в шикарном отеле, отправиться на шоппинг в «Магнифисент Майл», поужинать во французском ресторане для гурманов или, возможно, в маленьком уютном итальянском ресторанчике. Честно говоря, меня не волновало, чем мы будем заниматься — важнее всего было то, что мы будем делать это вместе. Наш первый отпуск.

— Эй. — Я опустила голову на его плечо. — Спасибо за это. Я знаю, что тебе не особо хочется делать это.

— Этот самолёт кажется маленьким. Ты уверена, что он правильного размера? — Он смотрел в окно, его правое колено постоянно подёргивалось.

Я вздохнула.

— Да, дорогой.

— Дай мне снова взглянуть на посадочные талоны.

— Нет, — сказала я с любовью, но твёрдо. — Ты видел их уже сотню раз. Ты уже знаешь, что наши места в чётном ряду. Второй ряд, первый класс.

Он нахмурился.

— Ты уверена?

— Ты сам забронировал билеты, Себастьян. Теперь давай поговорим о том, что мы будем делать в эти выходные. Как насчёт массажа? — Я старалась отвлечь его от собственных мыслей, но это было непросто.

Когда он попытался снова пройти по взлётной полосе, потому что в первый раз что-то ему показалось не так, я схватила его за руку и отказалась отпускать.

Когда он вынул брошюру, объясняющую процесс посадки на воду, я забрала её и сунула в карман сиденья.

Когда он робко посмотрел на подлокотник, где были спрятаны наши столики, я помахала упаковкой антибактериальных салфеток.

— Иди ко мне, детка. Я уже обо всём позаботилась.

Он огляделся по сторонам.

— В этой секции сидит одиннадцать человек. Кто-то должен пересесть на то пустое кресло.

Я вытащила из сумки куклу Барби, которую достала из сундука на чердаке моей мамы.

— Теперь нас здесь двенадцать. Хорошая чётная дюжина. — Я засунула её в карман на спинке сиденья перед ним.

— Ох, твою ж мать! — Он схватил куклу и сунул её обратно в мою сумку. — Я ещё не так безнадёжен. — С улыбкой на лице, он откинулся на спинку сиденья, хотя и продолжал перебирать пальцами рук.

— Эй. Всё будет хорошо. — Я остановила его руку, положив сверху свою. — Повтори.

— Всё будет хорошо, — повторил он тихо, закрывая глаза.

Я быстро поцеловала его в щеку.

— Теперь давай скажем это вместе восемь раз.

Он открыл глаза и по-настоящему улыбнулся мне.

— Боже, ты восхитительна. Нам не нужно этого делать.

— Ты уверен? Я не возражаю, если это заставит тебя чувствовать себя лучше. Я знаю, что ты делаешь всё это ради меня.

— Я делаю это ради нас. — Он поднёс мою руку к губам. — И единственное, что мне нужно, чтобы чувствовать себя хорошо, это ты рядом со мной.

В моём животе запорхали бабочки.

— Я всегда буду с тобой.

— Скажи это ещё раз, быстро. — Он смущенно усмехнулся. — Два всё ещё лучше, чем один.

— Я всегда буду с тобой. — Я ткнула пальцем в его ногу. — Господи, Себастьян, если у нас когда-нибудь будут дети, то тебе всё время будет хочется близнецов, — поддразнивала я.

— Забавно, что ты так думаешь. — Он взял мою руку в свою, и вдруг я поняла, что он играл с моим безымянным пальцем. — Я думал об этом. О семье.

— Правда? — Я тяжело сглотнула. — Я тоже.

Близкое знакомство со счастливой семьёй Фурные значительно повлияло на меня в последние несколько месяцев. Я хотела этого с Себастьяном, и, похоже, я была готова к следующему шагу, но мне не хотелось торопить его.

— Возможно, мы сможем немного поговорить о будущем в эти выходные? — спросил он.

Я кивнула, очарованная тем, какой оборот принял этот разговор.

— С удовольствием.

Он играл с моими пальцами.

— Знаешь, впервые в своей жизни я думаю о будущем, и меня это не пугает. Мы будем счастливы вместе, да?

Я улыбнулась, сжимая его руку.

— Скажи это ещё раз, быстро.

Наклоняясь ко мне, он прижался губами к моим, прежде чем прошептать.

— Выходи за меня.

КОНЕЦ